

ISSN 1992-2892
ISSN 2500-221X (online)

2021 '3

ЖЕНЩИНА

**В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ**

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3 — 2021

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись ПИ № ФС 77-78824 от 30.07.2020 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)
С 2017 г. входит в систему цитирования SCOPUS*

Редакционный совет:

С. Г. Айвазова (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

К. Р. Нечмиас (Школа по связям с общественностью,
Университет штата Пенсильвания в Гаррисберге, Миддлтаун, США;
почетный доктор политических наук и государственной политики),

Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),

О. В. Рябов (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник),

З. Х. Саралиева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),

Е. А. Смирнов (Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Иваново;
доктор социологических наук, профессор),

Р. Н. Сулейманова (Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН, г. Уфа; доктор исторических наук, главный научный сотрудник),

Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

О. А. Хасбулатова (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),

И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),

Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор социологических наук, профессор),

И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),

Н. С. Рычихина (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат экономических наук, доцент)

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5
Тел./факс в Иваново: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 3 — 2021

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

---

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
Registry entry PI № FS 77-78824 on 30.07.2020*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)
Included into abstract and citation database SCOPUS since 2017*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
C. R. Nechemias, Dr. Sc., Assoc. Prof. Emerita of Political Science and Public Policy
(School of Public Affairs, Pennsylvania State University at Harrisburg, Middletown, USA),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy, Leading Researcher
(Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
R. N. Suleimanova, Dr. Sc. History, Chief Researcher (Institute of History, Language and Literature
of Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, Ufa),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **E. R. Iarskaia-Smirnova**, Dr. Sc. Sociology (National Research University
"Higher School of Economics", Moscow),
Prof. **E. A. Smirnov**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Ivanovo)

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **N. S. Rychikhina** (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Timiriazev str., 5
Tel./Fax: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2021
© Ivanovo State University, 2021

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

Woman in Russian Society

2021. No. 3. P. 3—17

DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.1

Женщина в российском обществе

2021. № 3. С. 3—17

ББК 67.911.11

DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.1

ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ ОЦЕНКИ ГЕНДЕРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ: СОВМЕСТИМОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ ПОДХОДОВ

А. А. Каширкина, А. Н. Морозов

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
г. Москва, Россия, anna-kash@yandex.ru

Среди гендерной проблематики особое место занимает вопрос защиты женщин от всех видов и форм насилия, включая домашнее (семейное) насилие. На международно-правовом уровне в основополагающих документах закрепляется наиболее широкий состав определения понятия «домашнее насилие», в которое входят формы не только физического насилия, но и психологического, морального, экономического принуждения, создание различных дискриминационных условий, а также давление по причине того, что субъектом является женщина. Международное право активно разрабатывает инструментарий, направленный на комплексную защиту женщин от всех видов дискриминации и насилия. Однако на пути успешной имплементации таких норм в национальные законодательства стоит немало препятствий. В связи с этим цель настоящей статьи осветить правовые риски и препятствия, которые могут возникнуть перед государствами при введении в действие одного из важнейших международных договоров в этой области — Конвенции Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье 2011 г. (Стамбульская конвенция). Авторами статьи используется метод эмпирического анализа в процессе исследования оценки Стамбульской конвенции и каналов ее имплементации Комиссией Совета Европы за демократию через право (Венецианская комиссия) в принятом ею заключении по вопросу конституционных последствий ратификации Арменией данного международного договора.

Ключевые слова: права женщин, международное право, домашнее насилие, защита прав женщин, дискриминация, гендерное равенство, международные стандарты, Совет Европы, Венецианская комиссия, Стамбульская конвенция.

EUROPEAN EXPERIENCE IN GENDER ASSESSMENT: COMPATIBILITY OF INTERNATIONAL STANDARDS AND NATIONAL LEGAL APPROACHES

A. A. Kashirkina, A. N. Morozov

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation, anna-kash@yandex.ru

Among gender issues, the issue of protecting women from all types and forms of violence, including domestic (family) violence, occupies a special place. At the international legal level, the most comprehensive definition of “domestic violence” which includes not only physical violence, but also psychological, moral, economic coercion, the creation of various discriminatory conditions, as well as pressure, given the fact that the subject is female is enshrined in the fundamental documents, International law is actively developing tools aimed at comprehensively protecting women from all forms of discrimination and violence. However, there are many obstacles to the successful implementation of such norms in the national legislation of states. In this regard, the purpose of this article is to highlight the legal risks and obstacles that countries face in enforcing one of the most important international treaties in this field — the Council of Europe Convention on the Prevention and Combating of Violence against Women and Domestic Violence of 2011 (Istanbul Convention). At the same time, the authors of the article use the empirical analysis method by examining the assessment of the Istanbul Convention and the channels for its implementation by the Council of Europe Commission for Democracy through Law (Venice Commission) in its opinion on the constitutional consequences of ratification by Armenia of this international treaty. Through the use of methods of international legal, systemic, logical, teleological interpretation, the authors of the article come to the conclusion that one of the key difficulties in the implementation of the Istanbul Convention in national legislation is its complex polyconventional nature, which is manifested in the totality of norm-principles, norm-definitions and protective standards that may be ambiguously perceived by states. At the same time, the development of the catalog of human rights, as the historical method shows, will gradually lead to the appearance in the documents on women’s rights of an increasing number of provisions related to the prevention of not only gender-based violence, but also the prevention of appropriate behavior aimed at discrimination based on sex in the most different expressions. According to the Venice Commission, this also shows the multifunctional nature of Council of Europe standards. Moreover, for the successful implementation of norms aimed at protecting women from forms of violence, both universal human rights protection mechanisms established under the auspices of the United Nations and soft law mechanisms implemented both by the Council of Europe Commission for Democracy through Law (Venice Commission) are needed and other interstate bodies, governmental and non-governmental organizations. The article was written using both general scientific and special methods of cognition: dialectical, historical, philosophical, comparative legal, formal legal, logical, analytical, as well as involving methods of legal modeling and synergetic analysis.

Key words: women’s rights, international law, domestic violence, protection of women’s rights, discrimination, gender equality, international standards, Council of Europe, Venice Commission, Istanbul Convention.

Международное и конституционное право в поисках оптимальной модели защиты гендерных прав

Опыт развития межгосударственных интеграционных объединений и международных межправительственных организаций наглядно доказывает, что европейский регион, где функционируют как Европейский союз, так и политическое объединение Совет Европы, является лидером по закреплению в национальных правовых системах государств и внедрению в них различных гуманитарных ценностей [Каширкина, Морозов, 2018].

В то же время, как справедливо отмечают И. Балабанова-Стойчева, М. Кадиева, Т. Крумова, в Европе антиевропейские движения усиливаются, привлекая сочувствующих и сторонников. Эта тенденция вызывает тревогу за будущее Европы. Особенно сильное влияние таких сил проявляется в отношении защиты прав человека, коллективных прав и свободы личности в регионе. Правые партии, для которых характерна тенденция к крайнему национализму, набирают силу в Европе и порождают ксенофобию и расизм. Очень часто программы этих движений включают конкретные шаги против женщин и равенства женщин и мужчин, против прав человека. Они также создают условия для формирования сильного антифеминистского предубеждения и для принятия мер в ущерб уже достигнутым правам [Балабанова-Стойчева и др., 2017].

Кроме того, как указывается в зарубежных исследованиях, во всем мире женщины по-прежнему сталкиваются с широким кругом проявлений неравенства и дискриминации, обусловленных тем, что они женщины. Например, в самых разных юрисдикциях законы и политика продолжают способствовать активной дискриминации женщин в таких областях, как правовой статус, гражданство, семья и брак, наследование и имущественные права. Широко распространено насилие в отношении женщин, в то время как правовые и судебные меры не могут эффективно реализовываться, предотвращать и наказывать соответствующие деяния. Дискриминация женщин и девочек на рабочем месте, а также в сферах образования и здравоохранения остается обычным явлением. Между тем ряд барьеров продолжают препятствовать доступу женщин к правовой защите и возмещению ущерба в случаях дискриминации. Декларативно обеспечение принципа гендерного равенства закреплено в национальных законодательствах и законодательствах, запрещающих дискриминацию во всех аспектах жизни женщин и наделяющих их соответствующими средствами правовой защиты. Однако эти меры являются единичными из тех правовых мер, реализацию которых международное право в области прав человека требует обеспечить государствам, чтобы устранить дискриминацию по признаку пола и тем самым приблизиться к достижению гендерного равенства. Подобные требования к национальным властям жизненно важны. Во-первых, такие правовые положения предоставляют женщинам нормативную основу и процедурные механизмы, на базе которых они добиваются справедливости, когда сталкиваются с различными формами дискриминации и неравенства. Во-вторых, будучи нормами закона, они играют более широкую социальную роль и имеют решающее значение в профилактических и регулирующих усилиях. Подобные нормы являются одновременно нормами-дефинициями, юридически определяющими

подходы к гендерному неравенству, круг его субъектов, и нормами-принципами, которые не только отправляют важный сигнал о том, что гендерное неравенство и дискриминация женщин незаконны, но и устанавливают стандарты защиты на национальном уровне [International Human Rights Law... , 2014].

Вслед за международно-правовыми актами большинство современных конституций запрещают дискриминацию по признаку пола. Тем не менее, как показывают проводимые исследования, даже конституционный принцип недискриминации сам по себе недостаточен для обеспечения фактического равенства женщин. В последние годы универсальные и региональные органы по правам человека начали шире использовать недискриминационный подход в связи с договорами о правах человека, интерпретируя проявления дискриминации в свете особых вызовов, угрожающих правам человека женщин [Rudolf, Eriksson, 2007].

В то же время очевидно, что всеобъемлющие гарантии прав человека женщин, изложенные в международных и региональных правовых актах, становятся реальными только тогда, когда они принимаются и являются действенными на национальном уровне. Конституционное закрепление прав человека женщин обеспечивает наилучшую и наиболее надежную гарантию того, что будущие законы, политика и решения государства будут направлены на ликвидацию дискриминации и активное продвижение прав женщин [Women's Human Rights... , 2016].

По мнению Дж. Гардам, учет гендерных факторов является основной стратегией, принятой в рамках Организации Объединенных Наций и ее учреждений для расширения прав и возможностей женщин. Идея этой инициативы заключалась в оценке последствий для мужчин и женщин любой политики, программ или законодательства в любой области и на всех уровнях с конечной целью достижения гендерного равенства [Gardam, 2019].

При этом системной защите прав женщин в Европейском союзе и Совете Европы уделяется особое внимание. Следует учесть полифункциональный характер стандартов Совета Европы в сфере защиты прав человека как норм, правовой радиус которых распространяется на самые различные аспекты защиты политических, экономических, социальных, культурных и иных прав и свобод.

Как отмечают зарубежные исследователи, международные конвенции и иные международно-правовые акты важны не в последнюю очередь потому, что они предоставили конкретное определение понятия «гендерное насилие», которое служит для установления стандартов не только во всем мире, но и в национальных законодательствах [Klugman, 2017]. По международному праву государства имеют обязательства принимать, осуществлять и контролировать законодательство, касающееся всех форм насилия в отношении женщин. Многие государства приняли или пересмотрели такое законодательство. Тем не менее остаются значительные пробелы. Во многих государствах по-прежнему отсутствуют законодательные положения, которые конкретно касаются насилия в отношении женщин, и даже там, где существует законодательство, оно часто ограничено по объему и охвату или не применяется эффективно [Handbook for Legislation... , 2010].

Противодействие гендерному насилию в зеркале полифункциональных стандартов Совета Европы

Теоретически гендерное равенство проистекает из необходимости решения формационных задач эволюционирования каталога прав человека, однако даже в XXI в. эта проблема не решена окончательно, о чем заявляют как политические лидеры государств, так и эксперты в области прав человека на самых различных уровнях. Например, С. Фридман и Б. Голдблатт отмечают, что законодательное и институциональное неравенство женщин и мужчин оказывает серьезное влияние на способность женщин получать доступ к экономическим ресурсам и расширению прав и возможностей [Fredman, Goldblatt, 2015]. В то же время справедливо утверждение, что в последние десятилетия вопросы, касающиеся прав женщин, заняли видное место на международно-правовой арене. Однако права женщин в контексте вопросов их безопасности — относительно новое явление [Adrian-Paul, Naraghi Anderlini, 2004]. В течение последних двух десятилетий международные участники уделяли внимание кризису насилия по признаку пола [Ulrich, 2000]. Ряд зарубежных исследователей подчеркивают, что насилие в отношении женщин, насилие в семье и гендерное насилие являются одними из наиболее серьезных нарушений прав человека в Европе. Эти формы насилия также в значительной степени замалчиваются. Домашнее насилие (насилие в семье) является одной из многочисленных форм насилия в отношении женщин, которые были идентифицированы во всем мире, в том числе и на правовом уровне [Andreea, 2004]. Статистика наглядно свидетельствует о том, что насилие в отношении женщин — широко распространенное явление. Одно из наиболее всеобъемлющих исследований было проведено в Европе Агентством Европейского союза по основным правам в 2014 г. В нем представлены данные о масштабах, характере и последствиях насилия в отношении женщин в государствах — членах ЕС. Результаты исследования были шокирующими. Каждая третья женщина (33 %) подвергалась физическому и/или сексуальному насилию с 15-летнего возраста. Каждая пятая женщина (18 %) сталкивалась с преследованием, а каждая вторая женщина (55 %) — с одной или несколькими формами сексуального домогательства [OSCE-led Survey... , 2014].

При этом движение по признанию насилия в семье нарушением прав человека в международном праве начало развиваться относительно недавно [Meyersfeld, 2016]. В настоящее время насилие в семье является постоянной темой в исследованиях по международному праву, наглядно иллюстрирующих множество способов имплементации, посредством которых данное право взаимодействует с внутренними нормами [Stark, 2001].

Тем не менее формационное развитие каталога прав человека, включая обеспечение и защиту прав женщин, не останавливалось [Каширкина, Морозов, 2020], и на каждом его этапе принятие международно-правового акта означало новую веху в развитии гендерного движения. Однако сущность проблем, затрудняющих решение гендерных вопросов и обеспечение женщинам реального равенства, гарантированных прав и защиты от дискриминации и насилия, в условиях глобализации значительно видоизменяется.

Можно говорить о том, что негативной модифицирующей траекторией современной проблематики является распространение применения в отношении женщин не только физического насилия, но и психологического и бытового.

Стамбульская конвенция: каналы имплементации и национальные решения

Новый этап сотрудничества государств для ограждения женщин от всех форм насилия был связан с принятием в 2011 г. Советом Европы Конвенции по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье (Стамбульская конвенция). Ключевой частью деятельности Совета Европы стала ратификация и осуществление данной Конвенции [Stubberud et al., 2018].

Стамбульская конвенция вступила в силу 1 августа 2014 г. после ее ратификации 10 государствами. К августу 2019 г. она была ратифицирована 34 государствами — членами Совета Европы и подписана всеми другими государствами-членами, за исключением Азербайджана и Российской Федерации. Она также была подписана одной международной организацией — Европейским союзом. Оговорки к настоящей Конвенции были сделаны 22 государствами-участниками в соответствии со статьей 78 «Оговорки». Пять государств-участников приняли заявления, одно из которых (заявление Польши) было отклонено шестью государствами-участниками. В двух странах, Болгарии и Словакии, процесс ратификации недавно был приостановлен. В Болгарии это вызвано решением Конституционного суда, установившего противоречие между Стамбульской конвенцией и Конституцией Болгарии. В Словакии 29 марта 2019 г. Национальный совет подавляющим большинством голосов проголосовал против ратификации Стамбульской конвенции и обратился к правительству с просьбой прекратить процесс ратификации.

Стамбульская конвенция является первым в Европе юридически обязательным документом, специально посвященным насилию в отношении женщин, и знаменует важный шаг на пути к достижению более полного равенства полов. Конвенция устанавливает высокие стандарты, обеспечивающие защиту женщин в Европе [The Council of Europe Convention... , 2014].

Таким образом, можно признать, что положения Стамбульской конвенции, несмотря на их прогрессивный характер для решения вопросов гендерной защиты, до сих пор неоднозначно воспринимаются в национальных правовых системах даже европейских государств. И объяснение этого коренится не только в нежелании государств связывать себя дополнительными международными обязательствами, но и в том, что конвенционное наполнение принципов гендерной защиты от всех видов дискриминации и насилия в Стамбульской конвенции носит довольно сложный правовой характер и может иметь различные правовые интерпретации и толкования.

В целом вступление в силу Стамбульской конвенции, пишет Р. Маккуигг, является еще одним важным событием в деле решения проблемы насилия в семье. По сути, Стамбульская конвенция налагает на государства подробные обязательства по введению ответных законодательных мер на насилие в отношении женщин в отличие от гораздо более общих обязанностей, возлагаемых на государства Европейским судом по правам человека [McQuigg, 2015].

В целях подготовки компетентного, в том числе телеологического, толкования законодательства в свете международных актов в рамках Совета Европы действует специальный орган — Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия), которая объединяет специалистов в качестве независимых экспертов от различных государств [Хабриева, 2018; Венецианская комиссия... , 2014]. В задачи Венецианской комиссии входят как экстренная конституционная помощь государствам в период различных внутренних кризисов, так и оказание им содействия в рамках улучшения их национальных правовых систем при принятии резонансных законодательных актов, как правило затрагивающих права и свободы человека и гражданина, и при ратификации международных договоров в указанной сфере. Подобная помощь государствам оформляется в виде заключений, носящих рекомендательный характер и не влекущих строго юридических обязательств по их выполнению, однако в силу исключительного авторитета данного органа Совета Европы и высокопрофессиональной проработке различных сложнейших вопросов заключение Венецианской комиссии обычно внимательно исследуется органами государственной власти той страны, в отношении которой оно составлено.

Одно из последних заключений Венецианской комиссии касалось вопросов ратификации Республикой Армения Конвенции по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье, в частности конституционных последствий ратификации Арменией данного международного договора [Armenia: Opinion on the Constitutional Implications... , 2019].

Армения подписала Стамбульскую конвенцию 18 января 2018 г.¹, в настоящее время процесс ратификации находится на стадии рассмотрения.

Основные выводы, которые сделала Венецианская комиссия в контексте ратификации Стамбульской конвенции, заключались в следующем: 1) Стамбульская конвенция не нужна Армении; 2) она содержит определенные термины и понятия, которые противоречат терминам и понятиям, закрепленным в национальной конституции рассматриваемой страны; 3) Стамбульская конвенция приведет к законодательным изменениям, которые будут противоречить национальной конституции Армении; 4) Конвенция вводит орган, обладающий, с точки зрения страны, чрезмерной компетенцией; 5) она вводит новые обязательства в области права убежища.

Цель Стамбульской конвенции, изложенная в ее преамбуле, заключается в том, чтобы создать Европу, свободную от насилия в отношении женщин и бытового насилия. Поэтому государства-члены обязаны сформировать национальную правовую базу для борьбы со всеми формами насилия в отношении женщин, их предупреждения и судебного преследования. Кроме того, в Конвенции подчеркивается взаимосвязь между расширением прав и возможностей женщин, т. е. гендерным равенством, и ликвидацией всех форм насилия в отношении женщин.

---

¹ Подписывая конвенцию, Армения сделала оговорку, оставив за собой право не применять положения Конвенции, изложенные в статье 30 (2) «Компенсация», статье 55 (1) «Судопроизводство при наличии одной стороны и судопроизводство по должности», статье 35 «Физическое насилие», статье 58 «Законодательство об исковой давности», статье 37 «Насильственный брак» и статье 59 «Статус проживания».

Для достижения этой цели Стамбульская конвенция опирается на другие международно-правовые документы, такие как Конвенция о защите прав человека и основных свобод, а также прецедентное право Европейского суда по правам человека. Кроме того, она представляет собой разработку стандартов, закрепленных в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Наконец, Стамбульская конвенция воспроизводит в модифицированной форме принципы Международного пакта о гражданских и политических правах, Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Таким образом, главное достижение Стамбульской конвенции заключается в ее поликонвенционном характере, т. е. опоре на самые различные международные договоры, конвенции, носящие системообразующий характер для защиты прав человека, и каждый международно-правовой документ уже содержит в себе значительный массив правовых норм в сфере защиты прав человека, в том числе прав женщин, включая соответствующие обязательства для государств по обеспечению и гарантиям недопущения соответствующих нарушений.

По нашему мнению, такой сложный поликонвенционный характер Стамбульской конвенции является ее огромным достижением, но одновременно осложняет работу по ратификации данной Конвенции и ее успешной имплементации в ряде государств, где проблемы с насилием в отношении женщин и их дискриминацией не выносятся на повестку дня как серьезные.

Стамбульская конвенция опирается на указанные документы, но в ней особое внимание уделяется насилию в отношении женщин и бытовому насилию, которые прямо не рассматриваются в более ранних документах, несмотря на то что данные формы насилия неоднократно квалифицировались как серьезное и распространенное нарушение прав человека. Она следует примеру Межамериканской конвенции о предупреждении и искоренении насилия в отношении женщин и наказании за него (Конвенция Белен-ду-Пара), принятой под эгидой Организации американских государств (1994 г.), а также Протокола к Африканской хартии прав человека и народов о правах женщин в Африке (2003 г.), более известного как Мапутский протокол.

Несомненное достижение Стамбульской конвенции заключается в принятии унифицированных определений понятий «насилие в отношении женщин» и «насилие в семье» с тем, чтобы содействовать лучшему пониманию этих терминов и проводить различия между ними. В частности, Стамбульская конвенция определяет «насилие в отношении женщин» как нарушение прав человека и форму дискриминации женщин и означает все акты гендерного насилия, которые приводят или могут привести к физическому, сексуальному, психологическому, экономическому ущербу или страданиям женщин, в том числе угрозы таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы независимо от того, происходит ли это в публичной или частной жизни. Указанное международно-правовое определение вполне увязывается с трактовками, дающимися в правовой доктрине. Так, в коллективной монографии «Домашнее насилие по законодательству зарубежных стран: ответственность и превенция» подтверждается, что домашнее насилие представляет собой сочетание различных форм

насилия — физического, сексуального, психологического, экономического и иных форм подавления, используемого членом (членами) семьи против другого члена этой же семьи (или других членов семьи), партнерства или иной формы семейных отношений. Формы насилия, в свою очередь, могут включать убийство, нанесение телесных повреждений, запугивание, угрозы, оскорбления, изоляцию, изнасилование, манипулирование, использование детей, финансовые ограничения и отставание «мужских привилегий» (таких как единоличное принятие всех важных для семьи решений, перекладывание на плечи женщины выполнения всех домашних обязанностей и т. д.) [Домашнее насилие... , 2011: 14].

Указанный состав понятия «насилие в отношении женщин» усложняет его юридическое восприятие для правоприменителей, которыми будут являться государственные органы, тем, что, помимо свершившихся актов насилия, под конвенционное, т. е. международно-правовое, закрепление подпадают акты, которые могут привести к насилию в отношении женщин в будущем. Таким образом, кроме юридического события, а именно факта дискриминации, защитительная природа данной нормы Стамбульской конвенции направлена намного дальше — на недопущение этих актов в будущем, а значит, носит превентивно-обязывающий характер по недопущению таких форм насилия в отношении женщин, включая насилие психологическое и бытовое. При этом Стамбульская конвенция содержит указание на применение механизма компенсации².

В дополнение к определению термина «насилие в отношении женщин» в статье 3 (b) Стамбульской конвенции также содержится определение понятия «насилие в семье» («бытовое насилие»): насилие в семье означает все акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят среди членов семьи или домочадцев либо между бывшими или нынешними супругами или партнерами независимо от того, проживает ли виновное лицо совместно с жертвой или нет.

В гендерно-нейтральном определении насилия в семье (бытовое насилие) учитывается, что мужчины, дети и пожилые люди могут быть жертвами этого насилия. Тем не менее общепризнанным является тот факт, что большинство жертв, пострадавших от бытового насилия, — женщины. В связи с этим бытовое насилие представляет собой еще одну форму насилия, которая имеет четко выраженный гендерный характер.

Как установила Венецианская комиссия в своем заключении, Стамбульская конвенция борется с бытовым насилием независимо от того, в какой семье

---

² Статья 30 «Компенсация» устанавливает: 1. Стороны принимают необходимые законодательные или иные меры, гарантирующие, что жертвы имеют право требовать компенсацию от лиц, совершающих акты насилия, при любом преступлении, которое установлено в соответствии с Конвенцией. 2. Надлежащая государственная компенсация присуждается лицам, пострадавшим от серьезных физических травм или нарушения здоровья, в той мере, в какой данный ущерб не покрывается иными источниками, такими как средства лица, совершившего акты насилия, страхование либо государственное медицинское и социальное обеспечение. Это положение не препятствует сторонам в порядке регресса требовать компенсации от лица, совершившего акты насилия, при условии должного обеспечения безопасности жертвы. 3. Меры, принимаемые в соответствии с параграфом 2 этой статьи, должны обеспечивать предоставление компенсации в разумные сроки.

или в какой домашней обстановке оно происходит. Бытовое насилие может иметь проявления в отношениях между интимными партнерами — супругами, в том числе бывшими, и сожителями, а также между двумя (или более) членами семьи разных поколений. Поскольку Стамбульская конвенция направлена на борьбу с насилием в отношении женщин и бытовым насилием везде, где оно имеет место, ее действие распространяется на всех партнеров, состоящих или не состоящих в браке, независимо от того, принадлежат ли они к одному или другому полу. Ни одна группа жертв не лишается защиты по причине семейного положения или по каким-либо другим признакам дискриминации, охватываемым Конвенцией.

Таким образом, многие государства оказываются неготовыми к принятию на себя обязательств такого уровня, на котором комплексная защита от всех форм насилия, предоставляемая женщинам, требует проведения всеобъемлющей профилактической работы с целью недопущения гендерного насилия, создания максимально эффективных и действенных механизмов реагирования не только на свершившиеся случаи насилия в отношении женщин, но и на потенциально опасные ситуации, способные привести к насилию в отношении женщин, а также механизмов реальных гарантий и компенсаций жертвам насилия в указанных в Стамбульской конвенции случаях. Все это обязывает государства не только к построению политической модели гендерной защиты, связанной с выполнением международных обязательств, но и к широкомасштабному распространению принципа недопущения всех форм насилия в отношении женщин в качестве важного структурного элемента восприятия общественной жизни. Кроме того, государства-участники обязаны повышать осведомленность и информировать общественность о предупреждении бытового насилия и насилия в отношении женщин, а также об укреплении равенства мужчин и женщин во всех сферах.

Иными словами, для ратификации Стамбульской конвенции и ее успешной имплементации в национальную правовую систему, включая главным образом ее реализацию, необходима политическая, социальная, экономическая готовность государства к принятию на себя соответствующих обязательств, немаловажное значение имеет психологическое восприятие обществом идей Стамбульской конвенции.

Таким образом, для ратификации и эффективного внедрения Стамбульской конвенции нужен синтезированный механизм правовой, экономической и социальной работы, а также создание необходимых условий. В то же время, как указала Венецианская комиссия с опорой на постулаты международного права, государства не обязаны ратифицировать все договоры, вытекающие из международного права.

В целом ратификация Стамбульской конвенции государствами должна привести к правовой «диффузии», т. е. распространению гендерных стандартов недискриминации и защиты женщин от всех форм насилия, их переходу с международно-правового и конституционного уровней на уровень правоприменителя в лице не только органов государственной власти, но и адресатов в различных социальных стратах, включая семью. В этом заключается основное целеполагание Стамбульской конвенции как акта нового, модифицированного уровня по сравнению с имеющимися международно-правовыми регуляторами в данной

сфере. В то же время необходимо отметить, что, как подчеркнула Венецианская комиссия в своем заключении, Стамбульская конвенция не устанавливает новых стандартов по признаку пола и гендерной идентичности, однако значительно расширяет существующие рамки восприятия этих стандартов за счет включения в содержание специальных положений.

Стамбульская конвенция: дилемма для государств или новый гендерный порядок

В заключение необходимо указать, что Конвенция Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье несет в себе определенные социогендерные риски, связанные с новым гендерным порядком и новой практикой отношения к полу человека, гендерной идентичности и гендерным различиям. Очевидно, что Стамбульская конвенция стоит на максимально толерантных и расширенных позициях восприятия в национальных правовых системах гендера, а исходя из этого признает жертвами гендерного насилия максимально широкий круг акторов, среди которых могут быть мальчики и мужчины. Однако, и это важно подчеркнуть, Стамбульская конвенция тем самым не обязывает государства к восприятию однополых браков и формированию новой по отношению к существующей в законодательстве модели семьи, она причисляет эту прерогативу к внутригосударственным функциям. В этом плане ратификация Стамбульской конвенции несет для государств определенные гендерные риски, поскольку, помимо национальных укладов, традиций, затрагивает более тонкую сферу общественных отношений, а именно ментальность гендерных общностей в тех странах, где половые различия между мужчинами и женщинами, репродуктивная составляющая остаются фундаментальной основой, имеющей легальное закрепление для создания брака и семьи, а значит, для признания такой модели конструктивной и допустимой государством и обществом в качестве позитивной нормы поведения. Новый гендерный правопорядок, тем не менее, является реальностью, расширяющей границы и в сфере гендерных отношений, что подчеркивает в своем заключении Венецианская комиссия. В этом смысле справедливо утверждение Г. Г. Силласте о том, что формирование нового гендерного порядка закладывает в своем ядре идею достижения гендерного равноправия, а не равенства [Силласте, 2019]. В данном значении юридически равенство и не должно быть конечной целью закрепления легального статуса субъектов разных полов в силу биологической уязвимости женщин и необходимости их повышенной социальной защиты. В указанном контексте, несмотря на изложенные выше сложности в правовых моделях и потенциальные риски восприятия национальными правовыми системами, принятие и вступление в силу Стамбульской конвенции является важным шагом в формационных преобразованиях гендерной защиты и существенно расширяет каналы и механизмы защиты прав женщин в современных условиях.

Резюмируя, можно отметить, что права женщин и их комплексная защита — объект регулирования значительной части всех правовых норм, охватывающих международное публичное право. Усилия членов мирового сообщества по защите прав женщин и поощрению гендерного равенства привели к принятию важных документов, имеющих основополагающее значение для всего

человечества. В свете этих международных норм государства взяли на себя обязательства и создали механизмы для их достижения. Среди них как универсальные механизмы защиты прав человека, сформированные под эгидой Организации Объединенных Наций, так и механизмы «мягкого» права, реализуемые в числе прочего посредством Комиссии Совета Европы за демократию через право (Венецианская комиссия) [Maftai, 2015].

В то же время сочетание этих подходов для их успешной имплементации в национальные законодательства не может быть однолинейным процессом, а требует как определенного временного периода, так и многоступенчатых законодательных шагов в целях подготовки соответствующей нормативной базы. Кроме того, в настоящее время некоторые нормы, касающиеся защиты женщин от всех форм насилия, являются для отдельных государств амбивалентными, т. е. несущими риски по своей природе, ввиду неготовности правовых систем данных государств к формированию и закреплению в своем законодательстве однозначных и всеобъемлющих форм защиты женщин от насилия.

Библиографический список

- Балабанова-Стойчева И., Кадиева М., Крумова Т.* Права на жените и десен популизъм: нови инструменти за развитие на демократичните и социални ценности. 2017. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/sofia/13827.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).
- Венецианская комиссия: сто шагов к демократии через право / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. И. Лафитского. М.: Статут, 2014. 256 с.
- Домашнее насилие по законодательству зарубежных стран: ответственность и превенция / отв. ред. Н. А. Голованова. М.: Юстицинформ, 2011. 384 с.
- Каширкина А. А., Морозов А. Н.* Европейский опыт продвижения гуманитарных ценностей для развития евразийской интеграции: будущие ориентиры // Право: журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 149—169.
- Каширкина А. А., Морозов А. Н.* Права женщин в современном обществе: результат генезиса или объективная необходимость? // Женщина в российском обществе. 2020. № 1. С. 3—16.
- Силласте Г. Г.* Страновой гендерный ландшафт как фактор формирования нового гендерного порядка, его социальные риски // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 4—13.
- Хабриева Т. Я.* Венецианская комиссия как субъект интерпретации права. М.: Статут, 2018. 344 с.
- Adrian-Paul A., Naraghi Anderlini S.* Key International Policies and Legal Mechanisms: Women's Rights in the Context of Peace and Security. 2004. URL: http://siteresources.worldbank.org/INTMNAREGTOPGENDER/Resources/Key_Policies.pdf (дата обращения: 25.03.2020).
- Armenia: Opinion on the Constitutional Implications of the Ratification of the Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence against Women and Domestic Violence (Istanbul Convention): adopted by the Venice Commission at its 120th Plenary Session (Venice, 11—12 October 2019). 2019. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2019\)018-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2019)018-e) (дата обращения: 25.03.2020).

- Fredman S., Goldblatt B.* Gender Equality and Human Rights. 2015. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/journals/UTSLRS/2014/8.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).
- Gardam Ju.* Feminist Interventions into International Law: a Generation. 2019. URL: <https://law.adelaide.edu.au/system/files/media/documents/2019-08/Feminist%20Interventions%20into%20International%20Law%20-%20A%20Generation%20On.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).
- Handbook for Legislation on Violence against Women. 2010. URL: <https://www.un.org/womenwatch/daw/vaw/handbook/Handbook%20for%20legislation%20on%20violence%20against%20women.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).
- International Human Rights Law and Gender Equality and Non-Discrimination Legislation: Requirements and Good Practices. 2014. URL: <https://www.icj.org/wp-content/uploads/2014/05/GEL-BRIEFING-ELECwhole.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).
- Klugman J.* Gender Based Violence and the Law. 2017. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/232551485539744935/WDR17-BP-Gender-based-violence-and-the-law.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).
- Maftai J.* Aspects of UN Activities on the International Protection of Women's Rights. 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/311581432_Aspects_of_UN_Activities_on_the_International_Protection_of_Women's_Rights (дата обращения: 25.03.2020).
- McQuigg R. J. A.* Domestic violence as a human rights issue: *Rumor v. Italy* // *European Journal of International Law*. 2015. Vol. 26, № 4. P. 1009—1025.
- Meyersfeld B.* A Theory of Domestic Violence in International Law: Diss. (Dr. Sc.). 2016. URL: <http://digitalcommons.law.yale.edu/ylsd/3> (дата обращения: 25.03.2020).
- OSCE-led Survey on Violence Against Women: Main Report. 2014. URL: <https://www.osce.org/VAWSurvey/publication> (дата обращения: 25.03.2020).
- Rudolf B., Eriksson A.* Women's rights under international human rights treaties: Issues of rape, domestic slavery, abortion, and domestic violence // *International Journal of Constitutional Law*. 2007. Vol. 5, iss. 3. P. 507—525.
- Stark B.* Domestic violence and international law: good-bye Earl (Hans, Pedro, Gen, Chou, etc.) // *Loyola Law Review*. 2001. Vol. 47. P. 255—282.
- Stubberud E., Hovde K., Aarbakke M. H.* The Istanbul Convention: the nordic way: the nordic countries' implementation of a selection of paragraphs in the Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence against Women and Domestic Violence // *Forlaget Nora*. 2018. URL: https://www.academia.edu/36464907/The_Istanbul_Convention_the_Nordic_Way_The_Nordic_Countries_Implementation_of_a_selection_of_paragraphs_in_The_Council_of_Europe_Convention_on_preventing_and_combating_violence_against_women_and_domestic_violence (дата обращения: 25.03.2020).
- The Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence against Women and Domestic Violence. 2014. URL: <https://www.endfgm.eu/content/documents/studies/Istanbul-Convention-FGM-guide.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).
- Ulrich J. L.* confronting gender-based violence with international instruments: is a solution to the pandemic within reach? // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2000. Vol. 7, iss. 2. P. 629—654.
- Vesa A.* International and regional standards for protecting victims of domestic violence // *American University Journal of Gender, Social Policy & the Law*. 2004. Vol. 12, iss. 2. P. 309—360.
- Women's Human Rights and National Constitutions. Leadership and Political Participation. 2016. URL: <http://www.onu.cl/es/wp-content/uploads/2016/06/Womens-Human-Rights-and-National-Constitutions-Guidance-Note.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).

References

- Adrian-Paul, A. Naraghi Anderlini, S. (2004) *Key International Policies and Legal Mechanisms: Women's Rights in the Context of Peace and Security*, available from http://siteresources.worldbank.org/INTMNAREGTOPGENDER/Resources/Key_Policies.pdf (accessed 25.03.2020).
- Armenia: *Opinion on the Constitutional Implications of the Ratification of the Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence against Women and Domestic Violence (Istanbul Convention)*, adopted by the Venice Commission at its 120th Plenary Session (Venice, 11—12 October 2019) (2019), available from [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2019\)018-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2019)018-e) (accessed 25.03.2020).
- Balabanova-Stoicheva, I., Kadieva, M., Krumova, T. (2017) *Prava na zhenite i desen populiz'm: novi instrumenti za razvitie na demokratichnite i sotsialni tsennosti*, available from <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/sofia/13827.pdf> (accessed 25.03.2020).
- Fredman, S., Goldblatt, B. (2015) *Gender Equality and Human Rights*, available from <http://www.austlii.edu.au/au/journals/UTSLRS/2014/8.pdf> (accessed 25.03.2020).
- Gardam, Ju. (2019) *Feminist Interventions into International Law: A Generation*, available from <https://law.adelaide.edu.au/system/files/media/documents/201908/Feminist%20Interventions%20into%20International%20Law%20%20A%20Generation%20On.pdf> (accessed 25.03.2020).
- Golovanova, N. A. (ed.) (2011) *Domashnee nasilie po zakonodatel'stvu zarubezhnykh stran: otvetstvennost' i preventsiia* [Domestic violence under the laws of foreign countries: responsibility and prevention], Moscow: Yustitsinform.
- Handbook for Legislation on Violence against Women* (2010), available from <https://www.un.org/womenwatch/daw/vaw/handbook/Handbook%20for%20legislation%20on%20violence%20against%20women.pdf> (accessed 25.03.2020).
- International Human Rights Law and Gender Equality and Non-Discrimination Legislation: Requirements and Good Practices* (2014), available from <https://www.icj.org/wp-content/uploads/2014/05/GEL-BRIEFING-ELECwhole.pdf> (accessed 25.03.2020).
- Kashirkina, A. A., Morozov, A. N. (2018) Evropeiskii opyt prodvizheniia gumanitarnykh tsennostei dlia razvitiia evraziiskoi integratsii: budushchie orientiry [European experience in promoting humanitarian values for the development of Eurasian integration: future guidelines], *Pravo: Zhurnal vyssheĭ shkoly ekonomiki*, no. 2, pp. 149—169.
- Kashirkina, A. A., Morozov, A. N. (2020) Prava zhenshchin v sovremennom obshchestve: rezul'tat genezisa ili ob'ektivnaia neobkhodimost'? [Women's rights in modern society: the result of genesis or objective necessity?], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 3—16.
- Khabrieva, T. Ia. (2018) *Venetsianskaia komissiiia kak sub'ekt interpretatsii prava* [The Venice Commission as a subject of interpretation of law], Moscow: Statut.
- Khabrieva, T. Ia., Lafitskii, V. I. (eds) (2014) *Venetsianskaia komissiiia: sto shagov k demokratii cherez pravo* [Venice Commission: a hundred steps to democracy through law], Moscow: Statut.
- Klugman, J. (2017) *Gender Based Violence and the Law*, available from <http://pubdocs.worldbank.org/en/232551485539744935/WDR17-BP-Gender-based-violence-and-the-law.pdf> (accessed 25.03.2020).
- Maftai, J. (2015) *Aspects of UN Activities on the International Protection of Women's Rights*, available from https://www.researchgate.net/publication/311581432_Aspects_of_UN_Activities_on_the_International_Protection_of_Women's_Rights (accessed 25.03.2020).

- McQuigg, R. J. A. (2015) Domestic violence as a human rights issue: Rumor v. Italy, *European Journal of International Law*, vol. 26, no. 4, pp. 1009—1025.
- Meyersfeld, B. (2016) *A Theory of Domestic Violence in International Law*: Diss. (Dr. Sc.), available from <http://digitalcommons.law.yale.edu/ylsd/3> (accessed 25.03.2020).
- Rudolf, B., Eriksson, A. (2007) Women's rights under international human rights treaties: Issues of rape, domestic slavery, abortion, and domestic violence, *International Journal of Constitutional Law*, vol. 5, iss. 3, pp. 507—525.
- Sillaste, G. G. (2019) Stranovoї gendernyї landshaft kak faktor formirovaniia novogo gendernogo poriadka, ego sotsial'nye riski [Country gender landscape as a factor in the formation of a new gender order, its social risks], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 4—13.
- Stark, B. (2001) Domestic violence and international law: good-bye Earl (Hans, Pedro, Gen, Chou, etc.), *Loyola Law Review*, vol 47, pp. 255—282.
- Stubberud, E., Hovde, K., Aarbakke, M. H. (2018) The Istanbul Convention: the nordic way: The nordic countries' implementation of a selection of paragraphs in the Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence against Women and Domestic Violence, *Forlaget Nora*, available from https://www.academia.edu/36464907/The_Istanbul_Convention_the_Nordic_Way_The_Nordic_Countries_Implementation_of_a_selection_of_paragraphs_in_The_Council_of_Europe_Convention_on_preventing_and_combating_violence_against_women_and_domestic_violence (accessed 25.03.2020).
- The Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence against Women and Domestic Violence* (2014), available from <https://www.endfgm.eu/content/documents/studies/Istanbul-Convention-FGM-guide.pdf> (accessed 25.03.2020).
- Ulrich, J. L. (2000) Confronting gender-based violence with international instruments: is a solution to the pandemic within reach?, *Indiana Journal of Global Legal Studies*, vol. 7, iss. 2, pp. 629—654.
- Vesa, A. (2004) International and regional standards for protecting victims of domestic violence, *American University Journal of Gender, Social Policy & the Law*, vol. 12, iss. 2, pp. 309—360.
- Women's Human Rights and National Constitutions. Leadership and Political Participation* (2016), available from <http://www.onu.cl/es/wp-content/uploads/2016/06/Womens-Human-Rights-and-National-Constitutions-Guidance-Note.pdf> (accessed 25.03.2020).

Статья поступила 24.04.2021 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Каширкина Анна Анатольевна — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела научного обеспечения деятельности секретариата делегации Российской Федерации в Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия), Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, anna-kash@yandex.ru (Cand. Sc. (Law), Leading Researcher at the Department of Scientific Support of the Activities of the Secretariat of Russian Delegation in European Commission for Democracy through Law (Venice Commission), Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Морозов Андрей Николаевич — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела зарубежного конституционного, административного, уголовного законодательства и международного права, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, cclal@izak.ru (Cand. Sc. (Law), Leading Researcher at the Department of Constitutional, Administrative, Criminal Law and International Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. No. 3. P. 18—31
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.2

Женщина в российском обществе
2021. № 3. С. 18—31
ББК 60.561.32
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.2

КАЗАХСТАНСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ И КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ

Ж. Сапаргаликызы^a, С. Т. Сейдуманов^b

^a Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
г. Нур-Султан, Казахстан, zhanar.sapargalikyzy@bk.ru

^b Национальная академия наук Республики Казахстан, г. Нур-Султан, Казахстан

Рассматриваются институциональные условия и возможности построения карьеры женщинами в органах государственного управления Республики Казахстан. Описываются созданные правительством программы, стратегии и законодательные условия для участия казахстанских женщин в политике. На основе анализа 15 полуструктурированных интервью с молодыми женщинами, имеющими опыт работы на государственной службе, выявлены основные проблемы их профессиональной деятельности. Определяются сценарии выбора женщинами государственной службы, анализируются их представления о специфике работы в органах государственной власти, механизмах формирования карьерных стратегий. В процессе исследования выявлены четыре сценария прихода женщин на казахстанскую государственную службу: «целенаправленный», «случайный», «семейный» и «перспективный». Согласно первому сценарию женщина целенаправленно выбирает государственную службу как сферу, имеющую определенные преимущества. Второй сценарий включает фактор случайности. Третий связан с семейной традицией работать на государственной службе. Выбор четвертого сценария обусловлен представлениями о престижности этой работы. Данные сценарии не всегда реализуются в чистом виде, иногда они пересекаются в жизненной биографии одного человека. Описываются четыре объяснительные модели слабой представленности женщин в казахстанских органах государственной власти: патриархатная, стереотипная, эссенциалистская и ментальная. Характеризуются дифференциальные признаки каждой из приведенных моделей.

Ключевые слова: казахстанские женщины, государственная служба, институциональные условия, сценарии, карьера, материнство, семья, дети.

WOMEN OF KAZAKHSTAN IN THE STATE GOVERNING BODIES: INSTITUTIONAL CONDITIONS AND CAREER STRATEGIES

Zh. Sapargalikyzy^a, S. T. Seidumanov^b

^a L. N. Gumilev Eurasian National University,
Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan, zhanar.sapargalikyzy@bk.ru

^b National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan,
Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

The institutional conditions and career opportunities of the women in Kazakhstan in the government agencies are considered in this article. The strategies, the programs and legislative conditions for Kazakhstan women in the politics are described. Based on the analysis of fifteen semi-structured interviews of young women with experience in the public service, the main problems in the context of their professional activity are identified. Scenarios of women's choice of public service are determined. Besides, analyzed are their ideas about the specifics of work in public authorities, mechanisms for the formation of their career strategies. In the process of the study the authors identified four scenarios of women joining the Kazakh civil service: "result-oriented", "circumstantial", "family" and "long range". The first: a woman purposefully chooses the public service as a sphere with certain advantages. The second scenario includes a random factor. The third scenario is connected with the family tradition of working in the public service. The fourth is due to the presence of ideas about the prestige of this work. These scenarios are not always implemented in a pure form, sometimes they intersect in the biography of one person. The authors describe four explanatory models of the low representation of women in Kazakhstan's state authorities: patriarchal, stereotyped, essentialist, and mental. In the context of this, the differential features of each of the above models are characterized.

Key words: Kazakhstan women, public service, institutional conditions, scenarios, career, motherhood, family, children.

Женщины в казахстанских органах управления

В современном мире гендерная политика формируется в контексте общей социально-экономической и политической ситуации, а ее содержание во многом зависит от господствующей системы взглядов в обществе на роли мужчин и женщин. В Казахстане на государственном уровне принята гендерная идеология равноправия мужчин и женщин и, соответственно, обязательства по соблюдению всех международных документов по правам человека в этой области. Принцип равноправия полов закреплен в статье 14 Конституции Республики Казахстан, согласно которой «никто не может подвергаться какой-либо дискриминации по мотивам происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка... или по любым иным обстоятельствам» [Конституции..., 1995]. Кроме того, Казахстан присоединился к важнейшим конвенциям и декларациям ООН и других международных организаций по правам женщин, что, несомненно, способствовало улучшению ситуации в сфере реализации их политических прав, преодолению скрытой и открытой гендерной дискриминации.

Последовательное институциональное развитие национального механизма по улучшению положения женщин началось в 1995 г., когда был создан консультативно-совещательный орган — Совет по проблемам семьи, женщин и демографической политике при Президенте Республики Казахстан.

В течение 11 лет в Казахстане был принят ряд законов и стратегий, направленных на обеспечение гендерного равенства:

— Стратегия гендерного равенства в Республике Казахстан на 2006—2016 гг.;

— Закон Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия» от 4 декабря 2009 г.;

— Концепция семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 г. (6 декабря 2009 г.);

— Закон «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей мужчин и женщин» от 8 декабря 2009 г.

Согласно официальной статистике, женщины составляют почти 52 % населения Казахстана, значительная часть из них имеет высшее образование, хорошую профессиональную подготовку. Они успешно реализуют свои возможности в экономике и общественной жизни. Так, по данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан, в 2018 г. среди студентов, получающих образование в бакалавриате и магистратуре, женщин было больше, чем мужчин. Доля работающих женщин составляет 64,7 % [Комитет... , 2019].

Согласно докладу Всемирного экономического форума о глобальном гендерном разрыве, в 2019 г. Республика Казахстан заняла 60-е место среди 149 стран мира по индексу гендерного равенства, он составил 0,712 (на первом месте Исландия с индексом 0,858, замыкает рейтинг Йемен — 0,499). По этому показателю Казахстан стоит выше Украины, России и Кыргызстана [Индекс гендерного разрыва... , 2019].

По данным Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан, количество женщин в государственных органах власти в последнее время увеличилось¹. Так, в мажилисе Парламента Республики Казахстан в первый год реализации Стратегии гендерного равенства (2006 г.) доля женщин составляла 10,4 %, в 2019 г. она выросла до 27,1 %. В местных представительных органах власти всех уровней женщины в 2019 г. составляли 22,2 % от общего числа избранных депутатов, в то время как в 2006 г. — всего 16,7 %.

По данным Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы на ноябрь 2018 г., численность государственных служащих в стране составила 91 830 человек. Из них политических служащих — 428, административных служащих корпуса «А», включая должности управленческого уровня, — 267, корпуса «Б» — 91 135.

---

¹ Государственный служащий — это гражданин Республики Казахстан, занимающий в установленном законодательством Республики Казахстан порядке оплачиваемую из республиканского или местных бюджетов либо из средств Национального банка Республики Казахстан государственную должность в государственном органе и осуществляющий должностные полномочия в целях реализации задач и функций государства. URL: https://egov.kz/cms/ru/articles/state_service/kadroviy_rezerv (дата обращения: 21.12.2020).

Число женщин-госслужащих в целом составляет 50 491, или 55 %, т. е. больше половины. Но при этом их доля на руководящих должностях выглядит более скромно — 39,5 % (9569 из 24 209). Представленность женщин среди политических государственных служащих еще меньше — 9,3 %, среди административных госслужащих корпуса «А» — 4,1 %, корпуса «Б» — 55,3 %².

Из 18 мест в обновленном правительстве, включая премьера, вице-премьеров и министров, женщинам принадлежат только два (глава Сената — Дарига Назарбаева, вице-премьер Правительства — Гульшара Абдыкаликова), это составляет 11,1 %. Женщины никогда не занимали должности акимов областей и городов республиканского значения.

Доля женщин от числа лиц, назначенных на руководящие должности по итогам конкурсов, составила 33,9 %, из них в центральных госорганах — 39,4 %, (центральные аппараты — 32,8 %, территориальные подразделения — 41,6 %); местных исполнительных органах — 30,8 % (областной уровень — 34,5 %, районный (городской) уровень — 30 %, сельский уровень — 15,2 %) [Сапаргаликызы, Сейдуманов, 2019].

Передовые когда-то в соблюдении прав женщин Соединенные Штаты Америки также, по мнению эксперта Н. А. Шведовой, переживают определенный откат после прихода к власти республиканца Д. Трампа: «...вызывают тревогу у американок персональные назначения на ключевые позиции в государстве лиц, политическая биография и репутация которых свидетельствуют об их “антиженской” направленности. Возникает угроза потери многих позитивных начинаний, которые были реализованы при администрации Б. Обамы» [Шведова, 2019: 8].

Несмотря на международное признание заслуг Казахстана в решении гендерного вопроса, сложившаяся на сегодня ситуация свидетельствует о том, что проводимые политические реформы не повлекли за собой автоматического повышения статуса женщин. Женщины все еще недостаточно представлены на уровне принятия решений в государственных органах и на высокооплачиваемых должностях в различных областях экономики. Женщина не стала полноправным субъектом политики, важным элементом электората и адресатом целенаправленных действий государственных программ, активным и влиятельным участником политического процесса и государственного управления. Очевидное меньшинство женщин во власти снижает возможность их участия в создании справедливого социального общества.

² Государственные служащие в Казахстане подразделены на три корпуса: политические госслужащие; административные госслужащие корпуса «А» и административные госслужащие корпуса «Б». К политическому корпусу относятся госслужащие, определяющие стратегические направления развития отрасли, сферы, области. В корпус «А» включены управленцы, назначаемые из резерва на определенный срок. Они должны обеспечивать связь между принятием стратегических решений и их исполнением. Для них предусмотрена защита от необоснованных увольнений при смене руководителей государственных органов. К корпусу «А» относятся ответственные секретари министерств и ведомств, акимы районов и другие госслужащие. В корпус «Б» входят госслужащие-исполнители. Отбор в корпус «Б» осуществляется в два этапа. На первом этапе претенденты проходят тестирование и зачисляются в кадровый резерв государственной службы. На втором этапе проводится конкурс на замещение вакансий (там же).

Методология исследования

Российские исследователи О. Г. Исупова и В. В. Уткина в своей статье рассматривают несколько теоретических моделей, с помощью которых можно объяснить позиции женщин на государственной службе [Исупова, Уткина, 2018]. Так, авторы обращаются к концепции «стеклянного потолка», обуславливающего сегрегацию женщин в отдельных областях управления — социальной, культурной, в образовании и здравоохранении, в то время как наименее «женскими» остаются, например, силовые структуры и транспорт. «Стеклянный потолок» — это явление, когда при отсутствии формальных запретов занимать руководящие должности существует скрытая форма дискриминации женщин в продвижении по служебной лестнице. Данный эффект наблюдается даже в тех сферах, где женщины составляют подавляющее большинство наемных работников. Это вынуждает женщин быть в несколько раз профессиональнее своих коллег-мужчин, чтобы претендовать на высокую должность. «Стеклянный потолок» на государственной службе значительно крепче, потому что на ее высших и главных должностях речь идет не просто о престиже и доходах, а о государственной власти, доступе к разработке и принятию политических решений, реальному управлению государством. В связи с этим шансы на вертикальную карьеру в государственных органах (особенно в областях, не связанных с социальной политикой) у женщин ниже, чем в любой другой сфере занятости. Понимая это, женщины сами снижают уровень своих карьерных и экономических притязаний, отдавая приоритет другим преимуществам гражданской службы (например, социальной защищенности) [Кашина, 2009].

Вторая теоретическая модель, которую, как правило, используют авторы, изучающие женщин на рынке труда, — это анализ влияния гендерных стереотипов. Они предписывают женщинам такие черты, как уступчивость, склонность согласовывать интересы, в противопоставление «мужским» — жесткости, твердости, смелости при принятии решений. Исследователи отмечают, что эти стереотипы разделяются значительным числом госслужащих обоих полов, в том числе при принятии решений о приеме на работу и продвижении по службе [Исупова, Уткина, 2018]. По мнению О. Г. Исуповой и В. В. Уткиной, гендерные предрассудки делятся на предрассудки первого поколения (открытая и целенаправленная дискриминация или исключение женщин) и предрассудки второго поколения, когда происходит неосознанная дискриминация. Для нашего исследования важна идея о том, что предубеждения второго поколения часто разделяют и сами женщины.

Другие эксперты также отмечают влияние гендерных стереотипов на разделение профессий на «женские» и «мужские». С их точки зрения, «женские» профессии становятся продолжением семейных ролей женщины в публичной сфере [Рошин, Зубаревич, 2005].

Исследователь М. А. Кашина пишет, что причины, ведущие к феминизации гражданской службы, условно можно разделить на общие и специфические. К общим причинам сегрегации рынка труда по признаку пола специалисты относят гендерные стереотипы, приписывающие женщинам врожденную этику любви и заботы, потребность ухаживать, воспитывать, обслуживать членов своей семьи и других людей. Неслучайно самыми феминизированными сферами как во всем мире, так и в Казахстане являются здравоохранение, социальные услуги, образование [Кашина, 2009].

Специфической причиной прихода женщин на государственную службу является наличие особого социально-правового статуса, который заключается в существовании для чиновников ряда государственных гарантий. Это высокий уровень социальной и правовой защищенности, наличие профессиональных требований к гражданским служащим, которые легче выполнять женщинам в силу особенностей их гендерной социализации [там же]. Представления о том, что женщины лучше справляются с повседневной работой в государственных органах, разделяются как мужчинами, так и самими женщинами. Они основаны на общих гендерных стереотипах населения, важнейшим из которых является убежденность в том, что женщины по своей природе должны быть аккуратными, ответственными, исполнительными.

Данная профессиональная сфера не только ограничивает женщин — государственных служащих, но и имеет для них свои преимущества. Важным преимуществом является возможность построения карьеры. Карьера — это изменение должностного статуса и роли в организации, т. е. вертикальная восходящая профессиональная мобильность. Женская карьера на государственной службе имеет свои специфические особенности. Так, в исследовании А. Е. Чириковой выделяются три модели продвижения женщин на госслужбе: 1) постепенный рост в связи с ростом профессионализма; 2) «парашютирование» — привлечение кандидаток извне, часто это продвижение с помощью связей, знакомств; 3) «наследование», когда политическая карьера «передается» внутри семьи [Чирикова, 2013]. Автор приходит к выводу, что процесс прихода женщин во властные структуры достаточно случаен, а карьерное продвижение является результатом не целенаправленных усилий самих женщин, а только решения руководителя (чаще всего мужчины). Но конечно, случается и так, что женщины делают карьеру не претендуя на высокие должности.

К сожалению, мы вынуждены констатировать, что и в Казахстане не изжито широко применяемая на постсоветском пространстве «гендерная вертикаль» власти, определяющая место женщин на нижнем и среднем уровнях управления. Количество женщин-госслужащих не переходит в качество их должностей, они пока мало представлены в высших эшелонах государственной власти, особенно законодательной. В то же время кадровый состав гражданской службы на ее низших уровнях сильно феминизирован. Необходимость развития идей гендерного равенства в современной казахстанской политике свидетельствует прежде всего о том, что женщины не в полной мере участвуют в политическом и социально-экономическом развитии общества. Конституционное равенство, как и принятие международных обязательств по гарантиям прав, остается во многом лишь декларацией о намерениях преодоления неравенства полов. Следует отметить, что решение этих проблем относится к приоритетным направлениям государственной политики.

В данной статье мы планируем изучить, что в наибольшей степени влияет, с точки зрения самих женщин-госслужащих, на их желание занимать должности на государственной службе — институциональные условия, гендерные стереотипы, мужчины-руководители — и как именно проявляется воздействие тех или иных ограничений.

Методы исследования

В 2019 г. проведено 15 полуструктурированных интервью с женщинами, занятыми на государственной гражданской службе в органах исполнительной власти в казахстанских городах Нур-Султане и Караганде. Интервью проводились с теми, кто проработал в государственных органах не менее трех лет, поскольку за данный период приобретает профессиональный опыт и, как правило, происходит продвижение по карьерной лестнице. Участницы исследования находились в возрастном диапазоне от 25 до 45 лет. Выборка выстраивалась методом «снежного кома», так как доступ к государственным чиновникам труден и, как правило, закрыт. Также вводились квоты, критериями квотирования являлась принадлежность информанток к разным сферам государственных структур. Обработка транскриптов интервью осуществлялась с помощью открытого и осевого кодирования, после чего производилась смысловая интерпретация высказываний информанток.

Сценарии выбора женщинами государственной службы

В данной статье под сценарием мы понимаем формирующийся в детстве под влиянием родителей и близких людей, постепенно развертывающийся жизненный план поступков и действий, которые человек намерен совершить в своей будущей жизни. Опрошенными продемонстрировали несколько сценариев выбора своей профессиональной деятельности — государственной службы. Первый сценарий «целенаправленный», когда государственная служба намеренно выбирается как сфера профессиональной самореализации, имеющая определенные преимущества:

Сама я из района (сельский район Карагандинской области. — Ж. С., С. С.), и я понимала, что назад не поеду... квартиры нет, агашек³ нет (смеется) вот и пришлось идти с самого низа начинать... взяли специалистом в молодежный ресурсный центр... работа бешеная... и флешмобы, и акции, и заседания... потом ничего... повысили... позволили в акимат... замуж вышла, квартиру дали... декрет три года, вернулась туда же (Б., 33 года, ведущий специалист Департамента внутренней политики Карагандинского областного акимата).

Здесь мы видим, что в качестве основных причин для занятия должностей на государственной службе женщинами выбираются предпочтения — переезд в город, наличие льгот на получение жилья молодыми специалистами, социальные гарантии, связанные с выходом в декретный отпуск при сохранении рабочего места.

Второй сценарий трудоустройства на государственную службу — «случайный» — включает фактор непреднамеренного выбора:

---

³ Агашка — неформальный лидер влияния (на региональном или центральном уровне), который опирается на архаичные общинно-родовые социальные конструкции, встроен в патрон-клиентскую систему и использует влияние для личного обогащения. Это обозначение места человека в иерархии влияния. При этом иерархия не обязательно должна быть официальной, так как само влияние может быть теневым. Негативная ассоциация с понятием «агашка» в основном связана с тем, что оно часто выступает синонимом понятия «коррупция» или «непотизм». URL: https://www.lada.kz/another_news/23309-kto-takie-agashki-v-kazahstane.html (дата обращения: 21.12.2020).

...я закончила университет, начала искать (работу. — Ж. С., С. С.)... опыта нет, молодая... тут объявление вижу в универе, что набирают на госслужбу... я подала, но ничего не ждала, не думала, что пойду туда, но вот уже пять лет как тут (смеется) (А., 28 лет, ведущий специалист Департамента труда и социальной защиты населения Карагандинской области).

Третий сценарий — «семейный», когда кто-то из членов семьи занимался/занимается государственным управлением:

Мама моя всегда была государственным служащим. Она все свое время тратила либо на учебу, либо на карьеру. Видимо, это все от нее (смеется) (Р., 35 лет, руководитель районного акимата Акмолинской области);

...Где-то я по стопам мамы пошла, сейчас я так думаю... (Т., 45 лет, заместитель акима района г. Караганды).

Наличие данного сценария свидетельствует о том, что государственная служба может относиться к династийным профессиям, таким как врач, учитель, полицейский или военный. Российский социолог О. А. Ткач отмечает, что «династийность определяет устойчивое воспроизводство культурных паттернов, в том числе и гендерных, в рамках профессии» [Ткач, 2007: 80].

Четвертый вариант прихода на госслужбу — «перспективный» — характеризуется наличием неких идеалов, представлений о том, что работа на государство является престижной и уважаемой:

Я всегда себе представляла.... что это будет так... красиво, важно... работать на улучшение общества... я такая вся... в костюме возле микрофона объясняю, как мы там... закон или стратегию какую приняли... (Х., 27 лет, сотрудник районного акимата Акмолинской области).

Данный сценарий активно продвигается самими государственными структурами через такие программы, как «Молодежная практика», «Школа государственной службы», где студенту предлагается пройти конкурсный отбор, начать стажировку и зарекомендовать себя как успешного, карьерно-ориентированного сотрудника. Это, как правило, дает возможность последующего трудоустройства в госорганах.

Таким образом, мы выявили четыре сценария прихода женщин на казахстанскую государственную службу: «целенаправленный», «случайный», «семейный», «перспективный». Эти сценарии не всегда реализуются в чистом виде, иногда они пересекаются в течение жизни.

Особенности профессиональной карьеры женщин-госслужащих

Мы уже говорили о том, что одной из специфических особенностей положения женщин на государственной службе является их значительная представленность на среднем и низшем уровнях и практически полное отсутствие на высших руководящих должностях. Нам было важно выяснить, какие причины сложившейся ситуации определяют сами женщины — государственные служащие. Анализ проведенных интервью позволил выявить несколько объяснительных моделей выстраивания женщинами своей профессиональной карьеры: патриархатную, стереотипную, эссенциалистскую и ментальную. В данной статье

под объяснительной моделью мы понимаем толкование (обоснование, разъяснение) причин малой представленности женщин на государственной службе, которое выстраивается информантками на основе собственного жизненного опыта.

Патриархатная модель. Практически все участницы исследования, рассказывая о том, как они добились своих профессиональных статусов на госслужбе, говорили о неких силах, которые их назначили, пригласили, поставили на ту или иную должность:

...мне предложили повышение... я стала главным инспектором акима области... Предложили мне это руководство (Р., 35 лет, руководитель районного акимата Акмолинской области);

Меня пригласили в иностранную фирму... потом через какое-то время меня пригласили организатором (А., 33 года, сотрудник Карагандинского городского акимата);

...менее чем за год меня два раза повысили. Меня повысили до главного инспектора... до руководителя аппарата... (С., 35 лет, руководитель аппарата акима Карагандинской области);

С этой должности я была рекомендована акимом... (Т., 45 лет, заместитель акима района г. Караганды).

Такие высказывания свидетельствуют о некоторой схожести норм бюрократической иерархии в организациях госслужбы и патриархатной структуры в целом. Патриархатные нормы подразумевают, что женщины не способны самостоятельно делать профессиональную карьеру, поэтому их нужно *продвигать, назначать, приглашать*. И всегда есть какие-то мужчины — руководители, начальники, отцы, которые помогут женщине в её профессиональной деятельности:

...если эту женщину заметят, то ее продвигнут и поставят... (А., 40 лет, специалист Карагандинского областного филиала партии «Нур Отан»).

Патриархатная объяснительная модель делает акценты на неспособности женщин самостоятельно продвигаться по карьерной лестнице и наличии как прямой, так и символической поддержки женщин со стороны мужчин.

Стереотипная модель. Данная объяснительная модель акцентирует внимание на «неправильности» стремления женщин занимать высокие позиции в профессиональной сфере. Женщины сомневаются в том, что смогут управлять, руководить, но уступают внешнему давлению. Нерешительность связана с традиционными представлениями, согласно которым женщина — это прежде всего мать и жена:

Когда мне предложили работу партийную, первая реакция была: «Нет! Я не смогу работать». Люди уговорили... (Б., 40 лет, заместитель председателя городского филиала партии «Нур Отан»);

Все равно женщины, которые идут в политику, пожертвуют семьей. Призвание женщины все-таки семья, дети, внуки. Даже на общественной деятельности ты на праздниках должна быть там-то, там-то. Семья все равно страдает. А все хотят, чтобы мама была дома (З., 44 года, руководитель этнического центра при Ассамблее народа Казахстана).

И даже если женщина оказывается на высокой должностной позиции, то она занимает ее из желания заботиться о людях, опекать их, помогать обществу и максимум, на что может рассчитывать, — это работа в так называемой социальной сфере (образование, медицина, культура):

Женщины хотят идти в политику. Они по природе хранительницы очага. Мы переживаем за семью, а государство — это большая семья. Мы, как женщины, должны от себя внести лепту (Б., 40 лет, заместитель председателя городского филиала партии «Нур Отан»);

...они будут работать в социальной сфере, навряд ли кто-то выберет для себя сферу, которая не ложится вообще на женское мышление... (Н., 45 лет, депутат Карагандинского городского маслихата).

Последствиями «неправильного» положения вещей, при котором женщина вовлечена в профессиональную деятельность, станут проблемы в семье, ухудшение отношений с мужем и детьми:

...не секрет, что женщина, которая занимается политикой, или женщина, которая занимается государственной работой... работает по 13 часов в сутки. Это вред твоей семье... Ты отнимаешь время личное, от своей семьи, ты не уделяешь времени физически и практически не присутствуешь в своей семье (Н., 45 лет, депутат Карагандинского городского маслихата).

Те женщины, которые смогли занять высокие руководящие позиции в государственном управлении, приписывают это достижение не себе, а как раз тем «мужским» качествам, которые у них, как они считают, есть:

Возможно, меня воспитал только отец и у меня чисто мужской взгляд. У меня нет такого, терпеть не могу сплетни и всегда открыто говорю свое мнение (С., ведущий специалист Департамента внутренней политики акимата г. Нур-Султан).

Опрошенные нами женщины демонстрировали уважение к тому факту, что их приняли в мужское сообщество управленцев, которым они теперь могут помогать, советовать, но не быть с ними на равных:

Женщины без мужчин на госслужбе не справились бы, конечно (Т., 45 лет, заместитель акима района г. Караганды).

В стереотипной объяснительной модели мы видим существование типичных представлений о женщинах, работающих на государственной службе: они переживают о том, получится ли у них совмещать работу, дом, материнство, и о случайности, непреднамеренности вхождения в пул управленцев.

Ментальная модель. В процессе сбора интервью мы неоднократно встречались с использованием женщинами понятия «менталитет». Для информанток оно означает что-то связанное с системой ценностей, в том числе гендерных, мировосприятием, особым складом ума, мироощущением, сознанием и поведением. Менталитет понимается ими как совокупность коллективных оценок, закрепленных в сознании и поведении представителей одной культуры:

В западных странах другой менталитет, у нас восточный менталитет. Мы все равно мужчин ставим выше, наверное... (Б., 40 лет, заместитель председателя городского филиала партии «Нур Отан»);

...ментальность казахской женщины немножко другая, и поэтому я думаю, что у нас нет такого большого порыва... как бы состязательности с нашими мужчинами... (Н., 45 лет, депутат Карагандинского городского маслихата).

Причиной слабого присутствия женщин на верхних позициях госуправления также стал менталитет. Именно он ставит женщин на вторые роли, не дает прав и возможностей конкурировать на равных с мужчинами, отличает казахстанских женщин от всех остальных:

Казахстанская ментальность... сама природа воспитания казахской девушки не позволит ей соперничать с мужчинами (Н., 45 лет, депутат Карагандинского городского маслихата);

...это казахстанский тип поведения: если руководитель мужчина, то заместитель женщина (З., 44 года, руководитель этнического центра при Ассамблее народа Казахстана);

Народ не готов еще выбирать женщину. Это мужская ментальность (она же).

Таким образом, в объяснительной модели, которую мы обозначили как ментальная, причинами слабой представленности женщин в органах государственного управления выступают культурные стереотипы о том, что казахстанские женщины не должны и не могут конкурировать с мужчинами.

Эссенциалистская модель. Данная объяснительная модель опирается на суждения об эмоциональности женщины, наличии у нее интуиции, ее «другую природу», в отличие от рационального мужчины, который обладает большими способностями к управлению:

Когда руководит мужчина, это лучше. И женщина в мужской команде лучше руководит, чем в женской команде (А., 40 лет, специалист Карагандинского областного филиала партии «Нур Отан»);

Я не знаю, может быть, природа так сложена, что мы несколькими делами сразу можем заниматься и качественно это делать. Мужчины — они узкие специалисты. Вот ему дали одно направление, и он строго идет по этому направлению. Даже семью взять: просишь, например, первое, второе, третье. Он первое сделал, второе, третье нет. А ты в это время можешь и кашу сварить, в садик сходить, и телевизор, и с подругами, и по работе какие-то вопросы решать (она же);

...все-таки женщина... у нее большое чутье и интуиция... (Н., 45 лет, депутат Карагандинского городского маслихата).

Женщины должны быть добрыми, заботливыми, неагрессивными даже в таких конфликтных профессиональных сферах, как управление и политика. Женщинам-управленцам приписываются материнские качества:

...женщины вносят очень такую материнскую, разумную политику, меньше агрессии. Женщина — это дружба, мир, согласие (З., 44 года, руководитель этнического центра при Ассамблее народа Казахстана);

Женское управление имеет женскую логику. Оно более эмоциональное. Мужчина более конкретный... (она же);

...мужчины управляют, они для этого созданы, у них природа такая (она же);

...женщина более трудолюбивая и менее коррумпирована, осторожно подходит к принятию решения и всегда думает о детях и о семье. Женщина на государственной службе тоже себя проявляет... именно вот такие качества (Т., 45 лет, заместитель акима района г. Караганды).

Эссенциалистская объяснительная модель опирается на убежденность в том, что малая представленность женщин на руководящих должностях государственной службы связана с их эмоциональностью, добротой, «женской» логикой, особой интуицией и важностью семьи в их жизни. Поскольку женщина должна постоянно заботиться о детях и муже, она не может проводить на работе много времени.

Итоги

В процессе исследования мы попытались выявить основные проблемные зоны в профессиональной деятельности женщин — государственных служащих. Представленные выводы ограничены в силу использования нами метода и выборки, не позволяющих экстраполировать результаты на всю совокупность женщин, работающих на государственной службе. Тем не менее нам удалось описать те ограничения в профессиональной карьере женщин-госслужащих, которые формируют определенные сценарии их профессиональной деятельности: «целенаправленный», «случайный», «семейный», «перспективный». Каждый из них существует не в чистом виде, иногда они взаимно пересекаются. Мы заметили также серьезное влияние таких факторов, как возраст информанток и уровень их образования. В частности, информантки старшего возраста высказывали более консервативные представления о том, как и зачем женщины приходят на государственную службу. Они были сдержаннее в своих оценках и комментариях, чем информантки более молодого возраста.

Те информантки, которые получили дополнительное образование за рубежом, оценивали положение казахстанских женщин на государственной службе более критично. Они считают, что женщин на высших управленческих должностях должно стать больше, и сами намерены этого добиваться. Эти информантки хорошо осведомлены о таких явлениях, как «стеклянный потолок», «липкий пол», «стеклянные стены» и др.

Что касается объяснительных моделей женщин — государственных служащих (патриархатная, стереотипная, эссенциалистская и ментальная), они характеризуются высокой степенью синкретизма: совершенно противоположные суждения каким-то причудливым образом переплетаются в одно целое.

В дальнейшем важно изучить адаптивные стратегии, которые используют казахстанские женщины — государственные служащие для поиска оптимального баланса времени, проводимого дома и на работе, для приспособления к существующим стереотипам и сохранения традиционных «женских» качеств в «мужской» профессиональной сфере.

Библиографический список

- Индекс гендерного разрыва по версии Всемирного экономического форума: информация об исследовании и его результаты. 2019. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-gender-gap-index/info> (дата обращения: 21.12.2020).
- Исупова О., Уткина В. Молодые женщины в органах государственного управления России: факторы, определяющие карьерные траектории // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16, № 3. С. 473—486.
- Кашина М. Женщины на российской государственной гражданской службе: феминизация и воспроизводство гендерной пирамиды // Женщина в российском обществе. 2009. № 2. С. 13—31.
- Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. 2019. URL: <https://stat.gov.kz/search> (дата обращения: 24.12.2020).
- Конституция Республики Казахстан. 1995. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005029 (дата обращения: 24.12.2020).
- Роцин С. Ю., Зубаревич Н. В. Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте Целей развития тысячелетия. М.: Инфорес-Принт, 2005. 75 с.
- Сапаргаликызы Ж., Сейдуманов С. Т. Карьерный рост на государственной службе в аспекте гендерного равенства: состояние, проблемы, перспективы // Вестник Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова. Сер.: Гуманитарная. 2019. № 2. С. 130—141.
- Ткач О. Заводские династии в современных рыночных условиях // Человек и труд. 2007. № 12. С. 79—81.
- Чирикова А. Е. Женщина во власти и бизнесе: сравнительный анализ российских и французских практик // Сравнительная политика. 2013. № 2. С. 29—49.
- Шведова Н. А. Между коляской и ноутбуком: реализация политики гендерного равенства в США // Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С. 5—15.

References

- Chirikova, A. E. (2013) Zhenshchina vo vlasti i biznese: sravnitel'nyĭ analiz rossiĭskikh i frantsuzskikh praktik [Woman in power and business: a comparative analysis of Russian and French practices], *Sravnitel'naia politika*, no. 2, pp. 29—49.
- Indeks gendernogo razryva po versii Vsemirnogo ėkonomicheskogo foruma: Informatsiia ob issledovanii i ego rezul'taty* (2019) [The gender gap index according to the World Economic Forum: Information about the study and its results], available from <https://gtmarket.ru/ratings/global-gender-gap-index/info> (accessed 21.12.2019).
- Isupova, O., Utkina, V. (2018) Molodye zhenshchiny v organakh gosudarstvennogo upravleniia Rossii: faktory, opredeliaiushchie kar'ernye traektorii [Young women in government in Russia: factors that determine career paths], *Zhurnal issledovanii sotsial'noĭ politiki*, vol. 16, no. 3, pp. 473—486.
- Kashina, M. (2009) Zhenshchiny na rossiĭskoĭ gosudarstvennoĭ grazhdanskoĭ sluzhbe: feminizatsiia i vosproizvodstvo gendernoĭ piramidy [Women in the Russian state civil service: feminization and reproduction of the gender pyramid], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2, pp. 13—31.
- Komitet po statistike Ministerstva natsional'noĭ ėkonomiki Respubliki Kazakhstan* (2019) [Statistics Committee of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan], available from <https://stat.gov.kz/search> (accessed 24.12.2019).

- Konstitutsiia Respubliki Kazakhstan* (1995) [Constitution of the Republic of Kazakhstan], available from https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005029 (accessed 24.12.2019).
- Roshchin, S. Y., Zubarevich, N. V. (2005) *Gendernoe ravenstvo i rasshirenie prav i vozmozhnostei zhenshchin v Rossii v kontekste Tselei razvitiia tysiacheletia* [Gender equality and the empowerment of women in Russia in the context of the Millennium Development Goals], Moscow, Infores-Print.
- Sapargalikyzy, Zh., Seidumanov, S. T. (2019) Kar'ernyi rost na gosudarstvennoi sluzhbe v aspekte gendernogo ravenstva: sostoianie, problemy, perspektivy [Career growth in public service in terms of gender equality: status, problems, prospects], *Vestnik Pavlodarskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. Toraigyrova*, seriiia Gumanitarnaia, no. 2, pp. 130—141.
- Shvedova, N. A. (2019) Mezhdru koliaskoi i noutbukom: realizatsiia politiki gendernogo ravenstva v SShA [Between a stroller and a laptop: the implementation of gender equality policy in the USA], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 5—15.
- Tkach, O. (2007) Zavodskie dinastii v sovremennykh rynochnykh usloviakh [Factory dynasties in modern market conditions], *Chelovek i trud*, no. 12, pp. 79—81.

Статья поступила 17.01.2021 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Сапаргаликызы Жанар — докторант факультета социальных наук, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан, zhanar.sapargalikyzy@bk.ru (Faculty of Social Sciences, L. N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan).

Сейдуманов Серик Турарович — доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент, Национальная академия наук Республики Казахстан, член Комиссии по правам человека при Президенте Республики Казахстан, депутат мажилиса Парламента Республики Казахстан 6-го созыва (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Corresponding Member, National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Member of the Commission on Human Rights under the President of the Republic of Kazakhstan, Deputy of the Mazhilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan of the 6th Convocation, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan).

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Woman in Russian Society
2021. No. 3. P. 32—46
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.3

Женщина в российском обществе
2021. № 3. С. 32—46
ББК 67.401.124
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.3

РЕПРОДУКТИВНОЕ ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: РЕСУРСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В. В. Козловский^{a, b}, Л. С. Панкратова^b, Д. В. Ткачук^a

^a Социологический институт РАН — филиал,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия, vvk_soc@mail.ru

^b Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

В статье обсуждается тема репродуктивного здоровья населения и обеспечивающих его поддержание государственных ресурсов. Меры государственной политики в сфере репродуктивного здоровья населения относятся преимущественно к решению задач демографического характера. Помимо реализации финансовых, медицинских, материально-технологических, организационных мероприятий, данные меры включают нормативно-правовое регулирование брачно-семейных отношений, репродуктивного поведения. Репродуктивное здоровье осмысливается в контексте здоровья человека как важнейшая составляющая его биографии, самоценный атрибут жизненного пути, значимый фактор личного и общественного благополучия. Для отдельного человека независимо от половой принадлежности репродуктивное здоровье и позитивное отношение к репродуктивности являются весомым вкладом в общественное богатство, мерой уважения и признания, предметом усилий негосударственных организаций, бизнеса и, безусловно, государства. Государственное регулирование вопросов, связанных с репродуктивностью, раскрывается на основе анализа и оценки основных нормативно-правовых актов, федеральных программ, реализуемых в настоящий момент на территории Российской Федерации, а также действующих нормативных документов.

Ключевые слова: репродуктивное здоровье, репродуктивность, рождаемость, государственная политика, нормативно-правовое регулирование, благополучие.

© Козловский В. В., Панкратова Л. С., Ткачук Д. В., 2021

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31138 «Особенности государственной политики в сфере сексуального и репродуктивного здоровья населения РФ».

REPRODUCTIVE HEALTH OF THE POPULATION OF RUSSIA: RESOURCES OF STATE REGULATION

V. V. Kozlovskiy^{a, b}, L. S. Pankratova^b, D. V. Tkachuk^a

^a Sociological Institute of the RAS — Branch, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation, vvk_soc@mail.ru

^b St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

The problem of demographic reproduction in Russia is widely discussed. This article analyzes the topic of reproductive health of the population and the state resources manifested for its maintenance. State policy measures in the field of reproductive health of the population relate mainly to solving problems of a demographic nature. In addition to financial, medical, organizational, material and technological, they include legal regulation of marriage and family relations, reproductive behavior. Reproductive health is comprehended in the context of human health as the most important component of a person's biography, an intrinsic attribute of his/her life course, a significant factor in personal and social well-being. For an individual, regardless of gender, reproductive health and a positive attitude towards reproductiveness is a significant contribution to public wealth, a measure of respect and recognition, the subject of efforts of non-governmental organizations, business and, of course, government authorities. State regulation of issues related to reproduction is disclosed on the basis of an analysis and assessment of the main regulatory legal acts, federal programs currently being implemented on the territory of the Russian Federation, as well as existing normative documents.

Key words: reproductive health, reproduction, fertility, state policy, normative and legal regulation, well-being.

Введение

Имеющиеся определения здоровья крайне разнообразны и разноречивы. С нашей точки зрения, здоровье — это универсум телесных, когнитивных, ментальных, интеллектуальных, социокультурных качеств человека, обеспечивающих адаптацию к условиям жизни, труда, быта, повседневного бытия и активную жизнедеятельность в меняющихся исторических условиях. Здоровье необходимо индивиду для благоприятного проживания, продуктивной самореализации в выбранных им областях жизнедеятельности. Здоровье — это генетически обусловленная органическая целостность существования человека как организма и субъекта социокультурной жизнедеятельности, определяющим свойством которой является изменяющаяся во времени витальность. Поэтому здоровье включает в себя совокупность меняющихся свойств и качеств человеческого организма, обеспечивающих уровень социальной, культурной, трудовой и иных форм жизнедеятельности. Приобретаемые и поддерживаемые био-, психо-, энергоресурсы организма человека позволяют ему осуществлять различные виды деятельности. Полезность здоровья в целом, сексуального и репродуктивного в частности, может измеряться в системе координат общественного участия, выполнения особых видов трудовой, профессиональной, гражданской

деятельности. Репродуктивное здоровье из условия воспроизведения рода и способности зачать, выносить, родить ребенка, ухаживать за ним и воспитывать трансформируется в социально и культурно значимый ресурс общества. Оно превращается в особую сферу охраны, профилактики, лечения, контроля и обеспечения репродуктивного потенциала общества. Здоровье — это универсум витальности человеческого организма, обеспечивающего удовлетворение целого спектра потребностей ради благополучия, реализации личностного потенциала, осуществления повседневной и профессиональной жизнедеятельности. Под здоровьем понимается прежде всего состояние всех функциональных подсистем человеческого тела, их динамизм, способность удержать равновесие (гомеостазис) в условиях разнородных внешних и внутренних воздействий. Здоровье вместе с тем является единством биотического, психического, социального и культурного, обладающим определенной иерархией и соподчиненностью, направленностью на поддержание жизнеспособности и активности человека.

Репродуктивное здоровье

Репродуктивное здоровье тесно связано с сексуальностью. Это близкие понятия, относящиеся к сфере интимности и половой жизни, а также свидетельствующие об идентичности индивида [Здоровье и интимная жизнь... , 2011: 8; Кон, 2011: 54]. Зачастую они воспринимаются как взаимозаменяемые, особенно в повседневной жизни (см., напр.: [Пестрикова и др., 2019: 92]). Вместе с тем вопросы репродукции тесно, и с этической точки зрения неоднозначно, связаны с государственной политикой [Wang, 2004; Здоровье и интимная жизнь... , 2011], в рамках реализации которой интимный, во многом несущий сакральный оттенок телесный опыт подвергается нормализации и попытке регуляции с помощью различных институциональных инструментов. В социологической литературе репродукция отделяется от сексуальности (см.: [Кон, 2011: 51, 53; Панкратова, 2012]). В сексологии и здравоохранении сексуальность признается самоценной, необязательно направленной на продолжение рода, считается, что она «задает важную отправную точку в понимании как индивидуального поведения, так и регуляторных систем макроуровня» [Косова, 2017: 128].

Во многих работах, посвященных вопросам репродуктивного здоровья, фигурирует его комплексное определение, данное ВОЗ в 1994 г. в Каире на Международной конференции по проблемам народонаселения и развития (см.: [Wang, 2004]). Репродуктивное здоровье в рамках этого определения рассматривается как часть понятия «общественное здоровье» и подразумевает не только отсутствие заболеваний репродуктивной системы и фертильность (способность к деторождению), но также социальное, физическое, умственное благополучие, сексуальную жизнь, способность к прокреации. В свою очередь, сексуальное здоровье трактуется как «состояние физического, психического и социального благополучия, связанного с сексуальностью». Для достижения благополучия «необходимы позитивный и уважительный подход к сексуальности и сексуальным отношениям, а также возможность иметь доставляющий удовольствие и безопасный секс, свободный от принуждения, дискриминации и насилия»¹.

¹ URL: https://www.who.int/topics/sexual_health/ru/ (дата обращения: 11.02.2021).

Благодаря различным, в том числе социологическим, исследованиям происходит смещение научных интересов в область изучения социокультурных детерминант мужского и женского репродуктивного и сексуального (не)здоровья. В центре внимания находится, во-первых, влияние доминирующих стереотипов о мужественности и женственности на практики заботы о собственном здоровье (принцип «настоящих» мужчин «Больно, но мужчины должны терпеть» и пр.) [Кон, 2008], во-вторых, воспроизводство гендерно-специфических представлений о репродуктивной и сексуальной жизни мужчин и женщин в рамках института медицины (о приемлемом, подобающем сексуальном поведении женщин и др.) [Здоровье и интимная жизнь..., 2011]. В условиях трансформирующейся и плюрализирующейся сексуальной и гендерной культуры в современном мире все более значимым является изучение концепций политики в сфере полового и репродуктивного здоровья населения, предлагаемых и реализуемых различными акторами (государство, СМИ, бизнес и т. д.).

Вопросы государственного регулирования репродуктивного здоровья

Поскольку с биологической и общественной точки зрения наиболее важны именно репродуктивные аспекты сексуальности, «они всегда и везде подвергались более тщательному и строгому социальному регулированию» [Кон, 2011: 52]. Соответственно в государственной политике, нацеленной на поддержание репродуктивного здоровья человека, аспект генеративного репродуктивного поведения находится в фокусе внимания, чему в целом можно найти подтверждение и в нормативно-правовом поле. Кроме того, подобный интерес «продиктован демографическими сдвигами в численности народонаселения страны при значимом ухудшении здоровья» [Зайцева, 2017: 51]. Государственная политика, реализуемая в настоящее время в сфере репродуктивного здоровья, включая аспект прокреации, репродукции и сексуальности, имеет прежде всего медицинское поле применения, однако не ограничивается им. Человеческая сексуальность и вопросы демографического воспроизводства не ограничиваются уровнем телесного здоровья. На передний план выступают социальные, психологические, культурные, экономические и политические факторы, оказывающие непосредственное влияние на паттерны сексуального и репродуктивного поведения людей, на их представления о собственном теле, интимном опыте, возможности деторождения, браке и практиках воспитания детей.

Государственная политика в Российской Федерации сегодня нацелена на повышение рождаемости, снижение числа аборт, возвращение к традиционным семейным ценностям. Вопросы репродукции и репродуктивного здоровья рассматриваются прежде всего в рамках именно демографической политики государства, т. е. «общепринятых на уровне властных структур идей и концептуально объединенных средств, с помощью которых государство, а также другие общественные институты предполагают достижение определенных целей как для данного, так и последующего этапов развития страны» [Калачикова, 2012: 69] (см. также: [Шабунова, Калачикова, 2009, 2021]). Исследователями отмечается, что в 2010-х гг. произошел консервативный поворот в государственном регулировании вопросов сексуальности и репродуктивного здоровья [Кузьмина, 2020: 129]. Свидетельством тому, по их мнению, служат «закон Димы Яковлева»,

Закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и ст. 6.21 КоАП РФ о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений, а также поправки к Закону «Об основах охраны здоровья граждан РФ», которые ввели дополнительный промежуток между моментом принятия решения об искусственном прерывании беременности и самой процедурой.

Кроме нормативно-правового регулирования семейных и репродуктивных ценностей, существуют также экономические и идеологические меры воздействия на изменение репродуктивного поведения населения (стимулирование за счет предоставления материнского капитала, льгот, пособий и др.; воспитательно-пропагандистская работа, например, проект «Школа репродуктивного здоровья», деятельность Фонда социальных и культурных инициатив²). Проведение национальных мониторингов состояния репродуктивного здоровья населения на основании существующих форм федерального статистического наблюдения и данных родовых сертификатов является важным инструментом для осуществления обоснованной разработки и корректировки мер по защите репродуктивного здоровья граждан, контроля реализации государственной политики в данной сфере [Репродуктивное здоровье... , 2012: 4].

Одним из важнейших пунктов анализа современного государственного регулирования репродуктивного здоровья населения представляется гендерный аспект — ориентация на гендерное равенство, учет специфики социально и культурно обусловленных потребностей как женщин, так и мужчин различных возрастных когорт, а также барьеров, стоящих на пути обеспечения комплексной заботы об их сексуальном и репродуктивном здоровье. В условиях консервативного поворота политики государства в сфере сексуальности и репродукции, ориентации на традиционные семейные ценности, соответствующие им гендерные ценности, нормы и роли возникает новая ситуация. Она порождает озабоченность социальных исследователей и общественно-политических акторов, которым присуща высокая степень гендерной чувствительности, за сохранение ориентации политики властей на гендерное равноправие в рамках нормативно-законодательной деятельности, стратегического планирования и реализации программ в сфере поддержки репродуктивного здоровья населения.

Нормативно-правовое регулирование репродуктивного здоровья

Постановка задач и методы исследования. В рамках реализации проекта «Особенности государственной политики в сфере сексуального и репродуктивного здоровья населения РФ» было проведено эмпирическое исследование по анализу нормативно-правовых документов, определявших государственную

---

² Фонд социальных и культурных инициатив был основан в 2008 г. Он реализует социальные, культурные и молодежные проекты, направленные на «улучшение демографического и социального климата в российских семьях, на социальную адаптацию детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на привлечение внимания общественности к проблемам распространения различных заболеваний, своевременной диагностики и заботы о собственном здоровье как залого благополучного будущего России». Президент фонда — С. Медведева, которая также является председателем попечительского совета комплексной целевой программы «Духовно-нравственная культура подрастающего поколения России». URL: <https://www.fondsci.ru/> (дата обращения: 11.02.2021).

политику в области сохранения репродуктивного и/или сексуального здоровья граждан и обеспечения его высокого уровня в период с 2010 по 2020 г. Объект исследования — нормативно-правовые документы, регулирующие государственную политику в сфере репродуктивного и сексуального здоровья населения РФ в 2010—2020 гг. на стратегическом уровне. Предметом исследования является презентация вопросов репродуктивного и сексуального здоровья населения в нормативно-правовом поле. Цель исследования заключается в выявлении особенностей российской государственной политики в сфере репродуктивного и сексуального здоровья населения в 2010—2020 гг. Для достижения этой цели ставились следующие задачи: а) рассмотреть половозрастные и гендерные аспекты российской государственной политики в сфере репродуктивного и сексуального здоровья; б) определить место и значимость вопросов сохранения сексуального и репродуктивного здоровья граждан и обеспечения его высокого уровня в государственной политике РФ.

Методами сбора и анализа данных являлись качественный контент-анализ нормативно-правовых документов и процедура открытого кодирования данных. Для анализа были отобраны 25 нормативно-правовых документов, в которых представлены утвержденные на федеральном уровне стратегии государственной политики в различных социально значимых областях на период 2010—2020 гг. (см. приложение). Критерием отбора выступало упоминание аспектов репродуктивного и/или сексуального здоровья в тексте документа — присутствие ключевых слов. Ключевые слова были определены на этапе проведения разведывательного исследования — внешнего и внутреннего анализа нормативно-правовых документов стратегического планирования и программирования государственной политики в различных сферах жизни. Документы представлены на официальных интернет-порталах правовой информации, официальных сайтах органов исполнительной власти РФ.

В научной литературе по праву и политическим наукам отмечается неопределенность и запутанность системы современных нормативно-правовых документов, определяющих стратегии государственной политики. По мнению специалистов, ситуация осложняется отсутствием в России на протяжении более 10 лет федерального закона о нормативно-правовых актах, устанавливающего в числе прочего структуру источников государственной политики [Погорелко, 2009]. Ведутся дискуссии по поводу определения роли и статуса отдельных видов документов (концепции, стратегии, доктрины, программы и др.) для реализации политического управления [Кононов, 2017].

В рамках данного исследования авторы придерживаются следующего понимания сути и специфики изученных нормативно-правовых документов. Концепция — официальный документ, который содержит системное представление руководства государства о явлениях, процессах определенной сферы общественной жизни, социально значимых проблемах на современном этапе, а также включает выбранный вектор, задачи, методы, механизмы реализации государственной политики в обозначенной сфере на определенный период. Стратегическое планирование, т. е. научно обоснованное определение способов решения общественно значимых проблем, отражено прежде всего в стратегиях государственной политики. В государственных проектах, программах, планах мероприятий

указаны четко сформулированные программные меры, определены ресурсы и субъекты реализации мероприятий по достижению поставленных стратегических целей. В соответствии с научной литературой периоды стратегического планирования могут быть краткосрочные (до 1 года), среднесрочные (от 1 года до 5 лет), долгосрочные (от 5 до 20 лет).

Результаты исследования. Оценка места и значимости вопросов сохранения репродуктивного и сексуального здоровья граждан и обеспечения его высокого уровня в государственной политике РФ приводит к ряду выводов. Анализ нормативно-правовых документов показал, что отдельного, автономного направления государственной политики по проблемам репродуктивного и сексуального здоровья населения в настоящее время нет. Однако репродуктивное и/или сексуальное здоровье определяется в рамках концептуальных и стратегических документов как один из важных факторов и основное условие демографической безопасности страны; аспекты сохранения и поддержания общественного здоровья анализируются в ракурсе популяционного подхода, т. е. благополучие населения РФ в центре внимания.

Рассмотрение вопросов репродуктивного и сексуального здоровья в нормативно-правовом поле осуществляется в контексте ориентации концептуальных документов на утверждение, во-первых, традиционной семьи как базовой единицы социальной структуры общества, на которую планируется возложить основные экономические функции (уплата налога, семейное производство), социальные (межпоколенная забота), культурные (социокультурная интеграция); во-вторых, гендерного контракта «работающей матери», что позиционируется как необходимость предоставления женщинам возможности совмещать выполнение семейных обязанностей и трудовую деятельность (например, надомный труд, частичная занятость). На протяжении 2010—2020 гг. наблюдается также смена дискурса официальных документов по вопросам репродуктивного и сексуального здоровья: 1) уменьшается их гипертекстуальность, т. е. сокращается количество ссылок на международные официальные документы и программы; 2) исчезает использование слов, понятий, содержащих корень «секс» (исключения составляют темы сексуального насилия в отношении женщин и детей, а также сексуальной эксплуатации несовершеннолетних). При этом мы учитываем обобщенный, нормативный характер речи официальных документов. Таким образом, деятельность государства по сохранению репродуктивного и сексуального здоровья населения РФ, обеспечению его высокого уровня регулируется преимущественно документами по демографической политике, политике в сфере здравоохранения, в сфере охраны здоровья матери и ребенка, по семейной политике; в меньшей степени — в документах по политике в интересах детей, гендерной политике; незначительно — по политике в сфере научных исследований и разработок.

Половозрастные и гендерные аспекты российской государственной политики в сфере репродуктивного здоровья отражают цели и задачи современной демографической политики. Осуществляется концептуализация и стратегическое планирование мер по поддержанию репродуктивного и сексуального здоровья граждан, которые направлены на обеспечение воспроизводства населения страны в целом, в том числе за счет естественного прироста, а также сохранение и увеличение численности работоспособного населения как ресурса для достижения

социально-экономического благополучия государства в настоящем (стимулирование миграции в страну рабочей силы, создание условий матерям для совмещения семейных и трудовых обязанностей, сокращение смертности) и будущем (ориентация на поддержку рождения двух, трех и более детей в семье, общественное признание многодетных семей, развитие инфраструктуры родовспоможения, сокращение смертности новорожденных и детей). В официальных документах провозглашается задача сохранения репродуктивного здоровья населения (например, в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.). Однако качественный анализ нормативно-правовых документов позволил выявить, представители каких социально-демографических групп выделяются (названы) как объект государственной политики в сфере охраны репродуктивного и/или сексуального здоровья.

Проведенный анализ подтвердил вывод предыдущих исследований о том, что основное внимание в концептуальных и стратегических документах уделяется женскому репродуктивному здоровью. Женщины рассматриваются в официальных документах как главный ресурс воспроизводства населения, необходимый для решения демографических задач и ответа на вызовы, стоящие перед страной. При этом следует обратить внимание, что меры государственной политики по охране репродуктивного здоровья адресованы определенным группам женщин:

— женщинам в период беременности, родов и в послеродовой период, роженицам, в том числе тем, роды которых были преждевременными. Задача государства — создание условий для обеспечения доступности и своевременности оказания качественных услуг родовспоможения, способствующих сохранению жизни и здоровья матери и ребенка (Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.);

— женщинам репродуктивного возраста (15—49 лет). Задача государственной политики — снижение числа аборт. Проблематика искусственного прерывания беременности актуализируется в связи с реализацией демографических задач в рамках популяционного подхода к общественному здоровью (Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения» в редакции постановлений Правительства РФ от 07.05.2017 г. № 539, 12.08.2017 г. № 964);

— беременным женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Задача — реализация социальных (социально-бытовые, психологические, юридические услуги) и медицинских мер, направленных на предотвращение совершения женщиной аборта (Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.; Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 гг. и др.).

Женское репродуктивное здоровье позиционируется как проблема здоровья, а не исключительно ресурс, необходимый для решения демографических задач, в Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017—2022 гг., утвержденной 8 марта 2017 г. В стратегии формулируется задача развития медицинской системы охраны репродуктивного здоровья женщин всех возрастов, живущих в различных социальных условиях, с учетом особенностей их здоровья. Удовлетворению репродуктивных прав женщин, их установок, потребности в детях призвано помочь использование вспомогательных репродуктивных технологий.

В официальных документах репродуктивное здоровье взрослого мужского населения не фигурирует в качестве самостоятельного объекта заботы. При этом в ряде мер по охране репродуктивного здоровья населения не предусматривается гендерная дифференциация. В распоряжении Правительства РФ о комплексе мероприятий, направленных на сокращение числа рабочих мест с вредными и (или) опасными для репродуктивного здоровья условиями труда, в рамках третьего этапа реализации Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г. указывается на необходимость обеспечения безопасности труда работников, а не представителей мужского или женского пола. Связанная с сексуальным поведением задача профилактики, выявления и лечения ВИЧ-инфекции ставится относительно социально, а не гендерно-дифференцированных групп — лиц, инфицированных ВИЧ, в том числе находящихся в учреждениях, исполняющих наказания; наиболее социально уязвимых групп населения (не уточняется каких) (Направления, основные мероприятия и параметры приоритетного национального проекта «Здоровье», сроки реализации: 2006—2018 гг.).

Особое внимание государство уделяет сохранению репродуктивного здоровья детей, подростков и молодежи. В этих целях предусматривается:

— расширение охвата профилактическими медицинскими осмотрами детей в возрасте 15—17 лет. При этом из паспорта реализуемого в настоящее время национального проекта «Здравоохранение» становится ясно, что данные меры предусмотрены для представителей обоих полов: осмотр у уролога-андролога для мальчиков, у акушера-гинеколога для девочек;

— проведение информационно-просветительской работы: разработка и реализация дополнительных образовательных программ в рамках формирования семейной культуры молодежи, в том числе по вопросам репродуктивного здоровья и поведения (Концепция государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г.); предупреждению ранней беременности и аборт; профилактике ВИЧ-инфекции (Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012—2017 гг.); формированию здоровых представлений о сексуальной жизни детей (не дано пояснения тому, что понимается под здоровыми представлениями) (Концепция информационной безопасности детей, 2015 г.);

— развитие инфраструктуры медицинских учреждений для подростков, в частности центров охраны их репродуктивного здоровья (Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012—2017 гг.);

— проведение фундаментальных медицинских исследований, а именно разработка современных стандартов физического развития и состояния репродуктивной системы детей и подростков в целях выделения групп риска (Программа фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013—2020 гг.).

Проведенный анализ официальных документов показывает, что в рамках государственной политики в сфере охраны репродуктивного и сексуального здоровья можно выделить следующие особенности:

— направленность на решение задач обеспечения демографической безопасности страны (воспроизводство численности населения, наличие достаточного количества лиц трудоспособного возраста, сохранение репродуктивного потенциала детей и молодежи, снижение смертности матерей и детей), что определяет

повышенное внимание к репродуктивному здоровью определенных социальных групп — женщин фертильного возраста, беременных женщин, подростков;

— преимущественное внимание к женскому репродуктивному здоровью как основному ресурсу решения демографических задач. Современный подход государственного регулирования в области охраны репродуктивного здоровья населения слабо чувствителен к физиологическим (мужское бесплодие), психологическим (влияние психологических факторов и расстройств на репродуктивную функцию мужчин, гендерно-ролевые конфликты и их последствия для здоровья и т. д.) и социокультурным аспектам и детерминантам мужского здоровья (гегемонная маскулинность как фактор традиционно низкого уровня заботы мужчин о собственном здоровье в сравнении с женщинами, стереотипы мужественности, приводящие в числе прочего к рискованному сексуальному поведению);

— недостаточное внимание в рамках популяционного подхода к индивидуальному, персональному благополучию жизни сексуально и репродуктивно здорового человека;

— отсутствие концептуализации — подхода к сохранению репродуктивного и/или сексуального здоровья на протяжении всей жизни человека — с учетом особенностей жизненного пути представителей различных социальных групп.

Заключение

За последние десять лет было проведено два крупных национальных выборочных обследования репродуктивного здоровья населения Российской Федерации (2011 и 2018 г.) (см.: [Сакевич, Денисов, 2019: 142]). В 2010-х гг. в государственном регулировании вопросов сексуальности и репродуктивного здоровья произошел консервативный поворот. В правовом поле также наблюдаются значительные изменения.

Появились мягкие формы стимулирования деторождения, оставляющие право конечного выбора за гражданином. В первую очередь это социальные программы, направленные на охрану здоровья и материнства, социально-экономическая поддержка (материнский капитал и др.), обеспечение должного уровня доступа к медицинским услугам, связанным с вопросами репродуктивного здоровья. К формам стимулирования деторождения можно отнести и обеспечение доступа к вспомогательным репродуктивным технологиям. В ст. 55.3 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» сказано, что мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, имеют право на применение вспомогательных репродуктивных технологий при наличии обоюдного информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. Одинокая женщина также имеет право на применение вспомогательных репродуктивных технологий. Заметим, что это положение можно трактовать как индикатор того, что именно деторождение является приоритетом государственной политики, а семейные ценности отходят на второй план.

Помимо мер по стимулированию деторождения, можно наблюдать все большее усиление мер, направленных против таких видов репродуктивного поведения, как абортное и частично контрацептивное. Дискуссии о допустимости ужесточения правил, связанных с искусственным прерыванием беременности, ведутся в настоящий момент в медийном пространстве.

Сегодня государственная власть на федеральном и региональном уровнях проявляет большую заинтересованность в непосредственном увеличении населения страны за счет стимулирования деторождения. Однако меры, принимаемые в настоящее время, явно недостаточны, особенно на фоне избыточной смертности и демографических потерь из-за коронавирусной эпидемии. Пропаганда генеративного репродуктивного поведения не обеспечивает прироста реального участия различных групп в регулировании репродуктивного здоровья. Необходимы комплексные научные исследования практик репродуктивного и сексуального здоровья российского населения, выявление стратегий и необходимых ресурсов государства для реализации эффективных программ народосбережения и демографического роста.

Библиографический список

- Зайцева М. А.* Исследование отношения студенческой молодежи к репродуктивному здоровью // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 2. С. 50—56.
- Здоровье и интимная жизнь: социологические подходы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. 324 с.
- Калачикова О. Н.* Регулирование репродуктивного поведения населения: состояние и проблемы. Вологда: Ин-т соц.-экон. развития территорий РАН, 2012. 129 с. Препринт.
- Кон И. С.* Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 4. С. 5—16.
- Кон И. С.* Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 1. С. 51—65.
- Кононов Л. А.* Роль официальных документов: концепций, доктрин и стратегий — в политическом управлении Российской Федерации // Право и современные государства. 2017. № 2. С. 55—66.
- Косова Л. Б.* Динамика установок россиян в сфере интимных отношений // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, № 4. С. 127—149.
- Кузьмина Ю. В.* Публичные высказывания о сексуальном образовании в российских медиа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 3. С. 122—152.
- Панкратова Л. С.* Российские социологические исследования феномена сексуальности: тенденции и перспективы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 1. С. 53—56.
- Пестрикова Т. Ю., Юрасова Е. А., Юрасов И. В., Шматкова А. С.* Тенденции репродуктивного поведения молодежи в реалиях современной демографической ситуации // Репродуктивное здоровье детей и подростков. 2019. Т. 15, № 3. С. 89—98.
- Погорелко М. Ю.* Нормативно-политические и нормативно-правовые источники и основания государственных политик // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2009. Т. 2, № 1. С. 93—109.
- Репродуктивное здоровье населения России / Федер. служба гос. статистики. М.: Статистика России, 2012. 58 с.
- Сакевич В. И., Денисов Б. П.* Репродуктивное здоровье населения и проблема аборт в России: новейшие тенденции // Социологические исследования. 2019. Т. 45, № 11. С. 140—151.

- Шабунова А. А., Калачикова О. Н. Репродуктивное здоровье как фактор качества воспроизводства населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2009. № 3. С. 73—81.
- Шабунова А. А., Калачикова О. Н. Демографические исследования ВолНЦ РАН: становление научной школы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 1. С. 9—22.
- Wang G.-Z. Reproductive health in the context of economic and democratic development // *Comparative Sociology*. 2004. Vol. 3, № 2. P. 135—162.

References

- Kalachikova, O. N. (2012) *Regulirovanie reproduktivnogo povedeniia naseleniia: sostoianie i problemy* [Regulation of reproductive behavior of the population: state and problems], Vologda: Institut sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia territorii Rossiiskoi akademii nauk.
- Kon, I. S. (2008) Gegemonnaia maskulinnost' kak faktor muzhskogo (ne)zdorov'ia [Hegemonic masculinity as a factor in male (un)health], *Sotsiologiya: teoriia, metody, marketing*, no. 4, pp. 5—16.
- Kon, I. S. (2011) Tri v odnom: seksual'naia, gendernaia i semeinaia revoliutsii [Three in one: sexual, gender and family revolutions], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, no. 1, pp. 51—65.
- Kononov, L. A. (2017) Rol' ofitsial'nykh dokumentov: kontseptsii, doktrin i strategii v politicheskom upravlenii Rossiiskoi Federatsii [The role of official documents: concepts, doctrines and strategies in the political administration of the Russian Federation], *Pravo i sovremennye gosudarstva*, no. 2, pp. 55—66.
- Kosova, L. B. (2017) Dinamika ustanovok rossiiian v sfere intimnykh otnoshenii [Dynamics of attitudes of Russians in the field of intimate relations], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 4, no. 4, pp. 127—149.
- Kuz'mina, Iu. V. (2020) Publichnye vyskazyvaniia o seksual'nom obrazovanii v rossiiskikh media [Public statements about sexuality education in Russian media], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 23, no. 3, pp. 122—152.
- Pankratova, L. S. (2012) Rossiiskie sotsiologicheskie issledovaniia fenomena seksual'nosti: tendentsii i perspektivy [Russian sociological researches of the phenomenon of sexuality: tendencies and perspectives], *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 1, pp. 53—56.
- Pestrikova, T. Iu., Iurasova, E. A., Iurasov, I. V., Shmatkova, A. S. (2019) Tendentsii reproduktivnogo povedeniia molodēzhi v realiiakh sovremennoi demograficheskoi situatsii [Trends in the reproductive behavior of young people in the realities of the modern demographic situation], *Reproduktivnoe zdorov'e detei i podrostkov*, vol. 15, no. 3, pp. 89—98.
- Pogorelko, M. Iu. (2009) Normativno-politicheskie i normativno-pravovye istochniki i osnovaniia gosudarstvennykh politik [Normative-political and normative-legal sources and foundations of state policies], *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*, vol. 2, no. 1, pp. 93—109.
- Reproduktivnoe zdorov'e naseleniia Rossii* (2012) [Reproductive health of the population of Russia], Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki, Moscow: Statistika Rossii.
- Takevich, V. I., Denisov, B. P. (2019) Reprodukivnoe zdorov'e naseleniia i problema abortov v Rossii: noveishie tendentsii [Reproductive health of the population and the problem of abortion in Russia: the latest trends], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, vol. 45, no. 11, pp. 140—151.

- Shabunova A. A., Kalachikova O. N. (2009) Reproductivnoe zdorov'e kak faktor kachestva vosпроизводства naseleniia [Reproductive health as a factor in quality of population reproduction], *Ėconomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 7, no. 3, pp. 73—81.
- Shabunova, A. A., Kalachikova, O. N. (2021) Demograficheskie issledovaniia Vologodskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk: stanovlenie nauchnoi shkoly [Demographic studies in Vologda Scientific Center RAS: formation of the scientific school], *Ėconomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 14, no. 1, pp. 9—22.
- Wang, G.-Z. (2004) Reproductive health in the context of economic and democratic development, *Comparative Sociology*, vol. 3, no. 2, pp. 135—162.
- Zaitseva, M. A. (2017) Issledovanie otnosheniia studencheskoi molodězhi k reproductivnomu zdorov'iu [Research on student youth attitudes towards reproductive health], *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, no. 2, pp. 50—56.
- Zdravomyslova, E., Temkina, A. (eds) (2011) *Zdorov'e i intimaia zhizn': sotsiologicheskie podkhody* [Health and intimate life: sociological approaches], St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Приложение

Список нормативно-правовых документов, определявших государственную политику в сфере сексуального и репродуктивного здоровья населения РФ на 2010—2020 гг.

1. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351: в ред. указа Президента РФ от 01.07.2014 г. № 483.
2. Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2008—2010 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 14.02.2008 г. № 170-р.
3. О плане мероприятий по реализации в 2011—2015 годах Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 10.03.2011 г. № 367-р.
4. Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2016—2020 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 14.04.2016 г. № 669-р.
5. Паспорт национального проекта «Демография»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам. Протокол от 24.12.2018 г. № 16.
6. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: распоряжение Правительства РФ от 24.12.2012 г. № 2511-р.
7. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 294: в ред. постановлений Правительства РФ от 07.05.2017 г. № 539, от 12.08.2017 г. № 964.
8. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: постановление Правительства РФ от 26.12.2017 г. № 1640.
9. Паспорт приоритетного проекта «Формирование здорового образа жизни»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам. Протокол от 26.07.2017 г. № 8.

10. О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов: постановление Правительства РФ от 07.12.2019 г. № 1610.
11. Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии развития здравоохранения в РФ на период до 2025 г.: распоряжение Правительства РФ от 28.11.2020 г. № 3155-р.
12. О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 06.06.2019 г. № 254.
13. Паспорт национального проекта «Здравоохранение»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам. Протокол от 24.12.2018 г. № 16.
14. Направления, основные мероприятия и параметры приоритетного национального проекта «Здоровье»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов. Протокол от 21.12.2005 г. № 2.
15. Программа развития перинатальных центров в Российской Федерации: утв. распоряжением Правительства РФ от 09.12.2013 г. № 2302-р.
16. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г.: распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 г. № 1618-р
17. Об утверждении плана мероприятий на 2015—2018 годы по реализации первого этапа Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 09.04.2015 г. № 607-р.
18. План основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках десятилетия детства: утв. распоряжением Правительства РФ от 06.07.2018 г. № 1375-р
19. План первоочередных мероприятий до 2014 года по реализации важнейших положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы: утв. распоряжением Правительства РФ от 15.10.2012 г. № 1916-р.
20. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы: указ Президента РФ от 01.06.2012 г. № 761.
21. Концепция информационной безопасности детей: утв. распоряжением Правительства РФ от 02.12.2015 г. № 2471-р.
22. Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 годы: утв. распоряжением Правительства РФ от 08.03.2017 г. № 410-р.
23. Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2018 году I этапа Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017—2022 годы: распоряжение Правительства РФ от 14.03.2018 г. № 420-р.
24. План мероприятий по реализации в 2019—2022 годах Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017—2022 годы: утв. распоряжением Правительства РФ от 07.12.2019 г. № 2943-р.
25. Программа фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013—2020 годы: утв. распоряжением Правительства РФ от 03.12.2012 г. № 2237-р.

Статья поступила 14.03.2021 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Козловский Владимир Вячеславович — доктор философских наук, директор, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры социологии

культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, vvk_soc@mail.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Director, Sociological Institute RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation; Professor at the Department of Sociology of Culture and Communication, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).

Панкратова Лилия Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, l.s.pankratova@spbu.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology of Culture and Communication, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).

Ткачук Дарья Владимировна — ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Санкт-Петербург, Россия, tkachuk.daria@gmail.com (Associate Researcher, Sociological Institute RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. No. 3. P. 47—52
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.4

Женщина в российском обществе
2021. № 3. С. 47—52
ББК 60.74
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.4

ОЦЕНКА ЗНАЧИМОСТИ МЕР ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ РОЖДАЕМОСТИ: МНЕНИЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН РОССИИ (По результатам социологического исследования)

Т. К. Ростовская^a, О. А. Золотарева^{a, b}

^a Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук, г. Москва, Россия, rostovskaya.tamara@mail.ru

^b Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия

Представлен анализ препятствий, задерживающих рост числа детей в семье, и мер, способствующих увеличению деторождений. Оценка основана на данных выборочного обследования, проводимого Институтом демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, и характеризует рассматриваемые аспекты глазами мужчин и женщин России.

Ключевые слова: рождаемость, детность, демографическая политика, меры поддержки семей с детьми.

ASSESSMENT OF THE DEMOGRAPHIC POLICY MEASURES IMPORTANCE IN THE FIELD OF FERTILITY: OPINIONS OF MEN AND WOMEN IN RUSSIA (Based on a sociological research)

T. K. Rostovskaya^a, O. A. Zolotareva^{a, b}

^a Institute for Demographic Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, rostovskaya.tamara@mail.ru

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

The article presents an analysis of the obstacles to the increase in the number of children in the family and measures that contribute to the increase in the number of children in the family. The assessment is based on the data of a sample survey carried out by the Institute

---

© Ростовская Т. К., Золотарева О. А., 2021

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

---

for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, and characterizes the aspects under consideration through the eyes of men and women in Russia.

Key words: fertility, childbirth, demographic policy, measures to support families with children.

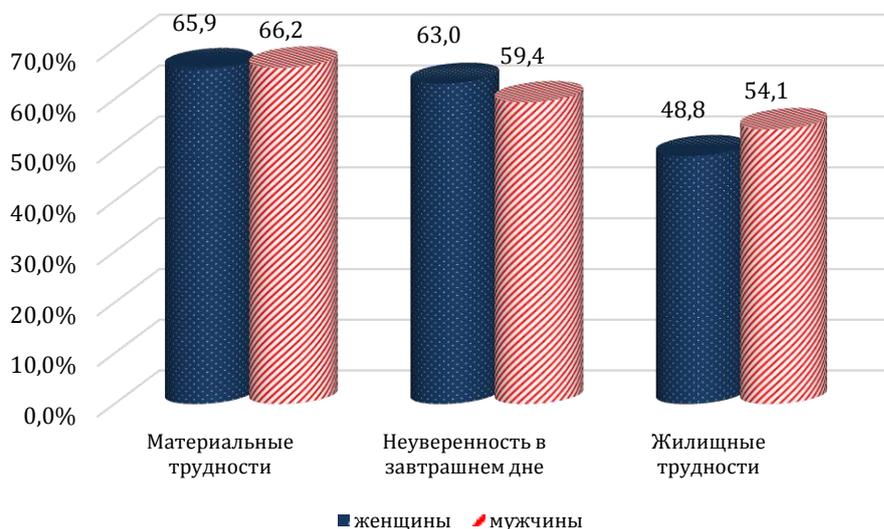
В настоящее время утвержден перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному собранию РФ от 21 апреля 2021 г., в котором особое внимание уделено мерам поддержки семей с детьми. Прежде всего данные меры направлены на снижение бедности в таких семьях. В этой связи отметим, что, несмотря на акценты сегодняшнего дня, связанные с формированием подобных пакетов мер поддержки в период кризиса, вызванного пандемией (что отчетливо прослеживается во всех последних государственных инициативах), нельзя терять из вида приоритетную цель в области демографии — рост рождаемости и сохранение численности населения страны. Не будем отрицать, что уверенность в будущем, которая зарождается в обществе, должна способствовать и росту рождаемости. Именно увеличение деторождений в семьях может позволить минимизировать потери, вызванные второй волной депопуляции. Насколько данные меры являются достаточными при сложившейся демографической конъюнктуре?

До 1 июля 2021 г. Правительству РФ было поручено «разработать подходы к созданию целостной системы мер поддержки семей с детьми в целях сведения к минимуму риска бедности таких семей» [Перечень поручений... , 2021]. При разработке подобной системы важно учитывать факторы, влияющие на формирование демографических потребностей населения, и причины, сдерживающие их удовлетворение. Сформировать реальное понимание того, какие мероприятия способны повлиять на увеличение деторождений в семье, возможно только при получении информации от населения, т. е. на основе данных социологических исследований.

В статье приводятся данные всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие россиян», проведенного с участием авторов в конце 2019 — начале 2020 г. (руководитель — профессор Т. К. Ростовская). Объем выборочной совокупности составил 5616 человек в возрасте от 18 до 50 лет. Территориальный охват — 10 субъектов РФ: г. Москва, Московская область, Республики Башкортостан и Татарстан, Ставропольский край, Вологодская, Волгоградская, Ивановская, Нижегородская и Свердловская области.

В России сформирована двухдетная модель семьи. Данного мнения придерживаются ведущие демографы и социологи, тезис также подтверждается результатами проведенного авторами исследования. В статье Т. К. Ростовской, О. В. Кучмаевой и О. А. Золотаревой отмечено, что, и с точки зрения респондентов, имеющих детей (в возрастах 30—39 лет и 40—50 лет), и с точки зрения респондентов, отвечавших на вопрос о желаемом числе детей, два ребенка — оптимальный/предпочтительный вариант (либо как свершившийся факт, либо в оценке на перспективу) [Ростовская и др., 2021].

Основными факторами, снижающими деторождение в семье, по мнению опрошенных, являются материальные трудности, неуверенность в завтрашнем дне и жилищные трудности (рисунок).

Мнение респондентов об основных факторах, препятствующих желанию иметь большее число детей (в разрезе пола) (ответившие «очень мешает» и «мешает»)

Среди преград, не позволяющих иметь большее число детей, гендерно-равной оказалась оценка такой преграды как материальные трудности: и женщины и мужчины поставили ее на первое место (гендерный разрыв в ответах 0,3 п. п.). Второе место респонденты обоего пола отдали преграде «неуверенность в завтрашнем дне», при этом женщины (скорее всего, как менее защищенная категория) говорят об этом с чуть большей активностью, чем мужчины (гендерный разрыв — 3,6 п. п.). На третье место опрошенные вне зависимости от пола поставили преграду «жилищные трудности», при этом мужчины в большей степени акцентируют внимание на данном факторе, чем женщины (гендерный разрыв — 5,3 п. п.).

Четвертое и пятое место занимают преграды, характеризующие участие в экономике. Факторами, сдерживающими намерения иметь большее число детей, являются и плотная занятость на работе («очень мешает» и «мешает» ответили 47,1 % женщин и 45,8 % мужчин), и отсутствие работы (42,5 % женщин и 46,5 % мужчин).

Следовательно, объективные и субъективные индикаторы уровня жизни оказывают существенное влияние на репродуктивные ориентации населения.

Нематериальные факторы условий жизни российской семьи, касающиеся присмотра за детьми, взаимоотношений между родственниками, и другие существенными преградами для рождения желаемого числа детей не являются.

Характеризуя значимость мер, которые могут увеличить вероятность рождения ребенка (таблица), необходимо отметить следующее: на первом месте,

и по мнению женщин, и по мнению мужчин, стоят меры, направленные на содействие молодым семьям в получении самостоятельного жилья (5 баллов — «имеет большое значение» — поставили 59,3 % женщин, 51,9 % мужчин), на втором — меры по улучшению качества работы медицинских учреждений (5 баллов — 55,3 % женщин и 49,3 % мужчин), на третьем — меры по повышению пособий на ребенка в возрасте до 3 лет (55,5 % женщин и 43,2 % мужчин). Отметим, что значимость всех этих мер по 5-балльной шкале женщины оценивают немного выше, чем мужчины.

Оценка приоритетности мер, направленных на увеличение рождений детей в семье (ранжировано по среднему баллу)

Меры помощи семьям	Средний балл по 5-балльной шкале	
	Женщины	Мужчины
Содействие молодым семьям в получении самостоятельного жилья	4,0	3,9
Улучшение качества работы медицинских учреждений	4,0	3,8
Повышение пособий на ребенка в возрасте до 3 лет	3,9	3,7
Обеспечение лучшей доступности дошкольных образовательных учреждений и повышение качества их работы	3,8	3,7
Льготная ипотека для семей с несколькими детьми	3,8	3,7
Повышение пособий при рождении ребенка	3,8	3,6
Повышение пособий на ребенка в возрасте до 1,5 лет	3,8	3,6
Более существенное сокращение пенсионного возраста для женщин с несколькими детьми	3,8	3,6
Расширение возможностей использования гибкого графика режима труда (неполная рабочая неделя, неполный рабочий день)	3,8	3,5
Улучшение качества работы учреждений бытового обслуживания	3,6	3,5
Улучшение возможностей для проведения досуга семей с детьми	3,6	3,5
Предоставление семьям помощи, в которой они нуждаются, на договорной основе, предусматривающей зависимость продолжительности этой помощи от рождения детей в семье	3,6	3,5
Расширение возможностей дистанционной занятости для родителей с детьми дошкольного и младшего школьного возраста	3,5	3,3
Предоставление льготных кредитов в зависимости от числа детей в семье	3,4	3,4
Сохранение пособий в существующем размере, но продление их выплаты до достижения ребенком школьного возраста	3,3	3,3

В целом в ответах о значимости мер, которые могут увеличить вероятность рождения ребенка, наблюдается гендерное сходство. Пятерку лидирующих мер замыкают: «обеспечение лучшей доступности дошкольных образовательных учреждений и повышение качества их работы» и «льготная ипотека для семей с несколькими детьми». При этом отметим, что для женщин значимость указанных мер равна значимости мер «повышение пособий при рождении ребенка», «повышение пособий на ребенка в возрасте до 1,5 лет», «более существенное сокращение пенсионного возраста для женщин с несколькими детьми» и «расширение возможностей использования гибкого графика режима труда (неполная рабочая неделя, неполный рабочий день)» (равный средний балл, составляющий 3,8).

Подводя итоги оценки значимости мер демографической политики в области рождаемости, прежде всего отметим существенную важность решения «квартирного вопроса». В этом аспекте представляется интересным предложение В. Н. Архангельского о социальном контракте: «Государство выделяет семье двухкомнатную квартиру, дает два с половиной года на рождение ребенка. После того как малыш появляется на свет, контракт продлевается еще на два-три года. Также и с рождением второго ребенка, а при рождении третьего квартира оформляется в собственность. Если семья не выполнила свою часть контракта, она это жилье освобождает» [Демограф Владимир Архангельский... , 2021]. Жилищная проблема не решается на протяжении нескольких десятилетий, в то время как именно содействие молодым семьям в получении самостоятельного жилья российское общество определяет приоритетной мерой, способствующей рождению в семьях большего числа детей.

Бесспорно, принимаемые и реализуемые сегодня пакеты мер по поддержке семей с детьми значимы, однако стоит отметить, что повышение пособий (вне зависимости от достижения детьми того или иного возраста) прежде всего способствует сдерживанию бедности населения. В контексте влияния на рост рождаемости необходимо акцентировать внимание на тех, кто данные меры оценил высоко (5 баллов по 5-балльной шкале). Указанные меры должны носить адресный характер, способствовать/содействовать рождению второго ребенка, вероятнее всего, они могут в качестве вклада в семейный бюджет. При этом отметим: на большую важность повышения пособий указали женщины, что определенно связано с их временным отрывом от работы (некоторая компенсация в потере заработной платы). Однако рост пособий может вызвать отрицательное воздействие на принятие решения о рождении второго ребенка теми, кто низко оценил данные меры.

Следовательно, проводимая активная семейно-демографическая политика в большей степени направлена на поддержку качества жизни (точнее, выживаемость семей с детьми), но не в полной степени способствует формированию демографических установок на многодетную модель семьи.

Библиографический список

- Демограф Владимир Архангельский — о том, как повлияют на рождаемость новые меры поддержки семей с детьми. 2021. URL: <https://iz.ru/1155494/vladimir-arkhangel'skii/signal-uverenosti> (дата обращения: 02.05.2021).
- Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному собранию. 2021. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/65524> (дата обращения: 10.05.2021).
- Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Золотарева О. А. Мотивы вступления в брак: анализ сквозь призму гендера // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 1. С. 86—103.

References

- Demograf Vladimir Arkhangel'skiĭ — o tom, kak povliiaiat na rozhdaemost' novye меры podderzhki semeĭ s det'mi* (2021) [Demographer Vladimir Arkhangel'sky — on how new measures to support families with children will affect the birth rate], available from <https://iz.ru/1155494/vladimir-arkhangel'skii/signal-uverenosti> (accessed 02.05.2021).
- Perechen' poruchenĭ po realizatsii Poslaniia Prezidenta Federal'nomu sobraniuu* (2021) [List of instructions for the implementation of the President's Address to the Federal Assembly], available from <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/65524> (accessed 10.05.2021).
- Rostovskaia, T. K., Kuchmaeva, O. V., Zolotareva, O. A. (2021) Motivy vstupleniia v brak: analiz skvoz' prizmu gendera [Motives for marriage: analysis through the prism of gender], *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, vol. 7, no. 1, pp. 86—103.

Статья поступила 10.05.2021 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, gostovskaya.tamara@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Deputy Director for Research, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Золотарева Ольга Анатольевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия; доцент кафедры статистики, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия, Zolotareva.OA@rea.ru (Cand. Sc. (Econ.), Leading Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Associate Professor at the Department of Statistics, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. No. 3. P. 53—70
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.5

Женщина в российском обществе
2021. № 3. С. 53—70
ББК 60.543.139
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.5

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ОБРАЗОВАНИЯ НА ГЕНДЕРНЫЙ РАЗРЫВ УРОВНЕЙ ОБЩЕЙ БЕЗРАБОТИЦЫ В РОССИИ

М. Е. Баскакова^{a, b}

^a Институт экономики, Российская академия наук, г. Москва, Россия,
baskakovame@mail.ru

^b Всероссийская академия внешней торговли, г. Москва, Россия

Исследуется влияние гендерных различий в образовании населения на формирование устойчивого превышения уровня общей безработицы мужчин над уровнем общей безработицы женщин в современной России. Показывается, что на российском рынке труда женщины по многим параметрам до сих пор остаются менее конкурентоспособными по сравнению с мужчинами, что проявляется в том числе при приеме на работу и увольнении, в продолжительности безработицы. Доказывается, что более высокий уровень образования значительно и практически одинаково сокращает риски попадания в ситуацию безработицы и у женщин, и у мужчин. При этом экономически активные россиянки существенно лучше образованы: среди них две трети имеют высшее или среднее профессиональное образование, в то время как среди мужчин — только половина. Такая гендерная асимметрия образовательных структур, при всех прочих равных условиях, предполагает более низкие риски потери работы у всей совокупности работающих женщин по сравнению с мужчинами и соответственно является одним из факторов формирования гендерного разрыва уровней общей безработицы, благоприятного для женщин, маскируя существование дискриминационных практик на рынке труда. Расчеты показали, что, при условии идентичности образовательных структур мужчин и женщин, различия уровней их общей безработицы были бы существенно меньше существующих или имели даже обратный знак, т. е. в целом оказались бы более благоприятными для мужчин. Статья основана на данных выборочных обследований рабочей силы, проведенных Росстатом в 1992—2020 гг.

Ключевые слова: уровень безработицы, образование, гендер, дискриминация, рынок труда.

**ON THE IMPACT OF EDUCATION
ON THE GENDER GENERAL UNEMPLOYMENT GAP IN RUSSIA***M. E. Baskakova*^{a, b}^a Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
baskakovame@mail.ru^b Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russian Federation

The article examines the influence of gender educational differences on the stable excess of the men general unemployment level over the women one in modern Russia. Women are still less competitive compared to men in many aspects in the Russian labor market, including the inequalities in recruitment and dismissal and the unemployment duration. We prove that a higher education level significantly and almost equally reduces the risks of unemployment for both women and men. At the same time, economically active Russian women are significantly better educated. Two-thirds of them have tertiary or secondary professional education, while only half of men possess the same educational level. This gender asymmetry of educational structures, all other things being equal, implies lower risks of job loss for working women as a whole compared to men. This is one of the factors of the gender gap in the general unemployment rates favorable for women and disguises the existence of discriminatory practices in the job market. Calculations show that if the educational structures of men and women were identical, the differences in the general unemployment rates would be significantly less than the existing ones or even have the opposite sign, that is they would be more favorable for men. The article is based on the data from sample Labor Force Surveys conducted by Rosstat in 1992—2020.

Key words: unemployment rate, education, gender, discrimination, labor market.

Введение

В России параметры общей безработицы (в соответствии с методологией Международной организации труда (МОТ) к таким безработным относятся лица в обследуемом возрасте, которые в рассматриваемый период удовлетворяли одновременно следующим критериям: не имели работы; занимались поиском работы в течение последних четырех недель; были готовы приступить к работе в течение обследуемой недели) по международным меркам невелики, а гендерная асимметрия уровней¹ и масштабов такой безработицы уже несколько десятилетий благоприятна для женщин. На первый взгляд такое положение вещей говорит об отсутствии у экономически активных женщин каких-либо проблем на национальном рынке труда. Однако статистические данные и результаты исследований свидетельствуют об обратном. В этой связи встает вопрос, за счет каких факторов формируется устойчивое превышение масштабов и уровня общей безработицы мужчин над масштабами и уровнем общей безработицы женщин

---

¹ Уровень безработицы среди населения определенной возрастной группы — отношение численности безработных этой возрастной группы к численности рабочей силы этой же возрастной группы, в процентах.

на российском рынке труда. В статье делается попытка оценить роль образования в этом процессе.

Большая распространенность безработицы среди женщин по сравнению с ее распространенностью среди мужчин считается глобальной проблемой (табл. 1). По данным МОТ в 2018 г. среднемировой уровень безработицы среди женщин составлял 6,0 %, что было на 0,8 п. п. выше аналогичного показателя у мужчин (соотношение уровней безработицы женщин и мужчин было равно 1,2). В соответствии со статистикой МОТ в мире гендерная асимметрия масштабов и уровней безработицы стабильна, и, более того, по прогнозам в ближайшем будущем их соотношение не изменится [World Employment... , 2018].

Таблица 1

Уровни безработицы женщин и мужчин и их соотношение в регионах мира²

Регионы	Уровень безработицы, %		Соотношение уровней безработицы женщин и мужчин
	Женщины	Мужчины	
Мир	6,0	5,2	1,2
Развивающиеся страны	6,1	4,6	1,3
Развитые страны	5,6	5,3	1,1
Северная Африка	19,5	9,1	2,1
Африканские страны к югу от Сахары	8,2	6,4	1,3
Латинская Америка и страны Карибского бассейна	9,5	6,8	1,4
Северная Америка	4,4	4,6	1,0
Арабские страны	16,3	6,8	2,4
Восточная Азия	4,2	4,8	0,9
Юго-Восточная Азия и Тихий океан	3,3	3,5	0,9
Южная Азия	5,2	3,7	1,4
Восточная Европа	4,9	5,6	0,9
Центральная и Западная Азия	9,4	8,0	1,2
Российская Федерация	4,7	4,9	0,9

Однако, если посмотреть на карту мира через призму гендерных различий показателей безработицы, картина окажется очень пестрой. Во многих регионах и странах мира ситуация с соотношением женской и мужской безработицы соответствует общемировым тенденциям, хотя имеет неодинаковую остроту. Так, в арабских странах в 2018 г. безработица среди женщин была намного больше ее среднемирового значения — 16,3 %, а ее уровень в 2,4 раза превышал соответствующий показатель у мужчин — 6,8 %. Схожая ситуация сложилась в странах Северной Африки, где уровень женской безработицы в среднем по региону был равен 19,5 %, превышая аналогичный показатель у мужчин в 2,1 раза.

² Эконометрические модели МОТ, ноябрь 2017 г., и базу данных по оценкам и прогнозам рабочей силы (LFEP) см.: URL: www.ilo.org/ILOSTAT (дата обращения: 24.05.2021).

В некоторых странах СНГ уровень безработицы женщин также выше, чем у мужчин (Казахстан, Кыргызстан, Армения, Азербайджан). Но гендерный разрыв показателей в этих странах скромнее и находится в диапазоне 1,1—1,5 раза.

В отдельных странах мира сформировалась гендерная симметрия показателей уровня безработицы. Список таких стран включает, например, Таиланд (где уровень безработицы составляет 0,8 % для обоих полов) и Израиль (по 3,8 %). В Венгрии, Польше и США наблюдается практически паритет рассматриваемых показателей (различия составляют не более 0,1 п. п.).

Кроме того, сейчас в мире достаточно стран, обладающих разным уровнем экономического и социального развития, где соотношение уровней женской и мужской безработицы противоположно среднемировому. Это страны Восточной Европы, где в среднем уровень женской безработицы составляет 0,9 от значений аналогичного показателя у мужчин: Беларусь, Бельгия, Канада, Китай, Финляндия и др. Российская Федерация входит в эту группу стран [United Nations Statistical Yearbook, 2020: 235—251].

Исследования гендерных проблем безработицы и факторов, их определяющих, имеют обширную и многолетнюю историю. В мире существует несколько межстрановых мониторингов различных проблем занятости, проводимых международными организациями, в которые включен анализ динамики гендерной асимметрии уровней и масштабов безработицы [Global Employment Trends... , 2007, 2008, 2009, 2012; World Employment and Social Outlook, 2017, 2018].

В последние годы, учитывая критическую ситуацию с молодежной безработицей в мире, международные исследования, нацеленные на освещение гендерных проблем безработицы, все чаще фокусируются на проблемах юношей и девушек при их переходе от учебы к работе. Помимо анализа законодательства разных стран, регулирующего положение молодежи в сфере занятости, сравнения уровней и масштабов безработицы юношей и девушек, изучаются гендерные различия в барьерах, возникающих у молодежи при поиске работы, анализируются дискриминационные практики при найме девушек на работу (см., напр.: [Элдер и др., 2015; Gender and Youth Employment... , 2017]).

В странах Европейского союза в последние десятилетия активно изучают межстрановые различия гендерных разрывов в уровне безработицы. В [Azmat et al., 2006; Vičáková, 2010, 2016] показывается, что эти различия за последние 20 лет во многих европейских странах увеличились, хотя варьируются в очень широких пределах. Частично эти вариации объясняются разницей человеческого капитала, накопленного мужчинами и женщинами, но наиболее важным фактором межстрановой дифференциации показателя выступают различия в продолжительности послеродовых/семейных отпусков и в отношении женщин, имеющих малолетних детей, к экономической активности.

В России исследований, посвященных анализу гендерной асимметрии уровня безработицы, было проведено мало. В основном они касались анализа различий уровней зарегистрированной безработицы. Исследований гендерной асимметрии уровня общей безработицы, благоприятной для женщин, и причин ее формирования фактически нет. Только в [Обзор занятости... , 2002: 113; Капелюшников, Вишневецкая, 2003: 79] делается предположение, что сложившаяся асимметрия является следствием традиционно высокого уровня участия женщин

в рабочей силе, накопления ими опыта трудовой деятельности, что способствует укреплению их позиций в сфере труда, позволяя удерживать женскую безработицу на уровне, сопоставимом с мужской. Представляется, однако, что такое объяснение не является исчерпывающим.

В отечественных исследованиях гендерных проблем безработицы в качестве более традиционных сюжетов выступают изучение особенностей положения мужчин и женщин на рынке труда, анализ несходства причин их попадания в категорию безработных, выявление специфических способов поиска ими новой работы, гендерных различий в требованиях к желаемому месту работы, в отношении к регистрации в государственных службах занятости, в готовности участвовать в программах этих служб и пр. [Йонушкайте, 2004; Хоткина, 2002; Четвернина, Соболева, 2000; Рощин и др., 2005: 10—11].

Исследования, проведенные в соответствии с такой постановкой проблемы, показывают, что женская безработица в целом более продолжительна, чем мужская, при этом женщины активнее ищут работу, у них существенно ниже зарплатные ожидания, они чаще регистрируются в государственной службе занятости в качестве безработных и охотнее участвуют в активных программах этой службы.

В последние годы отечественные исследователи все чаще стали рассматривать гендерные проблемы безработицы исключительно как женские проблемы [Кузьмина, 2016; Хертек, 2016; Бабкова, 2016; Кошарная и др., 2019; Ермишкина, 2019]. В большинстве случаев результаты их деятельности представлены небольшими проектами, реализованными на примере отдельных категорий женщин или конкретных регионов страны.

Как у зарубежных, так и у российских исследователей достаточно много работ, посвященных тому, как образование влияет на риск потери рабочего места. Подавляющее большинство из них свидетельствует об обратной зависимости показателей уровней образования и безработицы [Капелюшников, Вишневская 2003: 85; Mincer, 1991; Wasim et al., 2017; García, 2017]. В то же время статистика говорит о том, что в ряде стран высокий уровень образования защищает мужчин от безработицы лучше, чем женщин [Баскакова и др., 2013: 40—58].

Данная статья представляет попытку оценить роль образования в формировании устойчивого превышения уровня общей безработицы мужчин над соответствующим уровнем безработицы женщин на российском рынке труда.

Гипотеза состоит в том, что одной из причин существования гендерной асимметрии уровня общей безработицы, благоприятной для женщин, являются их более высокие показатели образования.

Информационная база исследования и методы анализа данных

Эмпирической базой исследования служат материалы выборочных обследований рабочей силы, проведенных Росстатом в 1992—2020 гг.

Для анализа статистических данных были применены методы логического анализа, математической статистики, регрессионного анализа и математического моделирования.

Гендерные различия показателей безработицы в России

В России в течение всего постсоветского периода показатель уровня общей безработицы среди мужчин был больше соответствующего показателя у женщин. Это соотношение показателей не зависело ни от состояния национальной экономики, ни от практики соблюдения трудового законодательства в тот или иной период, ни от изменений в экономической активности мужчин и женщин. Весь период колебания уровней общей безработицы тех и других происходили достаточно синхронно, а гендерный разрыв значений показателя колебался весьма скромно — от 0 п. п. в 1992 г. до 1,2 п. п. в 2009 г. в пользу женщин (рис. 1).

Даже в кризисные годы, когда уровень общей безработицы достигал своего локального максимума (1998 г. — 13,2 %, 2009 г. — 8,4 %, 2015 г. — 5,6 %), сокращения в различиях этих показателей у мужчин и женщин не происходило.

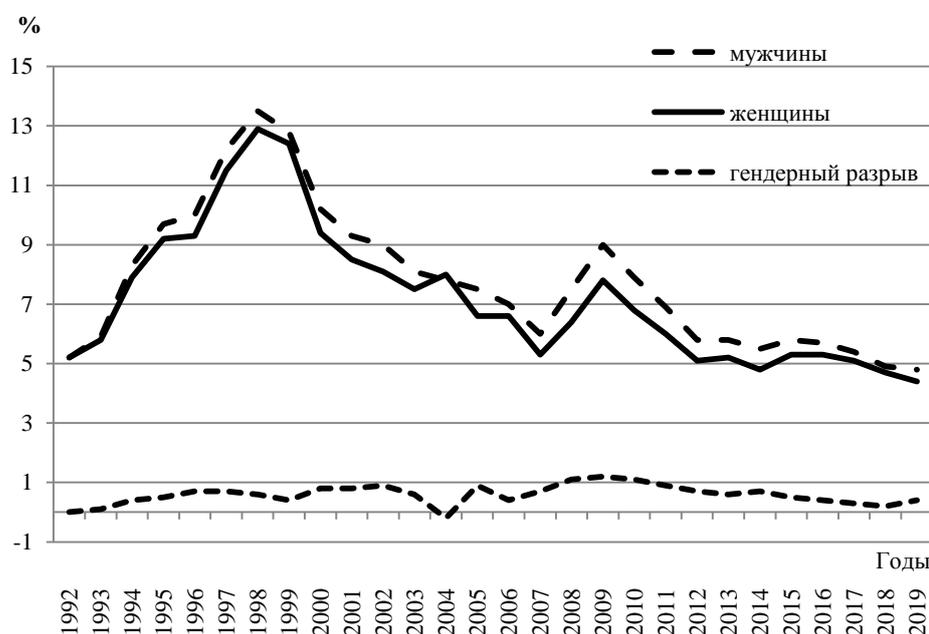

Рис. 1. Динамика уровня общей безработицы мужчин и женщин

Масштабы общей безработицы за все время наблюдений также были гендерно асимметричны в пользу женщин. Их доля среди безработных, учитываемых на основании методологии МОТ, всегда была ниже доли мужчин, колебалась от 44,8 % (в 1997 г.) до 47,6 % (в 2018 г.).

Соотношение показателей общей безработицы женщин и мужчин менялось на противоположное только 2 раза. Первый раз — в 2004 г., когда уровень общей безработицы женщин (8,0 %) превысил аналогичный показатель у мужчин (7,8 %) на 0,2 п. п. Причем доля женщин среди безработных все равно оставалась меньше доли мужчин. Впрочем, поскольку ситуация, сложившаяся на этот момент на российском рынке труда, не отличалась ничем экстраординарным, это можно считать случайной флуктуацией.

Второй раз — в 2020 г., когда из-за ограничений деятельности ряда отраслей и передвижения населения, вызванных пандемией COVID-19, в тяжелую экономическую ситуацию попали преимущественно феминизированные виды экономической деятельности, а также существенно сократился объем услуг учреждений общественного ухода за детьми, что серьезно осложнило участие женщин в оплачиваемой занятости. В мае уровень общей безработицы мужчин поднялся до 6,0 %, а у женщин — до 6,1 %. Правда, уже в декабре ситуация вернулась на круги своя: уровень безработицы мужчин — 6,0 % — вновь превысил этот уровень у женщин — 5,8 %.

Гендерные проблемы российского рынка труда

Превышение масштабов и уровня общей безработицы мужчин над масштабами и уровнем общей безработицы женщин парадоксальным образом формируется на рынке труда, где положение мужчин по многим параметрам сегодня лучше, чем у женщин.

О сниженной конкурентоспособности женщин на рынке труда свидетельствуют различия в структуре причин, по которым женщины и мужчины оказываются безработными. Например, мужчины чаще становятся безработными после добровольного увольнения. Так, в 2019 г. среди безработных мужчин доля уволившихся по собственному желанию составляла 31,6 %, среди безработных женщин — 26,6 %. Кроме того, молодым женщинам сложнее найти первую работу. Среди безработных женщин доля тех, кто не имел опыта работы, была равна 27,2 %, у мужчин только 21,9 %.

У женщин дополнительным фактором, повышающим риск оказаться в ситуации безработицы, является наличие малолетнего ребенка. Российское трудовое законодательство жестко охраняет беременных женщин и родителей, находящихся в отпусках по уходу за малолетними детьми, от дискриминационных увольнений. Но на практике часть таких работников, а это, как правило, женщины, все же теряют свое рабочее место по вине работодателя. Только по данным официальной статистики их доля среди вышедших на работу из отпусков по уходу за ребенком составляет 2,4 %³.

Кроме того, молодые женщины сталкиваются с более высокими барьерами при трудоустройстве, чем юноши. Хотя национальным законодательством запрещены отказы в приеме на работу по обстоятельствам, не связанным с деловыми качествами претендента на вакансию, на практике девушкам чаще, чем юношам, при собеседовании задаются «личные вопросы» (о семейном положении, наличии детей и планах на их рождение и др.) [Баскакова и др., 2018: 92—94].

При этом многие современные работодатели по-прежнему предпочитают брать на работу мужчин. Опрос представителей отечественных компаний показал, что, выбирая будущего сотрудника, большинство из них «при прочих равных условиях» предпочитают взять на работу мужчину (7 % — «однозначно мужчину» и 50 % — «скорее мужчину») [Работодатели..., 2019].

О более острых проблемах женщин на рынке труда свидетельствуют также и гендерные различия в продолжительности безработицы. Несмотря на то что

³ База данных Комплексного наблюдения условий жизни населения — КОУЖ-2018. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (дата обращения: 24.05.2021).

безработные женщины в среднем активнее мужчин ищут новую работу, а их зарплатные ожидания скромнее [Женское большинство... , 2020], продолжительность поиска ими нового рабочего места превышает аналогичный показатель у мужчин. Например, в кризисном 2009 г. безработные женщины в среднем искали работу 8,1 месяца, мужчины — 7,7 месяца, а в 2019 г. — благополучном для российского рынка труда — соответственно 7,0 и 6,8 месяца. Это является одной из причин того, что безработица у женщин чаще, чем у мужчин, приобретает застойный характер. Так, в 2008 г. среди безработных женщин 36,0 % искали работу 12 месяцев и более, среди мужчин — 31,0 %, в 2019 г. — 24,0 и 23,1 % соответственно.

Влияние образования населения на параметры безработицы

Образование населения оказывает огромное влияние на параметры его экономической активности, занятости и безработицы. В России, как и во многих странах мира, между уровнями образования и занятости существует прямая зависимость, а между уровнями образования и общей безработицы — обратная. Иными словами, для наиболее образованных групп населения характерен наиболее высокий уровень занятости и наименьшие риски оказаться в ситуации безработицы. И наоборот, для наименее образованного населения свойствен низкий уровень занятости и высокая вероятность потери работы.

При этом статистические данные показывают, что при сохранении общих тенденций образование мужчин и женщин все же оказывает неодинаковое влияние на параметры их участия в экономике. В качестве иллюстрации на рис. 2 приведены данные Росстата за 2017 г. об уровне занятости и общей безработицы женщин и мужчин в зависимости от уровня их образования.

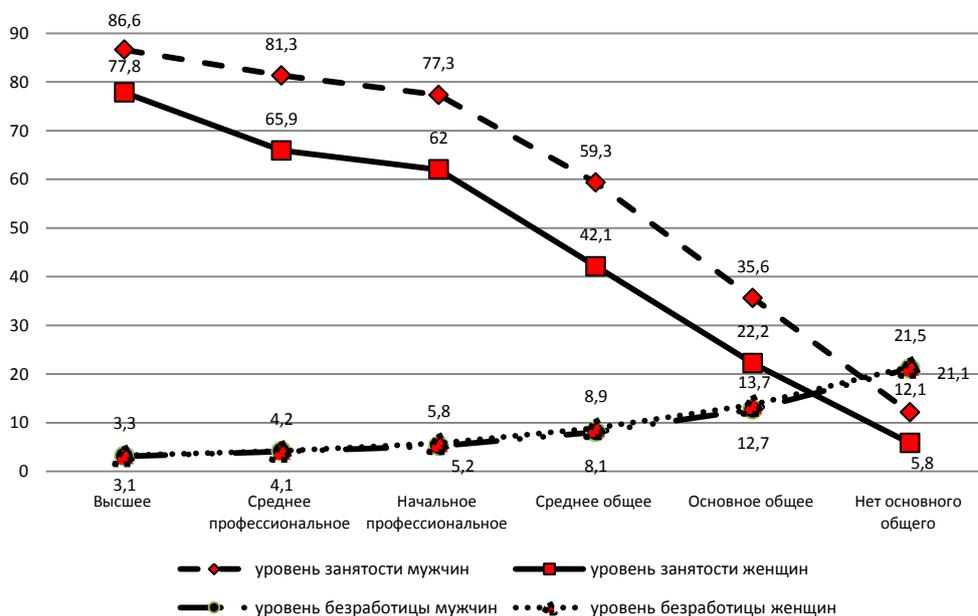

Рис. 2. Уровень занятости и общей безработицы женщин и мужчин в зависимости от их уровня образования, 2017 г., %

Следует в первую очередь отметить, что при условии одинакового образования мужчин и женщин уровни экономической активности и занятости у мужчин всегда и значительно превышают соответствующие показатели у женщин.

В то же время воздействие образования на безработицу фактически не имеет гендерной дифференциации.

При анализе гендерных профилей уровней безработицы групп населения с одинаковым образованием стоит обратить внимание на то, что положительное влияние уровня образования на сокращение рисков потери работы справедливо и для женщин, и для мужчин в течение всего периода наблюдений.

Следует также отметить, что внутри каждой из 4 групп с наиболее высоким уровнем образования (высшее, среднее профессиональное, полное общее, основное общее) уровни безработицы женщин и мужчин близки. В то же время в группах, имеющих основное общее и только начальное общее образование, размах показателей уровней безработицы и женщин, и мужчин очень значителен. Наиболее вероятными объяснениями нестабильности показателей являются, во-первых, малая наполняемость групп, во-вторых, то, что в эти группы входят преимущественно наиболее молодые участники рынка труда, которые из-за отсутствия профессиональных навыков работают, как правило, по сквозным профессиям низкоквалифицированного труда, т. е. контингент, чья занятость часто даже не предполагает стабильного рабочего места.

Более того, чем выше уровень образования, тем меньше у мужчин и женщин различаются уровни их общей безработицы. Так, среди имеющих высшее образование у мужчин среднее значение уровня безработицы за 1992—2018 гг. было равно 3,9 %, у женщин — 4,0 %, среди имеющих среднее профессиональное образование — соответственно 6,1 и 6,0 %, начальное профессиональное образование — 8,0 и 8,6 %, полное общее образование — 10,1 и 10,9 %, общее среднее — 14,3 и 13,7 %, среди не имеющих начального общего образования — 15,5 и 12,9 % соответственно.

И у мужчин, и у женщин, обладающих одинаковым уровнем образования, уровни общей безработицы хотя и различаются, но эти различия минимальны и разнонаправленны.

При этом, как показывают статистические данные за 1992—2018 гг., уровни безработицы женщин и мужчин с одинаковым образованием в разные годы могут различаться как в пользу одних, так и в пользу других.

Так, в группах со средним профессиональным, основным общим, начальным общим образованием уровень безработицы мужчин в рассматриваемый период в основном превышал уровень безработицы женщин, хотя в отдельные годы их соотношение менялось.

Среди населения с начальным профессиональным и полным общим образованием более высокие уровни безработицы все годы имели исключительно женщины.

Среди имеющих высшее профессиональное образование соотношение уровней безработицы женщин и мужчин в течение рассматриваемого периода многократно менялось, причем не представляется возможности выделить однозначно выигрывающего.

Оценить влияние пола g и образования e на уровень безработицы в каждой группе можно с помощью регрессионной двухфакторной модели

$$U_e^g(y) = U(y) \cdot K_1(g) \cdot K_2(e), g = 1, 2; e = 1, \dots, 5; y = 1992, \dots, 2019,$$

где $U_e^g(y)$ — уровень общей безработицы в группе рабочей силы g -го пола с уровнем образования e в году y ;

$U(y)$ — уровень общей безработицы в году y ;

$K_1(g)$ — коэффициент фактора пола g ;

$K_2(e)$ — коэффициент фактора уровня образования e .

При этом принято два допущения. Во-первых, из рассмотрения исключена группа наименее образованных безработных — мужчин и женщин, имеющих образование не выше начального общего. Такое решение было принято в связи с низкой статистической наполненностью этих групп, что предопределило чрезмерную волатильность ключевого показателя.

Во-вторых, принято предположение о неизменном влиянии факторов пола и образования на уровень общей безработицы в течение всего периода наблюдений вне зависимости от состояния экономики страны.

Расчеты показали (табл. 2), что фактор пола оказывает слабое влияние на уровень безработицы. Принадлежность к женскому полу увеличивает на 1 % уровень безработицы, принадлежность к мужскому — уменьшает на 1 %.

Таблица 2

Результаты расчета вклада фактора пола в уровень общей безработицы

g	Пол	K_1
1	Женщины	101 %
2	Мужчины	99 %

В то же время образование оказывает значимое влияние на уровень общей безработицы (табл. 3). Высшее образование снижает риски потери работы в среднем на 48 %, среднее профессиональное — на 21 %, в то время как начальное профессиональное увеличивает эти риски на 7 %, полное общее — на 41 %, основное общее — на 88 %.

Таблица 3

Результаты расчета вклада фактора образования в уровень общей безработицы

e	Уровень образования	K_2
1	Высшее	52 %
2	Среднее профессиональное	79 %
3	Начальное профессиональное	107 %
4	Полное общее	141 %
5	Основное общее	188 %

Иными словами, на современном российском рынке труда образование оказывает на безработицу женщин и мужчин схожее влияние: более высокий уровень образования сокращает риски попадания в ситуацию безработицы, а при одинаковых уровнях образования не формируется однозначных преимуществ в сохранении рабочего места.

Гендерные различия в уровне образования экономически активного населения

В России для женщин и мужчин законодательно обеспечен равный доступ ко всем уровням общего и профессионального образования. Начальное общее, основное общее и среднее общее образование являются обязательными уровнями в нашей стране, поэтому гендерный состав учащихся здесь соответствует демографическому составу молодежи. Профессиональное образование не является обязательным, но для женщин и мужчин законодательно гарантируются общедоступность и бесплатность начального и среднего профессионального образования, а также на конкурсной основе бесплатность высшего образования (если образование получается впервые). Какой уровень образования выбрать — личное дело гражданина.

Выбор этот формируется под воздействием множества факторов, анализ которых выходит за рамки данной работы. Но одним из самых устойчивых во времени результатов этого выбора является гендерная асимметричность состава студентов, обучающихся в профессиональных учебных заведениях разного уровня, причем направление этой асимметрии зависит от уровня образования. Женщины значительно более полно, чем мужчины, используют возможности получения профессионального образования, гарантированные государством. Они составляют большинство среди всех учащихся профессиональной школы, предпочитая при этом получение образования высоких уровней. Мужчины чаще, чем женщины, ограничиваются его средним и низким уровнями.

Еще в РСФСР в 1985/86 учебном году доля девушек среди студентов высших учебных заведений составляла 56 %, среди студентов средних специальных заведений — 59 %, а накануне радикальных экономических перемен (1988/89 учебный год) — 55 и 58 % соответственно. В постсоветский период эта ситуация мало изменилась. Высшее образование остается феминизированным. В 2003—2008 гг. доля девушек среди студентов доходила до 57%, но в последнее время она снизилась. В 2019/20 учебном году среди учащихся вузов девушек было «только» 53 %.

По данным Росстата в среднем профессиональном образовании состав учащихся в последние годы трансформировался в гендерно-нейтральный: доля девушек среди студентов сегодня сократилась до 49,6 %. Среди получающих рабочие профессии девушек по-прежнему мало — 29,3 %.

Многолетняя феминизация высшего и среднего специального образования наряду с маскулинизацией начального в конечном счете привели к росту различий в уровне образования экономически активных мужчин и женщин. На фоне общего повышения уровня образования всего населения у работающих женщин рост уровня образования происходил значительно быстрее, чем у мужчин. В СССР еще в 1960 г. среди специалистов с высшим и средним специальным образованием женщины составляли большинство — 59 % [Женщины..., 1989: 19]. В литературе это было отмечено еще в середине 70-х гг. [Штейнер и др., 1976: 57—58]. Важно также и то, что тренд на феминизацию высоких уровней профессионального образования сложился несколько десятилетий назад, поэтому сегодня среди работающего населения превышение уровня образования женщин над уровнем образования мужчин характерно для всех возрастных групп.

Официальная статистика позволяет проследить изменения в структуре рабочей силы дифференцированно по полу и уровню образования начиная с 1992 г. За все время наблюдения среди экономически активных мужчин доля имеющих высшее профессиональное образование постоянно росла (с 16,5 % в 1992 г. до 29,3 % в 2018 г.), но все эти годы оказывалась меньше соответствующей доли женщин (18,9 и 38,1 %). Причем гендерный разрыв значений этих показателей постоянно увеличивался (в 1992 г. — 2,4 п. п., в 2018 г. — 8,8 п. п.). Сегодня и у женщин, и у мужчин доля имеющих этот уровень образования является самой значительной в образовательных структурах их рабочей силы.

Иная картина наблюдается с гендерными различиями долей экономически активного населения, имеющего среднее профессиональное образование. И у женщин, и у мужчин сложилась тенденция к сокращению числа тех, кто имеет этот уровень профессионального образования (за 1992—2018 гг. у женщин с 37,0 до 29,2 %, у мужчин — с 26,3 до 21,6 %). При этом доля мужчин, обладающих средним профессиональным образованием, всегда была существенно меньше соответствующей доли у женщин. В последнее время можно наблюдать некоторое сокращение гендерного разрыва показателя (если еще в 2010 г. он составлял 10,1 п. п., то в 2018 г. — 7,6 п. п.). Сегодня доля женщин, имеющих среднее профессиональное образование, уступает только доле имеющих высшее образование. У мужчин она на 3-м месте (после имеющих высшее и начальное профессиональное образование).

Удельные веса женщин и мужчин, имеющих начальное профессиональное образование, в структуре их рабочей силы демонстрируют относительную стабильность во времени. Соответственно почти неизменным остается практически двукратное превышение доли мужчин над соответствующей долей женщин (в 2018 г. — 24,2 и 14,4 % соответственно).

Что касается доли экономически активного населения, не имеющего профессионального образования, то она стремительно сокращается как у тех, так и у других. Но при этом доли мужчин, имеющих образование в пределах средней (полной), основной и начальной школы, неизменно оказываются значительно выше соответствующих долей женщин. Следует отметить, что в настоящее время рабочая сила, имеющая образование в пределах основного общего образования, на рынке труда уже стала экзотикой и представлена преимущественно самыми молодыми участниками рынка труда или гражданами с ограниченными возможностями здоровья.

Таким образом, весь период наблюдения среди экономически активных женщин сохраняется большая по сравнению с мужчинами доля тех, кто имеет высокие уровни образования, что, в свою очередь, обуславливает низкие риски попадания в ситуацию безработицы для таких женщин. Так, в 1992 г. 56 %, а в 2018 г. 67 % экономически активных женщин страны имели высшее или среднее профессиональное образование, у мужчин — 44 и 51 %.

И наоборот, весь период наблюдения среди экономически активных женщин сохраняется меньшая по сравнению с мужчинами доля тех, кто не имеют даже полного среднего образования, а следовательно, имеют повышенные риски оказаться безработными. В 1992 г. только 14 %, а в 2018 г. 3 % экономически

активных женщин страны имели наименьшие из рассматриваемых уровни образования (в пределах основного общего), у мужчин — 21 и 5 %.

Такая асимметрия образовательных структур экономически активных женщин и мужчин при всех прочих равных условиях предполагает более низкие риски потери работы у всей совокупности работающих женщин, нежели у всей совокупности работающих мужчин.

Каким бы был гендерный разрыв в уровне безработицы, если бы мужчины и женщины имели одинаковый уровень образования

Таким образом, можно предположить, что наблюдаемый гендерный разрыв в уровнях общей безработицы мужчин и женщин обусловлен в том числе имеющимися различиями в их образовательной структуре. Для проверки этой гипотезы проведем моделирование, которое позволит оценить гендерные различия уровней общей безработицы при условии, что образовательные структуры у экономически активных мужчин и женщин идентичны. С этой целью зафиксируем уровень безработицы мужчин $U_m(y)$ и их образовательную структуру на прежнем уровне, а также рассчитаем гипотетический уровень безработицы женщин $U_w^*(y)$ в году y по формуле

$$U_w^*(y) = \sum_{e=1}^6 U_w^e(y) \cdot \frac{N_m^e(y)}{N_m(y)}, y = 1992, \dots, 2019,$$

где $U_w^e(y)$ — реальный уровень безработицы женщин с уровнем образования e ;
 $N_m(y)$ — численность рабочей силы мужского пола в году y ;
 $N_m^e(y)$ — численность рабочей силы мужского пола с уровнем образования e в году y .

Следовательно, гипотетический уровень безработицы женщин в году y рассчитывается как уровень безработицы женщин $U_w^e(y)$ с уровнем образования e , средневзвешенный по образовательной структуре численности рабочей силы мужчин. При этом реальный $\delta(y)$ и гипотетический $\delta^*(y)$ гендерный разрыв в году y рассчитывается по формулам

$$\delta(y) = U_m(y) - U_w(y)$$

и

$$\delta^*(y) = U_m(y) - U_w^*(y).$$

Результаты расчета представлены на рис. 3, а средние значения реального $\bar{\delta}$ и гипотетического $\bar{\delta}^*$ гендерного разрыва равны 0,593 и -0,048 соответственно. Визуальный анализ графиков, представленных на рис. 3, показывает, что $\delta^*(y) \approx 0$, что не противоречит ранее сделанному предположению, согласно которому гендерный разрыв в уровне общей безработицы в значительной мере объясняется различиями в структуре по образованию мужчин и женщин. Формальная проверка нулевой гипотезы $H_0: \bar{\delta}^* = 0$ при конкурирующей гипотезе $H_1: \bar{\delta}^* \neq 0$ и уровне значимости $\alpha = 0,05$ подтверждает этот вывод. Так, статистика критерия $T = \bar{\delta} \cdot \sqrt{n} \cdot s^{-1} = -0,748$, квантиль распределения Стьюдента $t_{\alpha/2, n-1} = 2,056$, т. е. $|T| < t_{\alpha/2, n-1}$ и, следовательно, H_0 принимается.

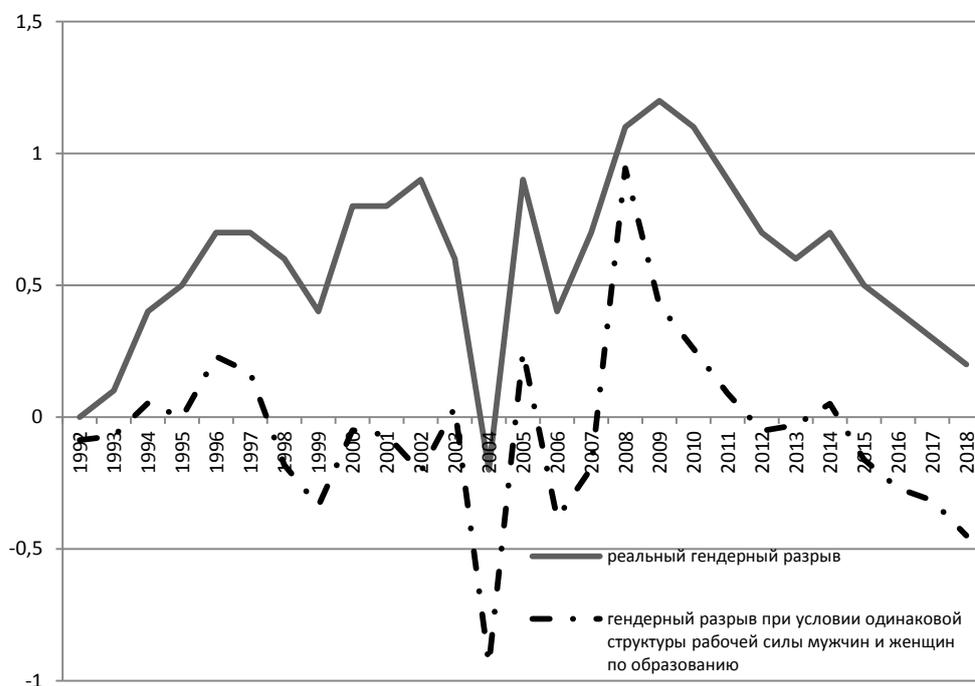

Рис. 3. Динамика реального и гипотетического гендерного разрыва в уровне общей безработицы

Таким образом, проведенные расчеты позволяют сделать статистически значимый вывод о том, что огромное преимущество российских экономически активных женщин в образовании является одним из важных факторов формирования стабильного превышения уровня общей безработицы мужчин над уровнем общей безработицы женщин. Причем в ближайшем будущем ситуация не изменится, поскольку девушки составляли и продолжают составлять большинство среди студентов учреждений высшего и среднего профессионального образования и, следовательно, гендерная асимметрия образовательных структур экономически активного населения будет сохраняться.

Заключение

Анализ данных обследования населения по проблемам занятости за 1992—2019 гг. показал, что уровень общей безработицы мужчин был больше соответствующего показателя женщин в течение практически всего постсоветского развития страны. На соотношение показателей не влияли ни состояние национальной экономики, ни уровень экономической активности мужчин и женщин, ни масштабы дискриминационных практик в отношении женщин на рынке труда.

Подтвердилась гипотеза исследования, что образование является одним из важных факторов формирования гендерной асимметрии уровня общей безработицы, благоприятной для женщин. Расчеты показали, что в целом на современном российском рынке труда образование оказывало на безработицу значимое

влияние. Высшее образование снижало риски потери работы в среднем на 48 %, среднее профессиональное — на 21 %, в то время как начальное профессиональное образование увеличивало эти риски на 7 %, полное общее — на 41 %, основное общее — на 88 %. При этом более высокий уровень образования у женщин и мужчин синхронно сокращал риски попадания в ситуацию безработицы, а низкий уровень образования практически одинаково их увеличивал. То есть при равном образовании женщин и мужчин не создавалось однозначных преимуществ в сохранении рабочего места ни у тех, ни у других.

Ключевую роль в формировании гендерных различий уровня общей безработицы, благоприятных для женщин, играет в целом их более высокий уровень образования. Весь период наблюдения среди экономически активных женщин сохраняется большая по сравнению с мужчинами доля тех, кто имеет высокие уровни образования (сегодня 67 % экономически активных женщин страны имеют высшее или среднее профессиональное образование, мужчин — 51 %), что, в свою очередь, обуславливает низкие риски попадания в ситуацию безработицы. И наоборот, среди экономически активных женщин сохраняется меньшая по сравнению с мужчинами доля тех, кто не имеет даже полного среднего образования, а следовательно, имеет повышенные риски остаться за пределами сферы занятости.

Тревогу вызывает тот факт, что сложившаяся ситуация маскирует существование дискриминации в отношении женщин на российском рынке труда, создавая иллюзию гендерной нейтральности имеющихся трудовых отношений. И это может стать тормозом для дальнейшего проведения государственной политики по ликвидации этих проблем.

Библиографический список

- Бабкова Е. М.* Социально-профессиональная активность женщин и их отношение к безработице // *Via scientiarum = Дорога знаний*. 2016. № 3. С. 13—16.
- Баскакова М. Е., Баллаева Е. А., Елизаров В. В. и др.* Экономическая активность женщин в странах АТЭС и в России: масштабы, препятствия, резервы развития. М.: Моск. соц.-экон. ин-т, 2013. 144 с.
- Баскакова М., Соболева И., Чубарова Т.* Социально-экономическая защищенность женщин в сфере труда // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2018. № 2. С. 85—100.
- Ермишкина О. М.* Женская безработица: проблемы и последствия // *Актуальные вопросы экономики и финансов*. 2019. № 1. С. 116—119.
- Женское большинство диктует свои правила на рынке труда Москвы в финансовой аналитике и экономике. Юриспруденция — на очереди // *SuperJob*. 2020. 25 ноября. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112550/zhenskoe-bolshinstvo-diktuet-svoi-pravila-na-rynke-truda-moskvy-v-finansovoj-analitike-i-ekonomike/> (дата обращения: 24.05.2021).
- Женщины в СССР, 1989: статистические материалы. М.: Финансы и статистика, 1989.
- Йонушкайте И. Й.* Динамика безработицы в годы реформ: гендерный аспект // *Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики* / ред. М. Е. Баскакова. М.: УРСС, 2004. С. 91—129.

- Капелюшников Р. И., Вишневецкая Н. Т.* Феномен российской безработицы: динамика, структура, специфика. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2003. 191 с.
- Кошарная Г. Б., Тарханова Е. С., Данилова Е. А.* Особенности женской безработицы в современном российском обществе // *Власть*. 2019. Т. 27, № 4. С. 187—195.
- Кузьмина Р. А.* Женская безработица и проблемы ее регулирования в арктических периферийных муниципальных поселениях // *Евразийский союз ученых*. 2016. № 28-3. С. 10—12.
- Обзор занятости в России. М.: ТЕИС, 2002. Вып. 1: 1992—2000 гг. 351 с.
- Работодатели стали реже обращать внимание на семейное положение соискателей, но гендерные предпочтения остались // *SuperJob*. 2019. 1 марта. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112173/rabotodateli-stali-rezhe-obraschat-vnimanie-na-semejnoe-polozhenie-soiskatelej/> (дата обращения: 24.05.2021).
- Роцин С. Ю., Зубаревич Н. В., Айвазова С. Г.* Гендерное неравенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте Целей развития тысячелетия. М.: ИНФОРЕС-ПРИНТ, 2005. 55 с.
- Хертек Ш. В.* Женская занятость и безработица в Республике Тыва // *Sciences of Europe*. 2016. № 9-1. С. 62—65.
- Хоткина З. А.* Гендерный подход к анализу труда и занятости // *Гендерный калейдоскоп*. М.: Academia, 2002. С. 353—378.
- Четвернина Т. Я., Соболева И. В.* Оценка конкурентоспособности женщин на российском рынке труда // *Вопросы социально-экономической политики России в гендерном аспекте*. М.: Юнеско, 2000. С. 43—55.
- Штейнер А. В., Багров А. А., Бонн Э. И.* Использование женского труда в народном хозяйстве. М.: НИИ труда, 1976. 189 с.
- Элдер С., Баркуччи В., Гурбузер Й., Перардель И., Принчипи М.* Переход на рынок труда молодых женщин и мужчин в странах Восточной Европы и Центральной Азии. Женева: Междунар. бюро труда, 2015. 104 с.
- Azmat G., Guell M., Manning A.* Gender gaps in unemployment rates in OECD countries // *Journal of Labor Economics*. 2006. Vol. 2, № 1. P. 1—37.
- Bičáková A.* Gender unemployment gaps: evidence from the New EU member states // *CERGE-EI Working Paper Series*. 2010. Vol. 20, № 2. P. 41—97.
- Bičáková A.* Gender unemployment gaps in the EU: blame the family // *IZA Journal of European Labor Studies*. 2016. Vol. 5, № 22. P. 5—22.
- García A.* Gender differences in unemployment dynamics and initial wages over the business cycle // *Journal of Labor Research*. 2017. Vol. 38. P. 228—260.
- Gender and Youth Employment in the Commonwealth of Independent States: Trends and Key Challenges / The Decent Work Technical Support Team and the ILO Office for Eastern Europe and Central Asia. ILO, 2017. 258 p.
- Global Employment Trends for Women. ILO, 2007; 2008; 2009; 2012. URL: <http://ILO.org> (дата обращения: 24.05.2021).
- Mincer J.* Education and Unemployment of Women / NBER. 1991. September. Working Paper № w3837. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=245840 (дата обращения: 24.05.2021).
- United Nations Statistical Yearbook. United Nations, 2020. Iss. 63. 501 p.
- Wasim Q., Syed A., Arshian Sh.* Higher education development and unemployment in Pakistan: evidence from structural break testing // *Global Business Review*. 2017. Vol. 18, № 5. P. 1—22.
- World Employment and Social Outlook: Trends for Women (2017, 2018). ILO, 2017; 2018. URL: <http://ILO.org> (дата обращения: 24.05.2021).

References

- Azmat, G., Guell, M., Manning, A. (2006) Gender gaps in unemployment rates in OECD countries, *Journal of Labor Economics*, vol. 2, no. 1, pp. 1—37.
- Babkova, E. M. (2016) Sotsial'no-professional'naia aktivnost' zhenshchin i ikh otnoshenie k bezrobotitse [Social and professional activity of women and their attitude to unemployment], *Via scientiarum = Doroga znaniĭ*, no. 3, pp. 13—16.
- Baskakova, M., Soboleva, I., Chubarova, T. (2018) Sotsial'no-ekonomicheskaiia zashchishchĕnnost' zhenshchin v sfere truda [Socio-economic protection of women on the labour market], *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiĭskoĭ akademii nauk*, no. 2, pp. 85—100.
- Baskakova, M. E., Ballaeva, E. A., Elizarov, V. V. et al. (2013) *Ėkonomicheskaiia aktivnost' zhenshchin v stranakh ATĖS i v Rossii: masshtaby, prepiatstviia, rezervy razvitiia* [Economic activity of women in APEC countries and in Russia: scales, obstacles, development reserves], Moscow: Moskovskĭi sotsial'no-ekonomicheskĭi institut.
- Bićakov, A. (2010) Gender unemployment gaps: Evidence from the new EU member states, *CERGE-EI Working Paper Series*, 2010, vol. 20, no. 2, pp. 41—97.
- Bićakov, A. (2016) Gender unemployment gaps in the EU: blame the family, *IZA Journal of European Labor Studies*, vol. 5, no. 22, pp. 5—22.
- Chetvernina, T. Ia., Soboleva, I. V. (2000) Otsenka konkurentosposobnosti zhenshchin na rossiĭskom rynke truda [Assessment of the competitiveness of women in the Russian labour market], in: *Voprosy sotsial'no-ekonomicheskoi politiki Rossii v gendernom aspekte*, Moscow: UNESCO, pp. 43—55.
- Ėlder, S., Barcuchi, V., Gurbuzer, Y., Perardel', I., Princhipi, M. (2015) *Perekhod na rynek truda molodykh zhenshchin i muzhchin v stranakh Vostochnoi Evropy i Tsentral'noi Azii* [Labour market transitions of young women and men in Eastern Europe and Central Asia], Zheneva: Mezhdunarodnoe biuro truda.
- Ermishkina, O. (2019) Zhenskaia bezrobotitsa: problemy i posledstviia [Women's unemployment: problems and consequences], in: *Aktual'nye voprosy ekonomiki i finansov*, no 1, pp. 116—119.
- Garca, A. (2017) Gender differences in unemployment dynamics and initial wages over the business cycle, *Journal of Labor Research*, vol. 38, pp. 228—260.
- Gender and Youth Employment in the Commonwealth of Independent States: Trends and Key Challenges* (2017), ILO.
- Global Employment Trends for Women* (2007, 2008, 2009, 2012), ILO, available from <http://ILO.org> (accessed 24.05.2021).
- Kapeliushnikov, R. I., Vishnevskaiia, N. T. (2003) *Fenomen rossiĭskoĭ bezrobotitsy: dinamika, struktura, spetsifika* [The phenomenon of Russian unemployment: dynamics, structure, specificity], Moscow: Moskovskĭi obshchestvennyĭ nauchnyĭ fond.
- Khertek, Sh. V. (2016) Zhenskaia zaniatost' i bezrobotitsa v Respublike Tyva [Women's employment and unemployment in the Tyva Republic], *Sciences of Europe*, no. 9-1, pp. 62—65.
- Khotkina, Z. (2002) Gendernyĭ podkhod k analizu truda i zaniatosti [Gender approach to the analysis of labour and employment], in: *Gendernyĭ kaleidoskop*, Moscow: Academia, pp. 353—378.
- Kosharnaia, G. B., Tarkhanova, E. S., Danilova, E. A. (2019) Osobennosti zhenskoĭ bezrobotitsy v sovremennom rossiĭskom obshchestve [Features of female unemployment in modern Russian society], *Vlast'*, vol. 27, no. 4, pp. 187—195.
- Kuz'mina, R. A. (2016) Zhenskaia bezrobotitsa i problemy eĖ regulirovaniia v arkticheskikh periferiĭnykh munitsipal'nykh poseleniiakh [Female unemployment and problems of its

- regulation in the Arctic peripheral municipal settlements], *Evraziiskii soiuz uchënykh*, no. 28-3, pp. 10—12.
- Mincer, J. (1991) *Education and Unemployment of Women*, NBER, Working Paper no. w3837, available from https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=245840 (accessed 24.05.2021).
- Obzor zaniatosti v Rossii* (2002) [An overview of employment in Russia], vol. 1: 1992—2000, Moscow: TEIS.
- Rabotodateli stali rezhe obrashchat' vnimanie na semeinoe polozhenie soiskatelei, no gendernye predpochteniia ostalis' (2019) [Employers pay less attention at the marital status of the applicants but gender preferences still remain], *SuperJob*, March, 1, available from <https://www.superjob.ru/research/articles/112173/rabotodateli-stali-rezhe-obraschat-vnimanie-na-semejnoe-polozhenie-soiskatelej/> (accessed 24.05.2021).
- Roshchin, S. Iu., Zubarevich, N. V., Aivazova, S. G. (2005) *Gendernoe neravenstvo i rasshirenie prav i vozmozhnostei zhenshchin v Rossii v kontekste Tselei razvitiia tysiacheletia* [Gender inequality and the empowerment of women in Russia in the context of the Millennium Development Goals], Moscow: INFORES-PRINT.
- Shteiner, A. V., Bagrov, A. A., Bonn, È. I. (1976) *Ispol'zovanie zhenskogo truda v narodnom khoziaistve* [Women's work in the national economy], Moscow: Nauchno-issledovatel'skii institut truda.
- United Nations Statistical Yearbook* (2020), iss. 63, United Nations.
- Wasim, Q., Syed, A., Arshian, Sh. (2017) Higher education development and unemployment in Pakistan: evidence from structural break testing, *Global Business Review*, vol. 18, no. 5, pp. 1—22.
- World Employment and Social Outlook: Trends for Women* (2017, 2018), ILO.
- Ionushkaite, I. I. (2004) Dinamika bezrobotitsy v gody reform: gendernyi aspekt [Dynamics of unemployment in the years of reforms: gender aspect], in: *Gendernoe neravenstvo v sovremennoi Rossii skvoz' prizmu statistiki*, Moscow: URSS.
- Zhenshchiny v SSSR, 1989: Statisticheskie materialy* (1989) [Women in the USSR, 1989: Statistical materials], Moscow: Finansy i statistika.
- Zhenskoe bol'shinstvo diktuet svoi pravila na rynke truda Moskvy v finansovoï analitike i ekonomike. Iurisprudentsiia — na ocheredi (2020) [The female majority dictates its own rules in the Moscow labour market in financial analytics and economics. Law — next in line], *SuperJob*, November, 25, available from <https://www.superjob.ru/research/articles/112550/zhenskoe-bolshinstvo-diktuet-svoi-pravila-na-rynke-truda-moskvy-v-finansovoj-analitike-i-ekonomike/> (accessed 24.05.2021).

Статья поступила 25.05.2021 г.

Информация об авторе / Information about the author

Баскакова Марина Евгеньевна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН; Всероссийская академия внешней торговли, г. Москва, Россия, baskakovame@mail.ru (Dr. Sc. (Economy), Leading Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. No. 3. P. 71—84
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.6

Женщина в российском обществе
2021. № 3. С. 71—84
ББК 60.561.9
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.6

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: АКАДЕМИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО КАК СПОСОБ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ

К. В. Воденко, А. К. Дегтярев

Южно-Российский государственный политехнический университет
(Новочеркасский политехнический институт — НПИ) им. М. И. Платова,
г. Новочеркасск, Ростовская область, Россия, vodenkok@mail.ru

Основная цель статьи — исследование гендерных стереотипов в сфере российского высшего образования, где в контексте актуализируемых мер по модернизации на организационно-кадровом, функциональном, социально-мотивационном уровнях гендерные стереотипы как осознание половых различий в качестве социально и профессионально обусловленных содержат реальные и потенциальные риски дисфункции и стагнации высшего образования. Отмечается, что сформировался новый гендерный порядок, направленный на достижение гендерных пропорций, не устраняющих эффект «стеклянного потолка» в гендерных отношениях. Авторы приходят к выводу, что в российском высшем образовании, несмотря на определенные позитивные сдвиги в гендерных отношениях, новый гендерный порядок, являясь шагом вперед по сравнению с предшествующим советским периодом, когда равноправие мужчины и женщины имело последствием закрепление гендерных диспропорций, не содержит тренда фундаментальных перемен через коренную ревизию сложившихся гендерных стереотипов.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, гендерный порядок, высшее образование, академическое лидерство, социальные риски.

© Воденко К. В., Дегтярев А. К., 2021

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для государственной помощи ведущим научным школам РФ (НШ-2582.2020.6) в рамках научного проекта «Государственная политика в сфере высшего образования и развитие инновационного потенциала молодежи: экономические и неэкономические детерминанты и механизмы в условиях регионализации социального пространства и становления индустрии 4.0».

GENDER STEREOTYPES IN HIGHER EDUCATION: ACADEMIC LEADERSHIP AS A WAY TO NEUTRALIZE SOCIAL RISKS

K. V. Vodenko, A. K. Degtyarev

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI),
Novocherkassk, Rostov Region, Russian Federation, vodenkok@mail.ru

The main purpose of this article is to study gender stereotypes in the field of Russian higher education, where, in the context of updated modernization measures at the organizational, personnel, functional, and socio-motivational levels, gender stereotypes as awareness of gender differences being socially and professionally determined contain real and potential risks of dysfunction and stagnation of higher education. The authors of the article in the formulation of the problem note that a new gender order has been formed, aimed at achieving gender proportions, but not eliminating the “glass ceiling” effect in gender relations. As the results of sociological studies show, even in the current situation, the personnel “bias”, the dominance of men in the management of higher education, the leadership of research groups and the maintenance of the image of a “wise mentor” in relations with young people, compared with women-actors of higher education, who are given the opportunity to realize cognitive resources, but the bar of low career expectations is stated. As a result, the authors of the article come to the conclusion that in Russian higher education, despite certain positive changes in gender relations, the new gender order, being a step forward compared to the previous Soviet period, where the equality of men and women was a consequence of the consolidation of gender disparities, does not contain a trend of fundamental changes through a radical revision of existing gender stereotypes. Thus, we can say that Russian higher education is influenced by gender stereotypes as barriers to improving the efficiency of the educational system, moving along the trajectory of academic leadership, for which the priority is to create equal conditions for academic mobility and academic career for higher education actors, regardless of gender stereotypes.

Key words: gender stereotypes, gender order, higher education, academic leadership, social risks.

Постановка проблемы

В российском обществе в контексте произошедших социальных трансформаций не только стали результатом социоструктурные и институциональные изменения, но и сформировался новый гендерный порядок. Исследуя возникшую социальную реальность, следует в первую очередь подчеркнуть, что мы являемся свидетелями сдвигов на социальных макро- и микроуровнях. Это выражается в том, что сформировались новые гендерные пропорции в политико-правовой и административной сферах, но главное — наполнились новым содержанием и обрели новый социальный облик гендерные стереотипы, алгоритмы социальной повседневности, определяющие гендерное взаимодействие в российском обществе.

Социальная реальность состоит в том, что, несмотря на попытки российских традиционалистов настаивать на домашнем и семейном статусах женщины,

доказывать, что истинное призвание российской женщины заключается в защите семейного очага, воспитании детей и оберегании общественных добродетелей, общественное сознание прошло точку невозврата к модели патриархата. Российское общество с большой натяжкой можно было бы назвать традиционным. Однако для большинства россиян семейные ценности в повседневности действительно являются базовыми. При этом имеются проявления декларативности, отрыва от реальной жизненной стратегии и не менее важные изменения модели семьи, переход к семье современного нуклеарного типа, трудности в формировании партнерских отношений и взаимответственности.

Гендерные стереотипы в российском обществе характеризуются гибридной, противоречивостью разнонаправленных жизненных стилей, включающих ультрафеминистскую версию на крайнем фланге и гендерный радикализм в форме пережитков «мужского шовинизма». Однако модальностью гендерных стереотипов можно считать ориентированность большинства населения в гендерных отношениях на принципы прагматизма, взаимообусловленности ролей и комплексов поведения. Это выражается в том, что одобряемые гендерные стереотипы, которые формируются под влиянием фоновых (средовых) обстоятельств и воздействия СМИ и в настоящее время виртуальной сети, имеют расходящиеся векторы в зависимости от семейного, культурного и социального капитала, но определяются спецификой гендерных отношений в российском обществе.

В общем виде можно обозначить эту специфику как переход от индустриальной модели предшествующего периода, где при феномене «советская женщина» проявлялись гендерные диспропорции в виде двойственной семейной и трудовой нагрузки женщины, к модели «самоутверждение и завоевание новых высот». Действительно, в российском обществе проявляется эффект «стеклянного потолка», достаточно подробно исследованный за рубежом, но было бы неверно утверждать, что в гендерных отношениях не наблюдается никаких изменений.

В соответствии с позицией Ж. Т. Тощенко, российское общество парадоксально, характеризуется разрывами между реальными поведенческими практиками и провозглашаемыми социальными приоритетами [Тощенко, 2020]. В этом смысле гендерные стереотипы испытывают влияние когнитивного диссонанса в социальном взаимодействии. С одной стороны, не оспаривается необходимость гендерного равенства и признается негативизм социальной субординации, с другой — в социальной повседневности до сих пор привлекательным и предпочитаемым является «несправедливый» гендерный выбор. Это в концентрированном виде проверяется в сфере высшего образования, где гендерные отношения перестали быть функцией одного пола, где на среднем и низовом уровне практически доминируют женщины, но вместе с тем сфера высшего образования отстает от бизнеса и общественных структур по показателям социальной и карьерной самореализации женщин. Также нельзя обойти вниманием и воспроизводство дискриминационных практик в функциональных отношениях, диспропорции распределения социально-профессиональных ролей. До сих пор не преодолены последствия эпохи «лаборантов и младших научных сотрудников». Несмотря на то что высшее образование становится сферой научно-исследовательской деятельности, работает в ассоциации с академическими структурами, за исключением социогуманитарной и экономической сфер научно-исследовательской

деятельности нельзя говорить о значимом прогрессе в достижении гендерного равенства и приоритета.

Академическое лидерство, эффект изменения структурно-организационных и субъектно-деятельностных факторов в академическом пространстве выражается в переходе от традиций фундаментализма к модели прагматики, направленности на формирование инновационных знаний, закрепляющих традицию фундаментальности на новой основе, включающей использование новых информационных и коммуникативных технологий, цифровизацию экономики и дигитализацию высшего образования [Воденко и др., 2020]. Для мониторинга и диагностики происходящих изменений, связанных не только с обретением новых научных достижений, но с рукотворными и социальными рисками, возникает необходимость в системном анализе гендерных стереотипов в сфере высшего образования, так как при закреплении на уровне диспропорций социально-профессиональных ролей и поддержании установки на неравенство в форме мужского приоритета последствием является не столько необходимость формального достижения гендерного приоритета, сколько актуальность поиска новых стимулов для развития академического лидерства.

Учитывая тот факт, что в региональном пространстве, по сравнению с мегаполисами, сосредоточен высокий потенциал гендерных отношений, что выражается в социоресурсности женщин, занятых в сфере высшего образования, и невостребованности, неактуализированности социальных и профессиональных способностей и талантов, возникает необходимость проанализировать роль гендерных стереотипов в становлении нового типа академического лидерства и связанных с ним социальных рисков.

Теоретические основания

Г. Г. Силласте, анализируя особенности российского гендерного ландшафта, отмечает, что деформация отношений между гендерными общностями, социальными институтами влияет на формирование нового гендерного порядка [Силласте, 2019: 5]. Соглашаясь с тем, что речь идет о различиях между традиционным и посттрадиционным обществами, противоречиями между новыми гендерными нормами и правилами и тем, что воспринимается как привычки в традициях гендерных отношений, мы полагаем, что в гендерных стереотипах сконцентрированно отражается совокупность последствий парадоксов нового социального порядка.

Во-первых, в российском обществе, испытывавшем влияние детрадиционализации предшествующего периода, мобильной модернизации, разрушившей домашний статус женщины, повлекшей ее функциональные отношения на производстве и сузившей сферу семейного влияния и традиционных семейных ценностей, в современной ситуации гендерные стереотипы характеризуют сохранение и воспроизводство гендерной диспропорции на субъективном уровне, восприятие как предпочтительного субдоминантного статуса женщины, за исключением бюджетных сфер социальной жизни.

Во-вторых, гендерные стереотипы, актуализированные в социальной повседневности, влияют на гендерный дискурс в общественно-политическом пространстве как неосознанные, неотрелексированные установки. Имеется в виду,

что вне зависимости от идеологических предпочтений в спорах либералов и патриотов неявным и явным образом обозначается стратегия «снисхождения к женщинам», когда мужчине отводится роль арбитра в разрешении гендерных конфликтов. Обратной стороной является то, что гендерная проблематика навязывается зависимостью от гендерного статуса наподобие того, как в советский период сфера межнациональных отношений закреплялась за представителями «народов СССР».

В-третьих, на социальном микроуровне, где проявляется преобладание женщин во всех сферах жизни (имеется в виду социально-демографический эффект), гендерные стереотипы объективно усиливают конкуренцию в гендерных отношениях; возникают проблемы, связанные с «дискриминацией мужчин», с тем, что можно характеризовать как реальный или воображаемый эффект ограничений по гендерному признаку при трудоустройстве, построении карьеры, установлении планки доходов.

Таким образом, социальной реальностью становится парадокс гендерных отношений, разрыв между действующими гендерными стереотипами и сдвигами в сфере социальной повседневности. Для реализации поставленной цели исследования требуется определить воздействие гендерных стереотипов, воспроизводимых в сфере повседневности, на академическое лидерство в сфере высшего образования, проанализировать то, что можно охарактеризовать как пограничную зону общественного дискурса в сфере гендерных отношений и образов гендера, привычек и правил, обуславливающих готовность к изменению гендерных отношений, связанных с переменной роли и статуса женщины.

Это важно в связи с тем, что существует определенный разрыв между исследованием гендерных отношений на социальном макроуровне, где накоплен значимый исследовательский материал и описаны эффекты и последствия гендерного равенства и гендерной дискриминации, и на социальном микроуровне, где исследования социальных настроений и социального самочувствия слабо отражают гендерную специфику, нацелены на определение гендерных стереотипов как исторически сложившихся представлений и установок в сфере гендерных отношений, но не учитывают, что в современном российском обществе гендерные стереотипы конструируются в контексте придания им замещающей и компенсаторной функций в изменившихся гендерных пропорциях.

Можно говорить о том, что гендерные стереотипы играют двусмысленную роль в отношении женщин в сфере высшего образования. С одной стороны, они внешне обеспечивают доступ к профессиональной деятельности, что является наследием предшествующего периода, провозгласившего равноправие женщин и мужчин как советских тружеников. С другой — определяют нацеленность на массовые профессии, лимитируя надежды и ожидания, связанные с научно-исследовательской деятельностью. Иными словами, формируется алгоритм профессиональной деятельности женщины, основанный на ее участии в качестве «младшего партнера». Последствиями являются упрощенность процедур профессионализации на нижнем и среднем уровнях профессиональной деятельности и латентные механизмы нейтрализации готовности к академической деятельности, определяемой фундаментальными научными разработками.

Нельзя с точностью утверждать, что наблюдается институционализация дискриминационных практик, в которых доминируют неформальные связи и схемы, когда «по сговору или умолчанию» преграждается путь для профессионального роста с академическими амбициями, но можно говорить о уязвимости позиции женщины, вознамерившейся стать полноправным членом академического сообщества.

В этом контексте требуется актуализация двух концептуальных условий. Первое связано с обоснованием теоретических принципов исследования гендерных стереотипов в сфере высшего образования, с тем чтобы определить их значение и роль в поддержании гендерного диспаритета. Второе связано с развитием научного исследования в направлении прогностики академического лидерства с учетом социальных рисков как последствия действия гендерных стереотипов. Поэтому теоретические основания исследования включают принципы субъектно-деятельностного подхода с использованием положений социально-диспозиционной теории и возможностей многофакторного анализа.

Результаты исследования

По итогам международной библиометрической информации, согласно данным 2018—2019 гг., был выявлен эффект гендерного дисбаланса, который выражается в том, что в международной академической мобильности участвуют 3030 российских ученых, но среди них только 439 женщин (14 % российских ученых, работающих за рубежом) [Малахов, 2019: 93]. Можно сделать вывод о том, что имеет место дискриминационный эффект, который объясняется рядом факторов. Гендерному дисбалансу способствует разрыв в академической репутации женщин и мужчин, представляющих российскую науку за рубежом. Кроме того, у женщин невысока степень международной академической мобильности, готовности к переезду в другую страну и освоению новой профессиональной социализации на международном уровне.

Гендерный дисбаланс на международном уровне соотносится с внутренними российскими показателями академической мобильности женщин, где разрыв сократился по сравнению с предшествующим периодом. Необходимо также отметить, что актуализированные гендерные стереотипы в сфере высшего образования способствуют формированию позиции субъективной оценки шансов, при которой академическая деятельность не является предпочитаемой с точки зрения оплачиваемости и признания.

Необходимо подчеркнуть, что академическая мобильность женщин и на внутреннем, и на международном уровне определяется «парадоксом» академической деятельности, разрывом между идеалами — ценностями поиска научной истинности, удовлетворением когнитивных интересов — и карьерно-профессиональными реалиями, что находит отражение в усилении влияния гендерных стереотипов «предопределенности» позиции женщины в академическом пространстве [Титова, 2014].

Не менее влиятельным фактором является укорененность стереотипа «планки достижения женщины», а в нынешнем контексте — и воздействие эффекта «борьбы с дискриминацией», в котором выражается избыточность «квотирования» и «администрирования», реально вызывающего отток женщин

из воспринимаемых на уровне гендерных стереотипов «мужских секторов» академической деятельности. Другими словами, закрепляются позиции разделения гендерных ролей, что в условиях спада академической активности в российском научном сообществе приводит к формальному закреплению за женщинами сфер, не требующих масштабного финансового и материального обеспечения, создающих эффект присутствия женщин в академической жизни, но при этом ограничивающих возможности в создании модели академического лидерства в сфере высшего образования.

Развивая это положение, можно говорить о том, что фактически женщины — акторы высшего образования — вынуждены исходить из «действующих» обстоятельств, не работая на академическую перспективу, что является барьером на пути развития академического лидерства в сфере высшего образования, которое обозначено как цель в рамках усиления инновационного потенциала высшей школы, но не имеет социально-практического влияния на повышение авторитета академического лидерства в рамках высшего образования. Действительно, сфера высшего образования ориентируется на конъюнктурные, хотя и оправданные в нынешней ситуации цели, достижение финансовой автономности как паритета между вузом и государством, укрепление связей в экономической сфере с заинтересованными бизнес-структурами для профессиональной карьеры выпускников, выполнение коммерческих заказов на решение прикладных задач.

Учитывая этот факт, можно сделать вывод о том, что ориентация на повышение участия женщины в академическом лидерстве содержит риски формализации, связанные с воспроизводством гендерного дисбаланса, определяемого логикой распределения финансовых ресурсов в гендерных отношениях по критерию окупаемости и доходности. Женщинам отводится роль «первопроходцев» с гарантированной низкой оплатой, в условиях неясности стратегических целей академического лидерства в высшем образовании, не содержащих перспектив академической мобильности.

Стоит оговориться, что приведенное выше суждение касается опосредованного влияния гендерных стереотипов при актуализированности ограничивающих академическую мобильность женщины в сфере высшего образования фоновых факторов. Но, как отмечалось ранее, для нас важно выявление внутренней природы гендерных стереотипов, их включение в социальные установки и деятельностные мотивации женщин в высшем образовании в контексте академического лидерства. Так как действуют асимметричные социальные обстоятельства, содержащие низкий уровень привлекательности академического лидерства как модели занятости и самореализации женщины в сфере высшего образования, стереотип «достаточной позиции», выражающийся в ориентированности на социально-стереотипную установку «действовать как остальные», содержит риск неподготовленности стартовой площадки для академического лидерства высшего образования [Лукинская, Чупина, 2012].

Речь идет о том, что для становления и развития академического лидерства требуется не только минимальная научно-техническая и организационная структура, определенный исследовательский задел в наиболее ожидаемом направлении академического лидерства, но и формирование групп академической активности, неформальных сообществ, акторов высшей школы, нацеленных

на формирование контуров действия в рамках академического лидерства как основного механизма модернизационного развития высшей школы в среднесрочном и долгосрочном измерениях.

Конечно, следует принимать во внимание региональную дифференциацию стартовых условий для академического лидерства в сфере высшего образования. Территориальное «соседство» вузов и академических структур, практика долгосрочных и регулярных связей в реализации академических проектов, традиции участия женщин в научно-исследовательской деятельности, адекватная политика по формированию кадрового ресурса создают или не создают доступ женщин к участию в реализации академического лидерства.

Исходя из принятых теоретических оснований исследования необходимо отметить, что признание объективных факторов требует определения воздействия субъектности женщин в рамках существующих гендерных стереотипов. Как отмечалось выше, гендерные стереотипы имеют социально-рискогенное воздействие на сферу высшего образования, так как лимитируют поведенческие практики женщин, закрепляют за ними «неконкурентные позиции», ослабляющие интерес к академическому лидерству. Можно ли в этом контексте говорить о гендерных стереотипах как парадоксальным образом социально обусловленных правах женщины в академическом лидерстве [Хеффе, 2007: 114].

Вероятно, гендерные стереотипы в сфере высшего образования в российском обществе, как свидетельствуют критерии участия женщин как акторов высшего образования, проявляются разнонаправленно, противоречиво. Речь идет о том, что они выполняют роль алгоритмов повседневности, воспроизводя автоматизмы социально-профессиональной деятельности. Но хабиитуализация, опривычивание формулы лимитированного участия, понимание традиций академизма как исторически сложившихся в пользу гендерного диспаритета определяют стагнационность в движении к академическому лидерству.

Действительно, создание стартовых площадок академического лидерства осложняется вне учета гендерных отношений в высшем образовании. Если по социально-демографическим и социально-профессиональным показателям женщины не являются воспринимаемыми на уровне гендерных стереотипов полноправными партнерами в академической среде, логика развития академического лидерства актуализирует необходимость поиска гендерных пропорций, способствующих профессиональной самореализации женщин как деятельностной мотивации для достижения общих целей.

Отмечая, что академическое лидерство — это неявный, но набирающий силы тренд развития высшего образования, не связанный с конъюнктурными обстоятельствами, а определяющий вектор долгосрочного развития образования, следует понимать, что акторы высшего образования еще не достигли той степени академической мобильности и академической мобилизации, которая являлась бы триггером в процессе формирования академического лидерства. Здесь важно уяснить три основополагающих момента.

Первый состоит в том, что академическое лидерство в сфере высшего образования имеет собственную специфику по сравнению с классическим академическим лидерством. Это обусловлено объективными структурными и институциональными параметрами и субъективными, связанными с установками,

представлениями и мотивациями акторов высшего образования относительно путей развития академического лидерства.

Второй момент определяется актуальным состоянием высшего образования, где анализируемые гендерные стереотипы интегрированы в сложившийся гендерный порядок, который во многом зависит от внутренних противоречий постсоветской государственной политики. М. А. Кашина, в частности, обоснованно ставит вопрос о теоретических противоречиях, порождаемых разрывом теории решения женских проблем в феминистской версии и практики их решения людьми, далекими от феминизма [Кашина, 2019: 6]. Для сферы высшего образования, где на высшем управленческом уровне наблюдается приоритет мужчин, неприятие феминизма выражается в отклонении модели гендерного баланса в рамках абсолютизации позитивной дискриминации в пользу женщин.

Третий момент заключается в следующем. Внутреннее противоречие государственной политики определяется и тем, что проявляется позиция притяжения гендерного равенства в основном через реализацию якобы заложенной в феномене женственности миссии материнства и доместификации (от англ. *domestication* — привязанность к дому, семейной жизни). Включение женщины в процесс академического лидерства, ее переориентированность на фундаментальную науку требуют интенсификации профессиональной деятельности, связаны с лимитом свободного времени и как следствие — с утратой возможностей заниматься семейной жизнью и воспитанием детей. Так как государственная политика содержит целью коррекцию социально-демографических проблем, нетрудно сделать вывод о том, что действует логика сопротивления новациям, ориентированным на стимулирование участия женщин в академическом лидерстве.

Актуальное состояние академического лидерства является контурным, не содержит сложившейся институциональной системы и выражается в режиме деятельности базовых институтов высшего образования. Это находит отражение в том, что перспективы и возможности академического лидерства определяются оценкой возможных рисков институциональных изменений, способствующих внесению элементов дезориентации и хаоса в сложившиеся институциональные отношения.

Также следует сказать, что академическое лидерство в сфере высшего образования как формирование режима производства фундаментальных знаний с ориентацией на внедрение новых технологий и новых типов интеллектуального труда зависит от информационной компетентности акторов высшего образования, где женщины достигли относительного паритета с мужчинами. Относительного в том смысле, что женщины как акторы высшего образования достигли в достаточной степени освоения информационных технологий в учебном процессе, но так как их участие в научно-исследовательской деятельности воспроизводится на вспомогательном уровне и в действительности сложившиеся научные школы и направления характеризуются гендерным перекосом, есть необходимость подчеркнуть трудности, связанные с переводом информационных компетентностей женщин на режим академического лидерства.

Это выражается в том, что действует стереотип недоверия к женщинам, к принятию женщинами ответственности за стратегические фундаментальные направления. Когда речь заходит о взаимодействии вузов с академическими

структурами, на первый план выходит позиция «мужского шовинизма», легитимированного тем, что женщины как акторы высшего образования не достигли высоких статусных позиций, что оптимальным является пересосредоточение перспективных научных кадров на направлениях академического лидерства, а женщинам как акторам высшего образования требуется создание условий для актуализации накопленных способностей в информатизации учебного процесса в вузе.

Здесь проявляется логика конструирования реальности, определяемая П. Бергманом и Т. Лукманом как инструментальное и сигнификативное использование объективации гендерных стереотипов [Бергер, Лукман, 1995: 63]. Инструментальное состоит в том, что действует принцип целесообразности: академическое лидерство не вызывает рисков, если действует сложившаяся институциональная система, не подвергающаяся противоречивым влияниям. Сигнификативное определяется знаковостью гендерных стереотипов как схем восприятия женщин в качестве полезных, но не творческих акторов высшего образования, которые не имеют сложившегося опыта работы в академической среде.

Таким образом, гендерные стереотипы в сфере высшего образования не работают на перспективу академического лидерства и можно предположить желательность изменений в пользу «соединения» нового типа академического лидерства и гендерных стереотипов в объективном и субъективном измерениях. Действительно, сфера высшего образования нуждается в том, чтобы начался процесс перехода от традиционных гендерных стереотипов к конструируемым. Но не наподобие феминистских, характеризующих радикализм по отношению к гендерным стереотипам. Речь идет о переформатировании стереотипов по схеме, описываемой П. Штомпкой как «присутствие прошлого в настоящем», влияющее на современность посредством утверждения позитивной памяти о роли женщин в развитии российского высшего образования [Штомпка, 2005: 263].

Это означает, что требуется актуализация усилий, направленных на ревизию гендерных стереотипов с целью легитимации участия женщин в академическом лидерстве в сфере высшего образования. К тому же новая модель академического лидерства не является дискриминационной, так как базируется на нейтрализации гендерных различий и ориентирована на критерии эффективности исследовательской деятельности на основе социально-практических результатов.

Актуальная нормативная культура не содержит обязательных ссылок на гендерные стереотипы как образец правильного поведения акторов высшего образования. Иными словами, предпочтение гендерных стереотипов является субъективным выбором и в виде массового образца формируется только в контексте проводимой на уровне высшего образования и государственной политики доместификации женщины в гендерных отношениях. Позитивным можно считать тот факт, что процесс доместификации вступает в противоречие со сложившимися социально-экономическими и культурными реальностями. Можно считать ошибкой предположение, что в сфере высшего образования, где появляется доминирование интеллектуального труда, гендерные отношения можно конструировать как воспроизводство традиционности.

В новой социокультурной реальности российского общества доминируют достиженческие установки как детрадиционализация социальной жизни, если учитывать спад патерналистских настроений. Гендерные стереотипы изменяются в пользу самостоятельности женщин, возможности строить собственную жизнь исходя из социальной самооценки и ориентироваться на логику повседневности. Академическое лидерство в этом контексте характеризуется вступлением женщин в «зону неопределенности», если учитывать, что современный мир — это мир, практически полный неопределенности. Участие женщин в академическом лидерстве создает ресурс уверенности в собственных силах, отражая такой значимый параметр академического лидерства, как работа в режиме «допущения непреднамеренных последствий». Можно сказать, что академическое лидерство формирует чувство рискоустойчивости, осознания различий между рисками, связанными с ситуацией, и рисками, имеющими системные последствия.

Проблема гендерных стереотипов в сфере высшего образования, связанная с достижением академического лидерства как алгоритма деятельности акторов высшего образования, формирующих и реализующих способности и навыки работать на опережение в удовлетворении теоретических и социально-практических запросов, результируется в парадоксальности состояния сферы высшего образования, где проявляются разнонаправленные тенденции влияния новых технологий, создающих интеллектуальный продукт и воспроизводство гендерных стереотипов, лимитирующих пределы участия женщин в академическом лидерстве [Гендерные отношения... , 2003].

Здесь, безусловно, определяющее значение имеет сложившийся дискурс гендерных отношений, в котором находит отражение «наследие прошлого» с идеей вовлечения женщин в активную общественно-экономическую деятельность, при этом производящий дискриминационный эффект отношения к женщине-труженику, не обладающей самостоятельными достиженческими позициями. Гендерные отношения в сфере высшего образования в российском обществе демонстрируют распространение взглядов, претендующих на актуальность разделения труда. Пример тому — сохранение монополии мужчин на высшее звено руководства в высшем образовании.

Ориентация на изменение, точнее коррекцию, гендерного баланса вызывает сопротивление со стороны управленцев, убежденных и убеждающих в том, что вызовы, стоящие перед высшим образованием, требуют «мужских» качеств, а женское участие в формировании академического лидерства как стратегического направления развития сферы высшего образования отмечается как партнерство в рамках сложившейся субординации отношений акторов высшего образования. Следует отметить, что формула современного академического лидерства, основанного на ресурсном потенциале сферы высшего образования, испытывает влияние дифференцированности образовательной среды, того, что российские исследователи в процессе долгосрочного социологического мониторинга определили как актуальную социальную проблему доступности и качества образования [Образование... , 2018].

Эта проблема весьма значима для использования потенциала женщин в плане развития академического лидерства. Сложившиеся гендерные диспропорции в выборе и предпочтении профиля в высшем образовании воспроизводят

эффект неполного участия женщин, что во многом является стагнационным фактором с точки зрения включения российского высшего образования в академическую мобильность и академическое лидерство в глобальном контексте (это отмечалось в ранее приведенных исследованиях) и для соотношения ожиданий, ориентаций, проектов, с которыми связывается академическое лидерство внутри российского высшего образования.

Как упоминалось, запуск академического лидерства в сфере высшего образования определяется и стартовыми условиями, возможностями женщин работать в автономном режиме, обосновывая свой статус как равноправных партнеров гендерных отношений, и укреплением убеждений в том, что их участие не носит конъюнктурного характера, они не являются заложницами сиюминутных решений и что с академическим лидерством можно прочно связать профессиональную карьеру. Гендерные стереотипы в высшем образовании, которые, как мы выявили, оправдываются тем, что уходят в историческое прошлое, в реальности конструируются в рамках позиции «латентного мужского превосходства». Неслучайно, когда речь заходит о возвращении к «золотому веку» российского высшего образования, приводятся факты, имеющие характер исторической одномерности, академической традиции — в основном как воплощение идеала содружества мужчины и женщины, работающих в качестве наставника и помощника.

Выводы

Сегодня социальные роли в сфере высшего образования в российском обществе не выступают в качестве жестко заданных и проявляются в стремлении устранить гендерные диспропорции, связанные с дискриминационным эффектом карьерно-профессиональных возможностей. Однако обозначается перевод гендерного дисбаланса в культурную обусловленность, в традицию академизма, что якобы определяется естественностью гендерных стереотипов, тем, что акторы высшего образования исходят из исторически сложившихся алгоритмов деятельности в гендерных отношениях.

Проблема «перезагрузки» гендерных отношений, значимая для перспективы академического лидерства в сфере высшего образования, таким образом, состоит в том, чтобы выявить границы и возможности сотрудничества акторов высшего образования в зависимости от реального личностного потенциала, основанного на реализации принципа социальной меритократии, справедливости распределения благ и ресурсов в соответствии с вкладом в развитие академического лидерства. Конкретизируя это положение, следует, во-первых, говорить о том, какие условия созданы для поддержки инициатив женщин для участия в развитии академического лидерства в сфере высшего образования. Во-вторых, нельзя пройти мимо вопроса о том, как укрепить стратегию участия женщин в академическом лидерстве, застолбить уже достигнутые результаты, определить потери и успехи и позволить оптимальным образом сочетать наработанные навыки деятельности и способности к производству научных инноваций. В-третьих, следует помнить, что формула современного академического лидерства в сфере высшего образования не направлена на демонстративный демократизм гендерных отношений; она определяется реальными результатами коллективного творчества, тем, что можно назвать самореализацией акторов высшего образования.

Библиографический список

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Воденко К. В., Дегтярев А. К., Иваненко Н. С. Академическое лидерство: движение к транспрофессиональной идентичности в региональном пространстве высшего образования // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Сер.: Социально-экономические науки. 2020. № 5. С. 33—41.
- Гендерные отношения и гендерная политика в вузе / под ред. Е. Г. Трубиной, М. А. Литовской. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 358 с.
- Кашина М. А. Постсоветская государственная политика в отношении женщин // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 3—13.
- Лукинская Л. А., Чупина В. А. Преодоление гендерных противоречий в системе высшего профессионального образования // Образование и наука. 2012. № 1. С. 106—114.
- Малахов Б. А. Гендерный аспект в международной мобильности российских ученых // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 88—99.
- Образование и социальная дифференциация / отв. ред. М. Карной, И. Фруммин, Н. Кармаева. М.: Высш. шк. экон., 2018. 456 с.
- Силласте Г. Г. Страновой гендерный ландшафт как фактор формирования нового гендерного порядка, его социальные риски // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 4—13.
- Титова М. М. Гендерные аспекты лидерства: сравнительный анализ на основе поведенческих и ситуационных подходов // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2014. № 2. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2014/02/3811> (дата обращения: 18.10.2020).
- Тоценко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией: (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020. 352 с.
- Хеффе О. Справедливость: философское введение. М.: Праксис, 2007. 190 с.
- Штомпка П. Социология: анализ современного общества. М.: Логос, 2005. 664 с.

References

- Berger, P., Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniia* [Social construction of reality: A treatise on the sociology of knowledge], Moscow: Medium.
- Heffe, O. (2007) *Spravedlivost': filosofskoe vvedenie* [Justice: a philosophical introduction], Moscow: Praxis.
- Karnoi, M., Frumin, I., Karmaeva, N. (eds) (2018) *Obrazovanie i sotsial'naia differentsiatsiia* [Education and social differentiation], Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki.
- Kashina, M. A. (2019) Postsovet'skaia gosudarstvennaia politika v otnoshenii zhenshchin [Post-Soviet state policy towards women], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—13.
- Lukinskaia, L. A., Chupina, V. A. (2012) Preodolenie gendernykh protivorechiĭ v sisteme vysshego professional'nogo obrazovaniia [Overcoming gender contradictions in the system of higher professional education], *Obrazovanie i nauka*, no. 1, pp. 106—114.
- Malakhov, B. A. (2019) Gendernyi aspekt v mezhdunarodnoi mobil'nosti rossiiskikh uchenykh [Gender aspect in the international mobility of Russian scientists], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 88—99.
- Shtompka, P. (2005) *Sotsiologiia: Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology: Analysis of modern society], Moscow: Logos.

- Sillaste, G. G. (2019) Stranovoi gendernyi landshaft kak faktor formirovaniia novogo gendernogo poriadka, ego sotsial'nye riski [The country's gender landscape as a factor in the formation of a new gender order, its social risks], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 4—13.
- Titova, M. M. (2014) Gendernye aspekty liderstva: sravnitel'nyi analiz na osnove povedencheskikh i situatsionnykh podkhodov [Gender aspects of leadership: a comparative analysis based on behavioral and situational approaches], *Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologii*, no. 2, available from <http://ekonomika.snauka.ru/2014/02/3811> (accessed 18.10.2020).
- Toshchenko, Zh. T. (2020) *Obshchestvo travmy: mezhdú evoliutsiei i revoliutsiei: (Opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)* [Society of trauma: between evolution and revolution: (Experience of theoretical and empirical analysis)], Moscow: Ves' Mir.
- Trubina, E. G., Litovskaia, M. A. (eds) (2003) *Gendernye otnosheniia i gendernaia politika v vuze* [Gender relations and gender policy at the university], Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Vodenko, K. V., Degtiarev, A. K., Ivanenko, N. S. (2020) Akademicheskoe liderstvo: dvizhenie k transprofessional'noi identichnosti v regional'nom prostranstve vysshego obrazovaniia [Academic leadership: the movement towards a transprofessional identity in the regional higher education space], *Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI)*, seriia Sotsial'no-ekonomicheskie nauki, no. 5, pp. 33—41.

Статья поступила 12.12.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Воденко Константин Викторович — доктор философских наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М. И. Платова, г. Новочеркасск, Ростовская область, Россия, vodenkok@mail.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor at the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Rostov Region, Russian Federation).

Дегтярев Александр Константинович — доктор философских наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М. И. Платова, г. Новочеркасск, Ростовская область, Россия, rse1985@mail.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor at the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Rostov Region, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. No. 3. P. 85—98
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.7

Женщина в российском обществе
2021. № 3. С. 85—98
ББК 60.561.3
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.7

ОБРАЗ РОДИНЫ ГЛАЗАМИ ЭМИГРАНТОВ ИЗ РОССИИ В США И РОССИЯН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (На материалах интервью)

Ю. М. Карушева^{a, b}

^a Всероссийский центр изучения общественного мнения, г. Москва, Россия,
karusheva_j@wciom.com

^b Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия

Статья посвящена анализу того, что эмигранты из России в США вкладывают в понятие «Родина», а также сравнительному анализу восприятия образа Родины россиянами и эмигрантами из России. Материалами выступили результаты полуструктурированных интервью, проведенных в России в 2015 г. и в США в 2019 г. На основе полученных данных делаются выводы о существующих сходствах и различиях в восприятии Родины россиянами и эмигрантами из России, а также выдвигается гипотеза о причинах существующих различий.

Ключевые слова: Родина, материнский образ Родины, национальная идентичность, патриотизм.

THE IMAGE OF MOTHERLAND FROM THE POINT OF VIEW OF RUSSIAN EMIGRANTS IN THE USA AND RUSSIANS: A COMPARATIVE ANALYSIS (Based on interviews)

Yu. M. Karusheva^{a, b}

^a Russian Public Opinion Research Center, Moscow, Russian Federation,
karusheva_j@wciom.com

^b Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

The paper is devoted to the analysis of how emigrants from Russia to the United States understand the concept of “Motherland”, as well as to the comparative analysis of the perception of the Motherland image by Russians and emigrants from Russia. The author plans to determine differences in the perception of Motherland by emigrants from Russians, and to hypothesize the reasons for the differences. Materials for writing the paper were: the results of semi-structured interviews conducted by a group of researchers, including

the author of the paper, in Russia in 2015 and semi-structured interviews conducted in the USA in 2019. Both studies were conducted in one program, which allowed to compare the data. The author comes to the conclusion that Russians and emigrants from Russia absolutely agree in distinguishing between the concepts of “Motherland” and “state”, ascribing different meanings to them. However, on other questions of the study, significant differences are observed. For Russians and emigrants who moved to the United States forcibly over the age of 30, a similar understanding of the homeland is observed: they demonstrate a more positive attitude to Motherland; in their opinion, a person must love his/her Motherland, which is explained by a direct analogy between the child’s attitude to mother and the relationship of a person to his/her Motherland. They believe that a person has a duty to take care of their Motherland. On the contrary, emigrants who moved to the United States by their own decision before the age of 30, and Russians who critically assess the political situation in modern Russia, demonstrate an instrumental attitude towards their Motherland. They do not accept the family analogy of relations with Motherland, and they regard the love of motherland as a free choice, and not an obligation. In this regard, relations with Motherland are considered from the perspective of a mutually beneficial exchange. The probable reasons for the difference of views may lie in the decision-making on the move itself, the initial attitude to Motherland, formed before the move, as well as the time of the move.

Key words: the “Motherland”, national identity, patriotism.

Введение

Образ Родины, являясь одним из древнейших символов в российской культуре [Рябов, 2007; Сандомирская, 2001], и сегодня занимает в ней значимое место. Этот образ выступает фактором поддержания национальной идентичности посредством включения в образовательную политику [Щербинин, 2009; Лескинен, 2010] и патриотическое воспитание [Ивченков, Сайганова, 2019], в процессы легитимации власти [Рябов, 2015].

Ключом к пониманию значения образа Родины в России является разграничение Родины и Отечества, которое имеет в российской социально-политической мысли длительную традицию. Родина обычно характеризуется через этническое, материнское, через приватную сферу жизни человека (семья, родной язык, территория). Отечество же описывается через политическое, отцовское, ассоциируется с публичной сферой (государство, власть, война). Отечество определяют посредством стереотипно мужских качеств (сила, логика, рациональность, отвага), в то время как Родине приписывают черты женщины-матери (эмоциональность, заботливость, милосердие) [Рябов, 2001].

Социологические исследования показывают существование гендерного разграничения понятий «Родина» и «Отечество» в представлениях современных россиян. Как продемонстрировало исследование Е. О. Воронцовой и О. В. Рябова, проведенное в 2006 г. в г. Иваново, его жители вкладывают разный смысл в эти концепты. К «Родине» опрошенные относили такие социальные и природные феномены, как береза, Волга, сказки и русский язык, к «Отечеству» — армия, флаг, закон, что показывает ассоциацию Родины с этнической сферой, Отечества — с политической. Кроме того, Родина и Отечество получили четкую гендерную маркировку: первая маркируется как женское, материнское, второе — как мужское, отцовское [Воронцова, Рябов, 2007].

Действительно, как показало исследование Ромир, россияне ассоциируют образ Родины прежде всего с образами матери (26 %), русской женщины (19 %) и женщины с плаката И. Тоидзе «Родина-мать зовёт!» (11 %) [Ромир, 2015]. Можно утверждать, что использование материнской метафоры Родины на протяжении всей истории становления символа и по сей день продолжает оказывать влияние на общественное сознание россиян. Причиной является то, что образ Родины, представая в облике матери, упрощает для индивида понимание отношений гражданина с государством, поскольку сложные вопросы политики приближаются к повседневному опыту человека и модифицируют сложное взаимодействие гражданина и государства до понятных картин семейных отношений [Рябов, 2015: 83]. В рамках таких отношений связь человека и страны мыслится естественной, легитимной и неразрывной, что способствует созданию и укреплению общегосударственной идентичности. Кроме того, символ Родины привлекается в качестве семиотического средства для легитимации государственного устройства: Россия представляется матерью для всех жителей страны, которые являются ее детьми независимо от этнической и религиозной принадлежности [Рябов, 2017: 55—56]. Например, в СССР в послевоенный период материнский символ Родины использовался для создания образа единой советской семьи, где Родина была матерью, Сталин — отцом, многонациональный народ — их детьми; этот образ способствовал укреплению государственной идентичности, политической и военной мобилизации [Быкова, 2014].

Данные исследований крупных социологических компаний показывают значимость образа Родины для граждан современной России. Опрос фонда «Общественное мнение» продемонстрировал, что в представлениях россиян в содержание образа Родины входит территория, земля, место рождения, а также природа. Родина непосредственно ассоциируется с семьей, родителями, матерью; она объединяет людей по общности образа жизни и мыслей. Кроме того, слово «Россия» ассоциируется в первую очередь с Родиной [ВЦИОМ, 2019], что представляется весьма интересным для нашего исследования: это говорит о важности символа Родины в российской культуре.

Родина является объектом сильной эмоциональной привязанности (любовь к ней, стремление вернуться на Родину, тоска по Родине) и морального долженствования (помогать, защищать Родину, гордиться успехами), также в ней заключен источник блага для граждан (защита, надежность, благополучие) [ФОМ, 2001]. Как показывают опросы ВЦИОМ, россияне сегодня считают любовь к Родине одним из символов единства нации [ВЦИОМ, 2018].

Социологические исследования в различных регионах России показывают схожие данные. Так, например, жители г. Тамбов, согласно опросу С. В. Гузениной, описывают Родину через образы людей (мать, национальные герои, руководитель страны), образы природы, через мифологические, культурные и религиозные образы, картины истории России, через чувства привязанности и долга. Кроме того, тамбовчане указывают, что Родина дает им чувство единства с народом [Гузенина, 2013: 170] (см. также: [Соловьева А., Соловьева Т., 2015]).

Опросы, проводимые в России, позволяют нам составить представление о том, какое содержание вкладывают россияне в образ Родины. Однако такие

исследования не отображают мнений эмигрантов, выросших в той же культурной традиции, но покинувших страну. Мы рассмотрим, что вкладывают в понятие «Родина» эмигранты из России, а также проведем сравнительный анализ восприятия Родины россиянами и эмигрантами из России в США и обозначим в качестве гипотезы причины отличий. Для достижения этой цели мы рассмотрим, как информанты понимают понятия «Родина» и «государство», проанализируем значимость восприятия Родины как матери, а также ценность для опрошенных чувств любви и долга по отношению к Родине.

Материалами для нашего исследования выступили результаты полуструктурированных интервью, проведенных весной 2019 г. в США: в Нью-Йорке ($n = 7$), Далласе ($n = 4$) и Сан-Франциско ($n = 4$). В выборку попали информанты, эмигрировавшие из России в период с 1989 по 2016 г. Опрошенные дифференцировались по полу, возрасту, длительности проживания в США и взглядам на политическую ситуацию в современной России. Интервью проводились по одной программе с исследованием, которое группа ученых, включая автора статьи, осуществила в 2015 г. в России [Рябова, Мутаев, Карушева, 2016]. Это позволило нам сопоставить понимание Родины у двух групп россиян — живущих в России и эмигрантов.

В результате исследования, проведенного в США, удалось разделить информантов на 3 группы, критериями выделения которых выступили возраст на момент переезда в США и мотивация переезда. В первую группу входят информанты, переехавшие в США в возрасте 15—18 лет вместе с родителями или по решению родителей в целях получения образования. Несмотря на то что информанты из этой группы согласились дать интервью, перед началом беседы трое из четырех опрошенных выразили сомнение, что способны рассуждать на такую «русскую» тему, как тема Родины, поскольку считают себя оторванными от русской культуры.

Вторая группа представлена информантами, переехавшими в США в возрасте 22—30 лет по собственному решению. Они демонстрируют разнообразные точки зрения (позитивные, нейтральные и негативные с преобладанием нейтральных и негативных) на изучаемую тему.

Наконец, в третью группу входят информанты, переехавшие в США в возрасте старше 30 лет по собственному решению, но, как они утверждают, вынужденно или по стечению обстоятельств. В данной группе преобладает позитивное отношение к Родине.

По мнению ученых, факторами успешной адаптации в новом обществе являются возраст, освоение языка, новой культуры и образа жизни другого народа, трудоустройство и налаживание жизни на бытовом уровне, политика страны-реципиента по интеграции эмигрантов в общество, а также возможность получения эмигрантом поддержки от национальной диаспоры [Пальников, 2006: 35—36]. Исследования показывают, что российские эмигранты последних волн стремятся к скорейшей ассимиляции, осваивая язык, обрстая социальными связями и воспринимая ценности и нормы нового общества. Однако это может облекаться в крайние формы, а именно в отказ от своей этничности и полное погружение в другую национальную общность, что в наибольшей степени проявляется во втором поколении российских эмигрантов [там же: 39—40].

Об этом может свидетельствовать то, что современная российская диаспора крайне разобщена: ее представители индивидуалистичны, стремятся отделиться от себе подобных [там же: 42]. Для них большее значение имеет личное развитие, а не социальные связи, что выражается в желании быть как можно меньше русским, быть просто человеком, международным специалистом. В качестве показателя можно привести тот факт, что российские эмигранты демонстрируют сильную поддержку западным культурным и политическим ценностям [Хербст, Ерофеев, 2019: 29] и не ставят себе целью сохранить российскую культуру, традиции, обычаи и религию [Медведева, Бушуева, 2016: 39].

Результаты исследования

Существующая в российской социально-политической мысли традиция различения понятий «Родина» и «государство», о которой мы говорили выше, находит отражение в представлениях как россиян, так и эмигрантов из России в США. Для разделения двух понятий выделяются следующие основания. Во-первых, чаще всего информанты говорили о том, что государство ассоциируется с публичной сферой: государство — это официальная структура, устанавливающая законы и руководящая людьми. В свою очередь, Родина ассоциируется с частной сферой, сферой моральных привязанностей: Родина — это место рождения человека, его дом и семья. Во-вторых, государство рассматривается как временно созданное образование вследствие своего несовершенства, в то время как Родина видится как вечное и неизменное, не требующее улучшений.

Государство — люди, которые принимают решения, правители, с которыми не все согласны. А Родина — это то, что нельзя променять (Максим, 32 года, россиянин).

Россия-Родина — это прекрасное пшеничное поле, а Россия-государство — это такое же прекрасное пшеничное поле, которое обнесено забором, и мне нельзя по нему походить (Янис, 24 года, россиянин).

Государство часто ассоциируется с политическим, географическим понятием. Допустим, даже с Россией. Раньше был Советский Союз, сейчас — Россия. Разные государства, но все равно человек может сказать, что это одна и та же его Родина. Можно чувствовать себя на Родине независимо от того, поменялось ли правительство, как оно называется (Борис, 34 года, эмигрант из России).

Разграничение Родины и государства прослеживается в представлениях информантов в том числе и по тому, как они понимают обязанности Родины и государства¹. Большинство информантов-россиян убеждены, что обязанности перед человеком есть только у государства, но не у Родины, поскольку требовать что-то можно только от государства. Что касается информантов — эмигрантов из России, некоторые из них также указывают, что обязанности есть только у государства, а от Родины сложно что-то требовать. С другой стороны, многие информанты говорили об обязанностях государства потому, что Родина

¹ Некоторые информанты в аспекте обязанностей все же понимают Родину и государство как синонимы, указывая, что у Родины есть обязанности, которые свойственны, по мнению других информантов, исключительно государству. Подробнее это будет рассмотрено ниже.

есть абстрактная концепция или просто территория, которая физически не может нести никаких обязанностей.

У Родины нет обязанностей. Она просто должна жить с ними [людьми] в мире и согласии. И этот договор, скорее, односторонний, поскольку осуществлять его должны большие ее дети (Илья, 34 года, россиянин).

У матери есть какие-то обязанности перед ребенком? Вы сейчас употребляете слово «Родина» в значении «государство». Обязанности, безусловно, <есть> у государства. У Родины — нет. Я бы не обязывал свою Родину ничем. Государство обязано, иначе зачем оно нужно (Виктор, 54 года, эмигрант из России).

Именно у Родины, я считаю, нет обязанностей, потому что Родина — это понятие абстрактное. У государства есть, поскольку государство — это вполне конкретная структура, которой граждане платят деньги, налоги и т. д. Поэтому у государства обязанности есть, а у Родины — нет (Артем, 36 лет, эмигрант из России).

Как мы видели выше, подавляющее большинство информантов противопоставляет Родину государству, для них это два разных понятия. Государство рассматривается как машина, связанная с человеком договорными отношениями; оно обязано исполнять обязательства.

Однако стоит обратить внимание на то, что у двух информантов, приехавших в США в подростковом возрасте, разграничение понятий «Родина» и «государство» поначалу вызвало затруднение, какого не наблюдалось у двух других информантов, тоже мигрировавших в подростковом возрасте, а также у тех, кто переехали в США уже будучи взрослыми.

Государство — это больше правление, а Родина, может быть, там, где человек родился или чувствует, что он принадлежит к этому месту. Теоретически государство — это, наверное, что-то, что логически правит страной. Создает правила, которые должны помогать народу (Светлана, 40 лет, эмигрантка из России).

Скажу честно, за все это время у меня никто не спрашивал про Родину, такого вопроса вообще не возникало. Поэтому я даже не знаю, как правильно на это ответить. Я никогда об этом не задумывался, потому что никто здесь об этом не задумывается, по крайней мере из моего окружения. Я думаю о государстве как о какой-то структуре, машине с какими-то своими определенными функциями (Юрий, 43 года, эмигрант из России).

Хотя Светлана и дала ответ на вопрос, но слова «может быть», «наверное» указывают на ее сомнение. Юрий же совершенно смутился, но все-таки сделал предположение. Мы видим, что эти два информанта могут разграничить понятия «Родина» и «государство» только в теории, но в целом для них это не очень понятно. Причина, вероятно, кроется в том, что они, по их собственным утверждениям, не воспитывались родителями в «русле русской культуры», а стали ассимилироваться в американском обществе. Как сказал Юрий, отвечая на вопрос о передаче памяти Родины по наследству, его «*об этом никогда не просили*», т. е. его родители не просили помнить о Родине, о стране, откуда он родом. Поэтому такой «русский подход» к разделению двух понятий в их представлениях и не смог сформироваться.

Ответы информантов на вопрос, должен ли человек любить Родину, оказались не столь однозначными. Среди эмигрантов из России большинство

информантов, уехавших в США в возрасте старше 30 лет, не поставили под сомнение обязанность человека любить свою Родину.

Я считаю, что должен <любить Родину>, потому что мать нельзя заменить, Родину нельзя заменить. Ты можешь быть недоволен Родиной, но ты несешь ответственность определенную. Ты должен переживать за нее, как минимум, и делать что-то для нее (Роман, 62 года, эмигрант из России).

Примечательно, что обязанность любить Родину объясняется моральной, практически семейной связью человека с ней. Информанты сами, без каких-либо подсказок проводят аналогию между Родиной и матерью, указывая, что у человека существует моральная обязанность любить мать, а следовательно, и Родину.

В этом с ними согласны абсолютное большинство информантов-россиян, опрошенных в рамках серии интервью в 2015 г., которые были даже удивлены вопросу о том, должен ли человек любить Родину. В большинстве своем они не подвергли сомнению эту обязанность человека. По их мнению, любовь к Родине дает человеку уверенность, стабильность, защищенность, делает его целостной личностью. Она объясняется особой личной связью человека с Родиной, на что также указали эмигранты, покинувшие Россию во взрослом возрасте.

Если ты к ней [Родине] как к месту жительства, то это просто неопределенная личность. Она ни к чему не привязана (Алексей, 32 года, россиянин).

Большинство информантов — эмигрантов из России выразили противоположную точку зрения. Они резко отрицательно относятся к формулировке «должен любить». Проявление чувств к месту, где родился человек, это его выбор. Человек может любить свою Родину, но он не обязан это делать. Такой позиции придерживаются информанты от 24 до 43 лет, приехавшие в США с родителями или самостоятельно. Это информанты, нейтрально или критически оценивающие политическую ситуацию в современной России, что, видимо, определяет их убеждение в свободном выборе личности и сказывается на позиции об отсутствии обязанности любить Родину.

Нет, никто никому ничего не должен. Я считаю, что это потеря — где мы родились, в какой семье. Поэтому не считаю, что это должно происходить обязательно (Алиса, 24 года, эмигрантка из России).

Нет, не должен. Он [человек] имеет право на проявление всяких мнений о том месте, где он живет. В демократических странах навязывание чувств — это ненормально. Человек не должен любить Родину. Он может. Может быть и критика (Максим, 40 лет, эмигрант из России).

Соответственно, по мнению как эмигрантов, переехавших в США в подростковом возрасте и возрасте до 30 лет, так и россиян, критически оценивающих политическую ситуацию в современной России, придерживающихся этой точки зрения, человек имеет право разлюбить свою Родину. Среди причин называются ситуации, когда Родина несправедливо отнеслась к человеку, отвергла его. Здесь интересно то, что, несмотря на разграничение понятий «Родина» и «государство», в этом вопросе для информантов они оказались синонимами.

Если Родина сделала что-то нехорошее, например поставила человека на колени финансово или заткнула, чтобы он не выражал свое мнение, не выражал себя.

Или, может, полиция как часть государства обошлась с человеком несправедливо. Это очень справедливые причины для того, чтобы разлюбить Родину (Станислав, 25 лет, эмигрант из России).

Не должны никакие чувства связывать человека с тем местом, где он родился. Вас же ничего не связывает с койкой в роддоме, на которой Вы родились. А почему? И где граница? Почему койка в роддоме не достойна любви, а береза достойна (Михаил, 39 лет, россиянин).

В противоположность этому эмигранты из России и россияне, считающие любовь к Родине обязанностью человека, относятся негативно к возможности разлюбить ее. Один из аргументов заключается в том, что, если человек разлюбил Родину, это негативно сказывается на его моральном облике. Другой аргумент связан с тем, что в ситуациях, когда, например, человеку не платят зарплату, в этом виновато государство, а не Родина, т. е. такие административные отношения со страной ассоциируются исключительно с государством. Подобная точка зрения следует исторической традиции разделения государства и Родины с четким определением их обязанностей.

Человек — существо свободное. Если по каким-то причинам любви и уважения к Родине не возникло, а такое сплошь и рядом наблюдается, <человек> имеет право <разлюбить Родину>, почему нет. Например, человек решил стать алкашом. Это его выбор, его решение. Но такие решения уважения не вызывают. Равно как и человек, не уважающий свою Родину, уважения не вызывает. Хотя это его право. Никто не может заставить его насильно любить и уважать Родину. Не любит, не уважает Родину? Это повод его пожалеть, убогость его (Виктор, 54 года, эмигрант из России).

Я не могу <разлюбить Родину>, что бы там ни случилось. Ведь это не Родина виновата, а политики, которые воруют (Роман, 62 года, эмигрант из России).

Когда зарплату не платят? Значит, это не любовь... (Алексей, 32 года, россиянин).

Представители этой точки зрения, а именно большинство информантов-россиян и эмигранты из России, уехавшие в США в возрасте старше 30 лет, полагают, что можно провести аналогию между отношением ребенка к матери и отношением человека к Родине. Они приписывают Родине материнские характеристики: она растит и оберегает своих детей. В свою очередь, дети должны заботиться о ней несмотря ни на что². Информанты указывают причины, почему в России Родину называют матерью.

Есть мать, любовь матери безусловна. Она может быть добрая, злая, но она мать и о ней будешь заботиться. Примерно такое же отношение можно перенести и на Родину, вполне. Она может быть злая, поступила несправедливо, но она мать, что теперь будешь делать? Кстати, российские люди за границей это очень сильно ощущают. Они скучают. Да, здесь лучше экономически, но нет многого того, без чего трудно жить. Так что здесь можно провести параллель, но на другом уровне. Это понятие, имеющее право на существование (Роман, 62 года, эмигрант из России).

Родину называют матерью, потому что она, как мать, дает начало жизни, растит сыновей — тружеников и своих защитников. Она играет для человека

---

² Заметим, что социологические исследования зафиксировали отношение к Родине как к матери не только в регионах, где проживают преимущественно русские, но и в этнорегионах России [Рябова, Мутаев, Карушева, 2016].

главенствующую роль. Родина должна вызывать любовь, сострадание, как к матери (Лариса, 62 года, россиянка).

Обратим внимание: что касается эмигрантов из России, такую точку зрения демонстрируют информанты, придерживающиеся разных взглядов на политическую ситуацию в современной России. Объединяет же их то, что они переехали в США во взрослом возрасте, когда у них успело сформироваться понимание Родины, вероятно, благодаря тому, что их воспитание, становление их личности пришлось на советский период. По всей видимости, укорененность этого понимания Родины продолжает оказывать влияние на их суждения, несмотря на то что они живут в другой стране уже долгое время. Россияне же демонстрируют типично русское понимание Родины [Ромир, 2015], характерное для российской культуры.

Однако для информантов — эмигрантов из России, переехавших в США в подростковом возрасте или в возрасте до 30 лет, концепт материнства Родины оказался не совсем близок. Часть информантов допускают проведение аналогии между отношением ребенка к матери и отношением человека к Родине, но считают, что отношения ребенка и матери гораздо более тесные. Другие информанты не допускают подобной аналогии в принципе. Сомнение в правильности проведения аналогии между отношением ребенка к матери и отношением человека к Родине, вероятно, кроется в том, что информанты не были воспитаны в ключе такой парадигмы.

Хотелось бы, но, мне кажется все-таки, что ребенок и мать будут ближе в итоге. В идеале — да, но не всегда получается (Алиса, 24 года, эмигрантка из России).

Мне кажется, это такой более русский вопрос, поэтому я считаю, что это не очень уместная аналогия (Юрий, 43 года, эмигрант из России).

Эмигранты из России, придерживающиеся этой точки зрения, считают, что в России Родину называют матерью из-за особенностей русского языка, культурных или исторических традиций («историческое устойчивое выражение»)³. По мнению некоторых информантов, главным образом нейтрально и критически оценивающих политическую ситуацию в современной России, в России Родину называют матерью намеренно — в целях манипуляции, чтобы заставить людей делать то, что нужно государству.

Родину я воспринимаю только в каком-то религиозном смысле, это какой-то дополнительный адреналин для людей, с помощью которого можно очень легко манипулировать эмоциями, затрагивать чувства, залезать в самые глубокие эмоции, которым человек просто не сможет сопротивляться (Максим, 40 лет, эмигрант из России).

Это такая попытка воздействия на мозг человека, на самые сильные чувства к матери, особенно у молодых людей, которых нужно каким-то образом <заставить> воевать, свою жизнь отдать. Пытаются ассоциировать, чтобы перенести это чувство и создать пушечное мясо (Даниил, 32 года, эмигрант из России).

Что касается долга перед Родиной, здесь мнения информантов также разделились: часть считает, что у человека есть долг перед Родиной, другая часть — нет. С одной стороны, как информанты-россияне, так и информанты —

³ Такая позиция также была характерна для некоторых информантов-россиян.

эмигранты из России полагают, что у человека есть долг перед Родиной, однако есть разница в понимании природы этого долга. Информанты-россияне воспринимают долг как существующий у человека априори. Информанты — эмигранты из России, понимая государство и Родину как синонимы, полагают, что долг у человека возникает в случае, если Родина/государство выполняет свои обязанности по отношению к человеку.

Кроме любви, есть еще и чувство долга. Например, женщине важно воспитать хороших дочерей и сыновей, хороших граждан, которые не будут мусорить, не будут материться (Светлана, 32 года, россиянка).

Он [долг] может сформироваться. Когда человек только родился, я думаю, у него не должно быть никакого долга. Если образование бесплатное, медицина бесплатная, то этот долг, условно, накапливается. Потом, когда начинаешь работать, платишь налоги, постепенно этот долг погашаешь. Не так, что ты родился и сразу задолжал, всю жизнь расплачиваешься. Как финансовый инструмент, это должно быть в таком плане (Даниил, 32 года, эмигрант из России).

С другой стороны, информанты-россияне, критически относящиеся к политической ситуации в современной России, и информанты-эмигранты, уехавшие из России в возрасте до 30 лет, полагают, что у человека нет долга перед Родиной, поскольку они считают, что рождение человека в определенной стране — случайность, из-за этого долг не образуется. Кроме того, некоторые информанты в своих ответах ссылались на то, что, поскольку Родина им ничего не дала, долга перед ней у них образоваться не могло.

Я не считаю, что Родина что-то дает и что я потом ей чем-то обязан. Я могу чувствовать единство с обществом людей, с культурой. Но быть чем-то обязанным... Учитывая то время, в которое я вырос, я считаю себя обязанным только родителям, а не Родине или государству (Кирилл, 32 года, россиянин).

У всех по-разному, но в целом скорее нет, потому что человек не выбирает свою Родину. Долг у него был бы, если бы он ее выбрал (Артем, 36 лет, эмигрант из России).

Заключение

Анализ интервью с эмигрантами из России выявил различия во взглядах как среди эмигрантов, так и среди эмигрантов и россиян.

При сравнении мнений эмигрантов и россиян наблюдается абсолютное сходство в различении понятий «Родина» и «государство»: первое информанты относят к частной, а второе — к публичной сфере. Однако, как показали ответы информантов, переехавших в США в подростковом возрасте, характерная для русской культуры дихотомия «Родина — государство» постепенно исчезает из сознания, если индивида перемещают из одной культуры в другую, при этом не поддерживая знания о первой.

В основе различий мнений по другим вопросам исследуемой темы лежит характер отношения к Родине. У большинства информантов-эмигрантов, переехавших в США вынужденно в возрасте старше 30 лет, и информантов-россиян (за исключением тех, кто критически оценивает политическую ситуацию в современной России) обнаруживается более позитивное эмоциональное отношение к Родине. По их мнению, человек обязан любить Родину, что объясняется

проведением прямой аналогии с отношением ребенка к матери, т. е. практически семейной связью человека с Родиной. Информанты считают, что Родина, как и мать, растит и воспитывает своих детей. Дети же должны оберегать Родину несмотря ни на что, они не имеют права ее разлюбить. В противном случае это крайне негативно сказывается на моральном облике личности. Наконец, по мнению информантов, Родина не несет никаких обязанностей, в то время как люди обязаны заботиться о ней и защищать ее.

Напротив, у большинства информантов — эмигрантов из России, переехавших в США по собственному решению в возрасте до 30 лет, а также информантов-россиян, критически оценивающих политическую ситуацию в современной России, наблюдается более инструментальное отношение к Родине. Для них не близко такое сентиментальное понятие, как «обязанность любить Родину», поскольку они полагают, что у человека есть выбор — любить или не любить то место, где он родился и вырос. Соответственно человек вправе и отказаться от любви к Родине. Для этих информантов семейная аналогия в отношениях человека и Родины если и допускается, то только в теоретическом смысле; в их понимании такая аналогия используется скорее в целях манипуляции людьми, посредством обращения к их наиболее сильным чувствам. Что касается обязанностей Родины и человека, информанты придерживаются позиции взаимовыгодного обмена: если Родина предоставляет человеку какие-то блага, то человек обязан платить налоги, быть хорошим членом общества. Примечательно, что в этом вопросе информанты понимают понятия «Родина» и «государство» как синонимы, хотя ранее проводили между ними четкие различия.

Вероятно, решение покинуть свою страну, Родину, может быть причиной или следствием того, что отношения человека с ней перестают осмысляться в категориях безусловной связи. Они больше не интерпретируются эмигрантами как отношения матери и ребенка, как это делают россияне. У россиян эти отношения неразрывны и интерпретируются в категориях любви, долга, предательства. Поэтому они считают, что нельзя обижаться на Родину, если она им что-то недодала. Эмигранты, напротив, подходят к отношениям с Родиной с инструментальных позиций. Когда речь идет о разделении Родины и государства, их позиция схожа с позицией россиян. Однако, когда возникает понятие долга перед матерью, они переходят к конкратной интерпретации отношений с Родиной: ты — мне, я — тебе.

Еще одно различие, и наверное главное, во взглядах эмигрантов из России, вероятно, кроется в изначальной установке перед переездом. Более молодые информанты в большинстве случаев говорили о существовании у них критических оценок политической ситуации в современной России еще до переезда, они сознательно хотели уехать из России и предпринимали к этому активные действия. Информанты более старшего возраста, напротив, в большинстве своем утверждали, что решение переехать было вынужденным, иногда даже спонтанным. И даже сейчас, несмотря на то что они провели многие годы в США, некоторые из них допускают возможность возвращения на Родину. Молодые информанты такую возможность исключают.

Еще одна вероятная причина заключается в возрасте опрошенных. Становление более старших информантов происходило в советский период, когда образовательная политика по формированию единой советской идентичности,

воспитанию любви к Родине носила массовый и централизованный характер. Они выросли, впитывая эти знания, которые, может быть, сохранились у них и по сей день, о чем свидетельствует их теплое отношение к Родине. Молодые информанты такого воздействия уже не испытали. Их взросление происходило в ситуации полного разрушения прежней системы патриотического воспитания и становления новой [Ешев, 2014]. Вероятно, это оказало влияние на формирование в их представлениях более критичного отношения к Родине.

Библиографический список

- Быкова Т. Ю. Отцы и дети великой страны: метафора родства в советском политическом медиадискурсе 1945—1954 гг. // Политическая лингвистика. 2014. № 2. С. 114—118.
- Воронцова Е. О., Рябов О. В. Представления ивановцев о Родине и Отечестве: (к вопросу о гендерных аспектах патриотизма) // Женщина в российском обществе. 2007. № 1. С. 58—65.
- ВЦИОМ. Аналитический обзор. Единство нации: что нас объединяет? 2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9404> (дата обращения: 16.04.2020).
- ВЦИОМ. Аналитический обзор. О национальной гордости великороссов. 2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9750> (дата обращения: 16.04.2020).
- Гузенина С. В. Образ Родины как предмет научного анализа. Белгород: Белгород, 2013. 276 с.
- Ешев М. А. Патриотизм в советской и постсоветской России // Власть. 2014. Т. 22, № 5. С. 85—89.
- Ивченков С. Г., Сайганова Е. В. Патриотизм как компонент общественного сознания: поколенческий ракурс измерения // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 1. С. 96—109.
- Лескинен М. В. Представления об «Отечестве» и «Родине» в русских учебниках географии последней трети XIX в.: конструирование национальной идентичности // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 2010. № 3. С. 40—55.
- Медведева Т. А., Бушуева С. В. Российское зарубежье XX века: особенности формирования, адаптации и сохранения национальной идентичности российской эмиграции // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 32—41.
- Пальников М. С. Российская эмиграция в Европу: оценки и перспективы // Россия и современный мир. 2006. № 4. С. 28—50.
- Ромир. Россияне рассказали о своем представлении образа Родины. 2015. URL: <https://romir.ru/studies/obraz-rodiny---v-nature> (дата обращения: 16.04.2020).
- Рябов О. В. «Матушка-Русь»: опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М.: Ладомир, 2001. 202 с.
- Рябов О. В. «Россия-матушка»: национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart; Hannover: Ibidem, 2007. 290 с.
- Рябов О. В. «Родина-мать» в символической политике постсоветской России // Женщина в российском обществе. 2015. № 3—4. С. 78—95.
- Рябов О. В. Политика идентичности и символические границы // Символическая политика. М.: ИНИОН РАН, 2017. Вып. 5: Политика идентичности / под ред. О. Ю. Малиновой. С. 41—60.
- Рябова Т. Б., Мутаев У. К., Карушева Ю. М. «Родина-мать» в символической политике современной России глазами россиян: (на материале интервью) // Женщина в российском обществе. 2016. № 4. С. 31—42.

- Сандомирская И. Книга о Родине: опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001. 296 с. (Wiener slawistischer Almanach; Sbd. 50).
- Соловьева А. Н., Соловьева Т. А. Символика семьи в структуре социальных представлений россиян о Родине // *Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований*. 2015. № 1. С. 113—125.
- ФОМ. Результаты опроса населения. «Родина» — «Отечество» — «Отчизна». 2001. URL: https://bd.fom.ru/report/cat/business/ec_fin/loan_abr/dd010227 (дата обращения: 16.04.2020).
- Хербст Дж., Ерофеев С. Путинский исход: новая утечка мозгов. Атлантический Совет, 2019. 64 с.
- Щербинин А. И. Конструирование образа: (на примере выстраивания концепта Родины) // *АртМаркетинг*. 2009. № 4. С. 19—27.

References

- Bykova, T. Yu. (2014) Ottsy i deti velikoi strany: metafora rodstva v sovetskom politicheskom mediadiskurse 1945—1954 gg. [Fathers and children of the great country: metaphor of kinship in the Soviet political media discourse 1945—1954], *Politicheskaiia lingvistika*, no. 2, pp. 114—118.
- Eshev, M. A. (2014) Patriotism v sovetskoï i postsovetskoï Rossii [Patriotism in Soviet and Post-Soviet Russia], *Vlast'*, vol. 22, no. 5, pp. 85—89.
- FOM. Rezul'taty oprosa naseleniia. "Rodina" — "Otechestvo" — "Otchizna" (2001) [FOM. The results of the survey. "Motherland" — "Fatherland" — "Patria"], available from https://bd.fom.ru/report/cat/business/ec_fin/loan_abr/dd010227 (accessed: 16.04.2020).
- Guzenina, S. V. (2013) *Obraz Rodiny kak predmet nauchnogo analiza* [The image of Homeland as a subject of scientific analysis], Belgorod: Belgorod.
- Herbst, J., Erofeev, S. (2019) *Putinskiï iskhod: novaia utechka mozgov* [The Putin exodus: The new Russian brain drain], The Atlantic Council.
- Ivchenkov, S. G., Saiganova, E. V. (2019) Patriotism kak component obshchestvennogo soznaniia: pokolencheskii rakurs izmereniia [Patriotism as a component of public consciousness: a generational measurement perspective], *Vestnik Instituta sotsiologii*, vol. 10, no. 1, pp. 96—109.
- Leskinen, M. V. (2010) Predstavleniia ob "Otechestve" i "Rodine" v russkikh uchebnikakh geografii poslednei treti XIX v.: konstruirovaniie natsional'noi identichnosti [Representations of "Fatherland" and "Motherland" in Russia geography textbooks of the last third of the XIX c.: construction of the national identity], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, seriiia 8, Istoriia, no. 3, pp. 40—55.
- Medvedeva, T. A., Bushueva, S. V. (2016) Rossiiskoe zarubezh'e XX veka: osobnosti formirovaniia, adaptatsii i sokhraneniia natsional'noi identichnosti rossiiskoi emigratsii [The Russian diaspora of the XX century: the features of formation, adaptation and preservation of the national identity of the Russian emigration], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni Lobachevskogo*, no. 2, pp. 32—41.
- Pal'nikov, M. S. (2006) Rossiiskaia emigratsiia v Evropu: otsenki i perspektivy [Russian emigration to Europe: assessments and prospects], *Rossiiia i sovremennyi mir*, no. 4, pp. 28—50.
- Riabov, O. V. (2001) "Matushka-Rus'": opyt gendernogo analiza poiskov natsional'noi identichnosti Rossii v otechestvennoi i zapadnoi istoriosofii ["Mother Russia": an experience of gender analysis of searches for Russian national identity in Russian and Western philosophy of history], Moscow: Ladomir.

- Riabov, O. V. (2007) *«Rossiia-Matushka»: natsionalizm, gender i voĭna v Rossii XX veka* [«Mother Russia»: nationalism, gender, and war in Russia of XX century], Stuttgart, Hannover: Ibidem.
- Riabov, O. V. (2015) “Rodina-mat” v simvolicheskoi politike postsovetsoĭ Rossii [The «Motherland» in the symbolic politics of the Post-Soviet Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 78—95.
- Riabov, O. V. (2017) Politika identichnosti i simvolicheskie granitsy [Symbolic boundaries and identity politics], in: Malinova, O. Yu. (ed.) *Simvolicheskaiia politika*, no. 5: Politika identichnosti, Moscow: Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam Rossiiskoi akademii nauk, pp. 41—60.
- Riabova, T. B., Mutaev, U. K., Karusheva, Yu. M. (2016) “Rodina-mat” v simvolicheskoi politike sovremennoi Rossii glazami rossiian: (Rezultaty interv’iu) [The “Motherland” in symbolic politics of the contemporary Russia in the estimation of Russians: (Results of interviews)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 31—42.
- Romir. *Rossiiane rasskazali o svoem predstavlenii obraza Rodiny* (2015) [Russians talked about their representation of the image of Motherland], available from <https://romir.ru/studies/obraz-rodiny---v-nature> (accessed 16.04.2020).
- Sandomirskaiia, I. (2001) *Kniga o Rodine: Opyt analiza diskursivnykh praktik* [A book about the Motherland: Analyzing discursive practices], Wien.
- Scherbinin, A. I. (2009) Konstruirovaniie obraza: (Na primere vystraivaniia kontsepta Rodiny) [The construction of the image: (On the example of the construction of the symbol of homeland)], *ArtMarketing*, no. 4, pp. 19—27.
- Solov’eva, A. N., Solov’eva, T. A. (2015) Simvolika sem’i v structure sotsial’nykh predstavlenii rossiian o Rodine [Family symbols in Russian’s ordinary representations of the Motherland], *Labirint: Zhurnal sotsial’no-gumanitarnykh issledovaniĭ*, no. 1, pp. 113—125.
- Vorontsova, E. O., Riabov, O. V. (2007) Predstavleniia ivanovtsev o Rodine i Otechestve: (K voprosu o gendernykh aspektakh patriotizma) [Ivanovo citizens’ attitudes to Motherland and Fatherland: (On gender aspects of patriotism)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 58—65.
- WCIOM. *Analiticheskiĭ obzor. Edinstvo natsii: chto nas ob’ediniaet?* (2018) [Analytical review. Unity of the nation: what unites us?], available from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9404> (accessed 16.04.2020).
- WCIOM. *Analiticheskiĭ obzor. O natsional’noi gordosti velikorossov* (2019) [Analytical review. On the national pride of the Russians], available from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9750> (accessed 16.04.2020).

Статья поступила 17.12.2020 г.

Информация об авторе / Information about the author

Карушева Юлия Михайловна — проектный менеджер, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), г. Москва, Россия, karusheva_j@wciom.com (Project Manager, Russian Public Opinion Research Center (WCIOM), Moscow, Russian Federation); аспирантка кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия (Post-graduate student at the Department of Sociology, Social Work and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. No. 3. P. 99—116
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.8

Женщина в российском обществе
2021. № 3. С. 99—116
ББК 63.529(235.7)-53
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.8

СЕМЬЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ: ЭТНОГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Л. В. Клименко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, lucl@yandex.ru

На материалах повторно-сравнительных социологических исследований, проведенных на Юге России в период с 2004 по 2020 г., рассматривается динамика этнокультурных ценностей и норм, регулирующих семейно-брачные отношения. Анализируется половозрастная иерархия в семье, гендерное разделение домашнего труда, воспроизводство норм гендерного этикета. Показано несоответствие социальных ценностей и норм в сфере семейно-брачных отношений в типологически различных субрегионах Юга России (традиционалистских, переходных и модернизированных) и разные векторы их динамики. Эмпирически верифицируется положение о том, что движущей силой деконструкции традиционного гендерного порядка в регионе остаются женщины.

Ключевые слова: семейно-брачные отношения, Юг России, половозрастная иерархия, гендерный этикет, республики Северного Кавказа, социальные ценности, гендерный порядок.

FAMILY IN THE MULTICULTURAL SPACE OF SOUTHERN RUSSIA: GENDERING ETHNOGRAPHY

L. V. Klimenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don,
Russian Federation, lucl@yandex.ru

The article aims to present the dynamics of ethnocultural values and norms regulating family and marriage relations in Southern Russia based on materials from sociological re-studies conducted from 2004 to 2020. The article discusses the results of the analysis of the gender and age hierarchy in the family, the gender division of housework, the reproduction of the gender ethno-ethics norms. The study revealed a discrepancy between societal values and norms in the field of family-marriage relations and different vectors of their dynamics in typologically different subregions of Southern Russia. As a result of the study, the authors

---

© Клименко Л. В., 2021

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00270 «Социетальная динамика полиэтнического Юга России: ценностно-идентификационное измерение».

distinguish the ethno-territorial segments of the “traditionalist” type (Ingushetia, Dagestan), in which the androcentric orientations in the family are stable and are mostly shared by men and women. The surveys have revealed a difference in the gender subgroup attitudes in the “transitional” republics (Kabardino-Balkaria, Adygea) during the period under review. Women are more oriented towards the deconstruction of the traditional gender order. The trend to egalitarian family relations among both sexes is observed in relatively “modernized” subregions (Rostov Region) to a greater extent. The tendency to increase the family role of an older man (father/father-in-law) has not been sustainable. It showed a rise in the North Caucasus republics during a 2010 survey and then declined a decade later. Also, the norms of ethno-etiquette are weakening in the family sphere. Collegiality indicators in financial behavior and shopping are increasing in all ethno-territorial segments from the first to the last stages of the survey. Women continue to be the driving force behind the transformation of gender relations in the region since they are the ones who tend to redefine traditional roles in the family.

Key words: family and marriage relations, Southern Russia, gender and age hierarchy, gender ethnics, republics of the North Caucasus, societal values, gender order.

Постановка проблемы и анализ литературы

В многосоставных социумах динамические характеристики этногендерных отношений в семье выступают важнейшими маркерами процессов, происходящих в социетальной сфере [Клименко, 2016]. Передающиеся от поколения к поколению ценности и нормы семейной жизни, которые разделяются большинством представителей социальной общности, выступают одним из оснований интеграции общества. Институциональное поле семейных отношений менее подвержено модернизационным изменениям, поэтому в условиях распространения массовой культуры традиционные нормы и регуляторы воспроизводятся преимущественно в семейно-брачной сфере. Кроме того, в семье формируются и закрепляются гендерные конструкты, в которых отражаются институциональный и межличностный уровни отношений между полами.

Особенно актуален гендерный ракурс социальных трансформаций в полиэтничных регионах, так как основанием функционирования этнической культуры являются принципы межполовых отношений. В условиях поликультурного Юга России¹, в республиканском сегменте которого позиции традиционности наиболее сильны, важнейшим агентом воспроизводства культуры является семья. Здесь часто наблюдается реализация как традиционного, так и модернизационного типа социализации [Ханаху, 2001], а также обнаруживаются тенденции архаизации семейных отношений [Клименко, 2013; Антонова и др., 2015].

Большинство современных государств являются полиэтническими. В исследовательской литературе долгое время доминировала идея о том, что этнокультурное разнообразие в конечном итоге будет исчезать в результате процесса глобализации [Berry, 2008, 2011; Westlake, 2018]. Однако практика

---

¹ В нашей стране особым разнообразием этнокультурного состава населения отличается Юг России, на территории которого расположены Южный и Северо-Кавказский федеральные округа (включающие 13 субъектов РФ, 8 из которых обладают статусом республики).

социокультурного развития многих современных обществ актуализирует проблемы воспроизводства этнических и региональных отличий [Paasi, 2010, 2011].

Этногендерным измерением семейных отношений в многосоставных социумах занимаются американские исследователи. В фокусе их внимания находится множество тем: полоролевые функции в воспитании детей в различных этнических общностях [Barnett et al., 2016], влияние этнокультурных установок на семейное воспитание [Gonzalez, Méndez-Pounds, 2018], поколенческие отличия в ценностях мексикано-американских семей [Pei, Cong, 2016], испаноязычных групп [Gennetian et al., 2019]. Достаточно много исследований посвящено анализу семейного взаимодействия [Lei, South, 2016; Dollar, 2017; Qian, Lichter, 2011], социализации детей в расово-этнических общностях Северной Америки [Malcarne et al., 2005].

Можно отметить, что при сравнении семейной интеграции европейских и мексиканских мужчин и женщин фиксируется большая значимость фактора социокультурной принадлежности, чем этнокультурной. Вместе с тем установлено, что американцы мексиканского происхождения демонстрируют более высокие показатели родства и близости, но более низкие показатели финансовой поддержки по сравнению с евроамериканцами. Два дополнительных различия существуют только между женщинами: мексиканские женщины чаще, чем евроамериканские, оказывают помощь по дому или по уходу за ребенком [Sarkisian et al., 2007].

Особенности семейных отношений в этнически различных средах и вопросы интеграции их представителей в британское общество анализируются английскими учеными. Например, рассматриваются этнические модели брачных отношений южноазиатских женщин [Bhopal, 1999], этногендерные аспекты финансового поведения в семье [Warren, 2006], соотношение традиционных и современных ценностей в сознании индуистских женщин [Firth, 1999], проводятся кросс-культурные исследования социализации молодежи из итальянских семей в Великобритании и Италии [Zontini, 2010].

Интересны исследования влияния внутрисемейного разделения труда, межпоколенных связей и образования женщин в Китае на их возможности принимать решения [Cheng, 2019; Chien, Yi, 2014]. Во многих китайских семьях на современном этапе жизнь продолжает регулироваться этнокультурными традициями. Типичная семья в традиционном Китае — это патрилокальное расширенное домашнее хозяйство, где сыновья и их жены берут на себя основную ответственность по уходу за пожилыми людьми, тогда как дочери живут в семьях своих мужей и ухаживают за их родственниками [Cong, Silverstein, 2008]. Быстрое старение китайского населения и недостаточный уровень социального обеспечения служат основанием воспроизводства данной традиции. Результаты исследований также показывают, что женщины, состоящие в браке и обладающие более высоким уровнем образования, оказывают значительное влияние на принятие решений в нуклеарной семье. Однако в домохозяйствах с несколькими поколениями более высокий уровень образования женщин не определяет их статусные позиции в семье [Cheng, 2019].

В российской науке изучением семейно-брачных и гендерных отношений занимается множество исследователей. Обозначим здесь лишь основные области

анализа семьи и гендера в условиях полиэтнического Юга России: символическое пространство гендерного взаимодействия в культуре народов Северного Кавказа [Карпов, 2013; Антонова и др., 2015; Шаожева, 2012], трансформация гендерного статуса северокавказских женщин [Костерина, 2015; Аккиева, 2012; Тыкова, 2006], модификация семейных отношений [Верещагина, 2014; Клименко, 2013; Загирова, 2017; Безрукова, Калашова, 2016; Стародубровская, 2019], гендерная политика и проблемы гендерного равенства в полиэтническом регионе [Сиражудинова, 2013; Шоранова, 2010], обряды похищения и проблемы насилия в северокавказских семьях [Махмудова, 2019; Плиев, Бабич, 2019; Сиражудинова, 2017; Костерина, 2015].

В данных исследованиях показывается, что народы Северного Кавказа продолжают воспроизводить традиционные регуляторы семейно-брачных отношений. Для множества современных северокавказских семей характерна ролевая асимметрия с мужчиной во главе рода и семьи, многодетность, межполовое разделение труда. В то же время женщины во многих случаях ориентированы на выравнивание гендерной иерархии в семейной сфере [Шоранова, 2010; Клименко, 2016]. Однако коррелятом закрепления гендерной сегрегации выступает фактор исламизации республиканского сегмента Юга России [Сиражудинова, 2012; Стародубровская, 2019].

В результате модернизация социально-экономической жизни, как правило, сопряжена с разрушением традиционных принципов конструирования семьи и гендера. Однако в ряде многосоставных сообществ наблюдаются обратные тенденции возрождения этнических традиций в этой сфере, что зачастую усложняет социетальную интеграцию полиэтнических сообществ на основе универсалистских ценностей.

Эмпирической базой исследования выступают результаты повторно-сравнительных социологических исследований, проведенных в разных по типу субрегионах Юга России².

Использовался метод стандартизированного опроса. В 2004 г. было опрошено 334 человека в Карачаево-Черкесской Республике (в таблицах и рисунках — КЧР), 270 — в Республике Ингушетия (РИ), 276 человек — в Ростовской области (РО).

В 2010 г. в исследовании приняли участие 300 человек в Республике Адыгея (РА), 300 — в Республике Ингушетия, 262 — в Кабардино-Балкарской Республике (КБР), 300 — в Ростовской области.

---

² На Юге России можно выделить следующие территориальные сегменты: 1) субрегионы с преобладающим русскоязычным населением, относительно развитой экономикой, урбанизированным населением, которое разделяет модернистские типы социального взаимодействия (Ростовская область, Краснодарский край, Ставропольский край); 2) республики Северного Кавказа, переходящие с традиционного на индустриальный уровень социально-экономического развития (Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия — Алания); 3) республики с преобладающей традиционной культурой, с демодернизированной экономикой (Ингушетия, Чечня, Дагестан). Можно увидеть близость социокультурных процессов в субрегионах одной типологической группы, что позволяет сравнивать различные территориальные субъекты Юга России.

В 2020 г. был опрошен 331 человек в Республике Адыгея, 420 — в Республике Дагестан (РД), 373 — в Кабардино-Балкарской Республике, 407 — в Ростовской области.

Опрос проводился среди населения столиц республик и областных центров. Выборка квотно-пропорциональная по основным социально-демографическим подгруппам населения.

Семейное лидерство и гендерное разделение труда

Традиционный гендерный порядок коренных этносов республик Северного Кавказа характеризовался доминированием старшего мужчины в семье, половозрастным разделением труда, обычаями избегания, исключением женщин из публичной жизни, ограничением их имущественных прав. В советское время женщины активно вовлекались в производственную деятельность, расширенная патриархальная семья вытеснялась нуклеарной, размывались обычаи гендерного этноэтикета. Но, несмотря на ослабление традиционных норм в публично-трудовой сфере, в области семейно-брачных отношений во многом продолжала воспроизводиться гендерная иерархия. В постсоветское время на фоне процессов суверенизации республик Северного Кавказа и усиления религиозных традиций происходит очередной этап модификации модели гендерного взаимодействия. Рассмотрим результаты социологических исследований, которые характеризуют динамику гендерных трансформаций в семье за период с 2004 по 2020 г. Эмпирическими индикаторами анализа выступают следующие показатели: гендерная иерархия в семье, межполовое разделение домашнего труда, нормы гендерного этноэтикета.

Результаты повторно-сравнительных социологических исследований показывают, что за указанный период большинство опрошенных мужчин Юга России оценивают свой статус в семье как лидирующий (от 53 до 84 %). Тогда как женщины более склонны оспаривать традиционный гендерный дисплей. Наиболее часто установки на эгалитарные отношения в семье ожидаемо демонстрируют жительницы Ростовской области, и их число растет от первого к последнему этапу исследования (с 15 до 25 %). Доля мужчин этого субрегиона, разделяющих подобные установки, также увеличивается — с 5 % в 2004 г. до 16 % в 2020 г. (рис. 1).

Чаще всего андроцентрические ориентации в семье демонстрируют мужчины и женщины республик «традиционной» группы — Ингушетии (2004 г.) и Дагестана (2020 г.). Во время опроса 2010 г. была отмечена тенденция возрастания роли старшего мужчины в семье (отца/свекра) в Кабардино-Балкарии, Ингушетии и Адыгее (от 32 до 43 % опрошенных). Исследования 2020 г. показывают снижение количества указаний на патриархальную модель семьи в республиках «переходного» типа — Кабардино-Балкарской Республике и Республике Адыгея (от 22 до 36 %). И за последние 10 лет более выраженная разница в ответах мужчин и женщин относительно статуса мужа в семье наблюдается среди жителей Кабардино-Балкарии и Ростовской области (рис. 1).

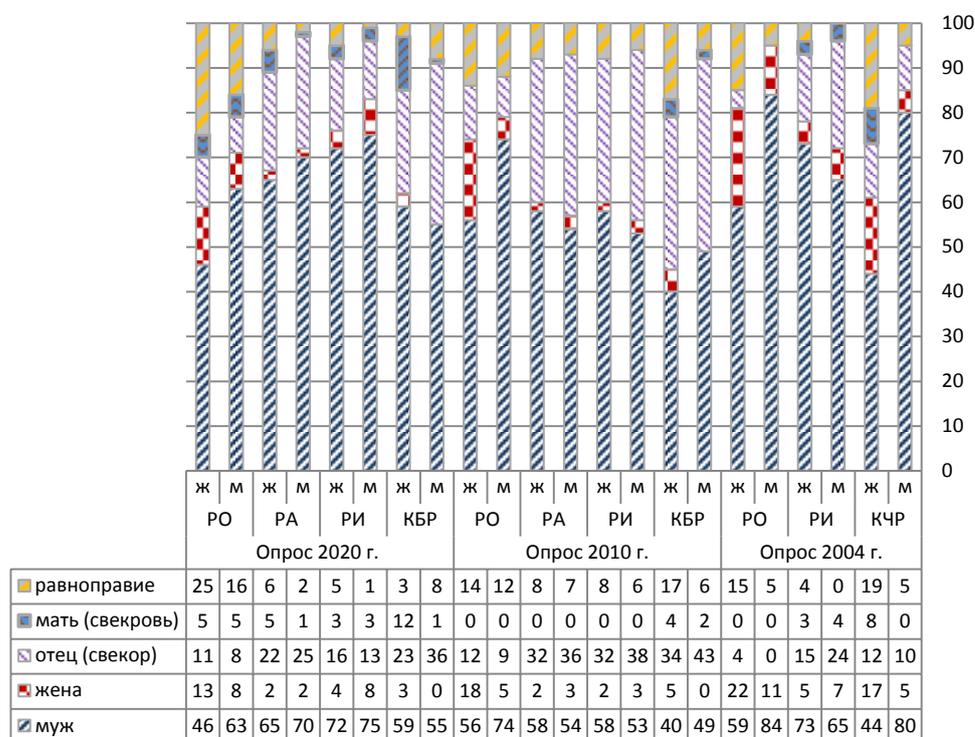

Рис. 1. Ответы на вопрос «Кто глава Вашей семьи?», %

В рейтинге приоритетов, определяющих роль главы семьи, жители Юга России чаще всего отмечают аскриптивные характеристики. В таких республиках, как Ингушетия, Дагестан и Адыгея, от первого к последнему этапу исследования сохраняется ориентация в первую очередь на пол и потом на возраст как основания лидерства в семье. Вместе с тем фиксируется разница в ответах гендерных подгрупп: женщины склонны оспаривать традиционные аскриптивные статусы. Они чаще указывают на силу характера и материальные ресурсы как факторы обеспечения семейного главенства. В Ростовской области мнения мужчин и женщин по этому вопросу наиболее близки, они в половине случаев указывают на силу характера, а затем на уровень заработка (рис. 2).

Результаты повторно-сравнительных исследований относительно внутрисемейного разделения труда показывают, что приготовлением пищи, стиркой, уборкой, глаженьем традиционно занимаются преимущественно женщины. На этом фоне наибольшая степень выраженности гендерного разделения труда проявляется в «традиционалистских» республиках (Республика Ингушетия, Республика Дагестан), далее по убыванию — в республиках «переходного» типа (Кабардино-Балкарская Республика, Республика Адыгея), и больше всего указаний на эгалитарное распределение семейных обязанностей отмечается в Ростовской области.

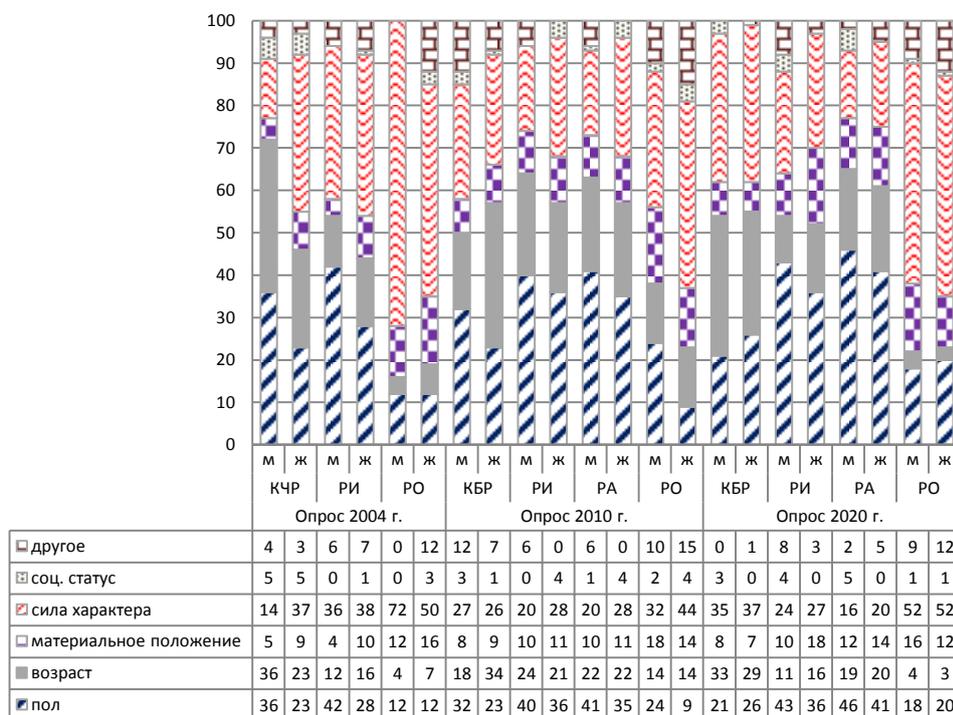

Рис. 2. Ответы на вопрос «Чем определяется роль главы семьи?», %

Воспитанием детей примерно в половине случаев занимается жена, однако с 2004 по 2020 г. во всех территориальных группах (кроме Кабардино-Балкарии) растет число указаний на то, что в воспитании детей принимают участие все члены семьи. В данный период в северокавказских республиках наблюдается увеличение участия мужа в зарабатывании денег, но в то же время растет и число указаний на то, что все члены семьи участвуют в зарабатывании денег и управлении семейным бюджетом (кроме Кабардино-Балкарской Республики). В Ростовской области на современном этапе большинство ответов маркируют равное участие в материальном обеспечении семьи (табл. 1).

Анализ финансового поведения в семье в разрезе гендерных подгрупп показывает, что принятие решений о покупке недорогих вещей в 2004 и в 2010 г. в северокавказских республиках принималось преимущественно женами. Хотя на втором этапе исследования возросло участие старшей женщины в семье (мать/свекровь) в принятии подобных решений. В Ростовской области чаще отмечалось участие в этом детей и всех членов семьи. Опросы в 2020 г. показали ориентацию на рост коллегиальности в принятии решений о покупке недорогих вещей (табл. 2).

От первого к третьему этапу исследования повышается участие всех членов семьи в принятии решения о совершении дорогих приобретений. При этом главная роль старшей женщины (мать/свекровь), возросшая в опросе 2010 г., опять снизилась до показателей 2004 г. На разных этапах исследования остается выраженной разница в ответах гендерных подгрупп, представители которых

чаще приписывают себе определяющую роль в принятии решений. На современном этапе особенно заметна разница в ответах мужчин и женщин в Кабардино-Балкарии, Адыгее и Ростовской области (табл. 2).

Таблица 1

Ответы на вопрос «Кто в Вашей семье преимущественно занимается следующими делами?», %

Ответ	2004 г.			2010 г.				2020 г.			
	КЧР	РИ	РО	КБР	РИ	РА	РО	КБР	РД	РА	РО
<i>Воспитание детей</i>											
Муж	26	24	15	2	13	13	17	8	10	13	8
Жена	44	49	39	24	57	57	38	52	50	35	33
Отец (свекор)	4	4	3	17	1	1	4	3	1	1	2
Мать (свекровь)	8	12	4	10	15	15	6	6	7	8	9
Дети	4	1	–	–	1	1	1	–	1	–	–
Все члены семьи	15	12	39	48	14	14	35	31	32	43	49
<i>Зарабатывание денег</i>											
Муж	48	52	39	27	43	43	51	57	61	50	37
Жена	29	30	16	3	20	20	9	7	7	5	8
Отец (свекор)	2	5	3	9	5	5	4	2	3	7	3
Мать (свекровь)	2	2	5	2	7	7	2	0	1	3	4
Дети	5	2	30	4	5	5	2	1	–	–	–
Все члены семьи	15	8	41	55	19	19	33	33	28	35	47
<i>Управление бюджетом</i>											
Муж	48	52	39	20	38	38	40	41	36	32	36
Жена	29	30	16	19	33	33	32	23	37	28	28
Отец (свекор)	2	5	3	22	8	8	4	6	8	4	3
Мать (свекровь)	2	2	5	12	13	13	6	6	3	11	8
Дети	5	2	30	–	1	1	1	1	–	–	–
Все члены семьи	15	8	41	27	9	9	18	23	17	25	25

Немного ослабленные позиции мужа в северокавказской семье, которые фиксировались на втором этапе опроса, за счет роста патриархальных традиций к 2020 г. восстанавливаются в отношении того, кому принадлежит решающее слово в семье. Но женщины продолжают оспаривать традиционный гендерный дисплей, что на современном этапе заметно среди адыгских и донских женщин. Последние в пятой доли случаев приписывают себе лидерство в семье. В Адыгее и Ростовской области наиболее высоки также показатели эгалитаризма в семье (от 18 до 24 % опрошенных) (табл. 2).

Таблица 2

Ответы на вопрос «Кто в Вашей семье принимает следующие решения?», %

Ответ	2004 г.						2010 г.						2020 г.									
	КЧР		РИ		РО		КБР		РИ		РА		РО		КБР		РД		РА		РО	
<i>Покупка недорогих вещей</i>																						
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Муж	16	2	15	1	22	5	7	6	9	13	9	12	25	7	8	6	8	4	16	6	11	7
Жена	39	60	66	63	26	46	19	34	49	51	50	52	16	32	22	28	36	48	26	34	23	42
Отец (свекор)	–	–	–	–	–	–	7	1	3	3	3	3	2	2	2	1	–	–	4	4	1	2
Мать (свекровь)	–	5	2	11	–	5	13	7	17	15	18	15	2	1	1	2	4	3	1	4	7	3
Дети	31	17	–	11	30	25	26	25	9	8	9	7	41	33	33	36	24	31	15	23	28	23
Все члены семьи	15	17	17	14	22	21	28	27	13	10	11	11	14	25	33	28	29	14	38	29	30	24
<i>Покупка дорогих вещей</i>																						
Муж	25	24	45	29	18	4	18	7	9	16	22	16	26	16	30	18	19	23	25	18	28	17
Жена	25	24	24	30	18	28	6	12	49	31	22	30	12	16	6	13	20	14	14	9	5	20
Отец (свекор)	–	–	2	4	–	–	24	5	3	4	6	4	6	1	1	2	4	2	4	5	6	1
Мать (свекровь)	6	4	8	5	–	–	–	3	17	13	14	13	2	6	–	1	–	4	1	5	3	6
Дети	25	23	12	21	55	41	34	34	9	23	19	23	43	41	31	34	34	40	17	25	30	35
Все члены семьи	19	24	10	12	9	26	18	39	13	13	17	14	11	20	32	33	24	18	40	39	29	21
<i>За кем остается последнее слово</i>																						
Муж	78	40	69	55	61	24	46	33	51	46	53	46	54	37	59	61	66	55	56	41	50	26
Жена	11	32	16	15	4	37	–	3	5	18	5	18	11	21	2	6	6	8	5	9	6	22
Отец (свекор)	–	11	7	13	–	2	29	23	15	16	13	17	8	3	19	8	12	9	7	13	5	5
Мать (свекровь)	–	5	9	5	–	–	–	3	5	7	5	7	2	3	4	4	3	4	2	4	5	5
Дети	6	8	–	10	26	22	9	21	10	7	11	6	18	24	11	15	2	21	6	14	15	25
Все члены семьи	6	5	–	3	9	15	16	17	14	6	13	6	7	12	5	7	12	3	24	20	19	18

Семейно-брачные традиции и нормы этногендерного этикета

Для традиционных культур характерна ведущая роль родителей при выборе брачного партнера для детей. На всех этапах исследования во всех территориальных сегментах Юга России доминирует установка на вступление брак по собственному желанию с учетом мнения родителей. От опроса 2004 г. к опросу 2010 г. в северокавказских республиках усиливались ориентации на заключение брака по воле родителей. На современном этапе наибольшее распространение «традиционной» модели выбора брачного партнера фиксируется в Дагестане. Тогда как в Кабардино-Балкарии, Адыгее и Ростовской области растут показатели вступления в брак по собственному желанию, даже если это вопреки мнению родителей (табл. 3).

Таблица 3

Ответ на вопрос «Каким образом, по Вашему мнению, необходимо вступать в брак и как это произошло в Вашем случае?», %

Ответ	2004 г.			2010 г.				2020 г.			
	КЧР	РИ	РО	КБР	РИ	РА	РО	КБР	РД	РА	РО
<i>По воле родителей</i>											
Необходимо	15	12	–	7	30	28	11	7	17	16	4
В реальности	16	13	2	11	31	32	16	10	24	3	8
<i>По собственному желанию, учитывая мнение родителей</i>											
Необходимо	79	80	75	87	67	68	57	81	73	70	67
В реальности	51	80	64	63	64	63	46	68	60	68	47
<i>По собственному желанию, даже если это вопреки мнению родителей</i>											
Необходимо	7	8	25	6	3	4	32	12	10	13	29
В реальности	33	8	35	26	5	6	37	22	17	29	45

Помимо гендерного разделения труда и ограничения активности женщин семейной сферой, асимметрия гендерных статусов в традиционной культуре отражалась и поддерживалась также через нормы этноэтикета. Одним из компонентов этнических культур народов Северного Кавказа являются обычаи избегания, когда за одним столом не могли находиться женщины и мужчины, а также младшие и старшие по возрасту и статусу в семейной иерархии.

Результаты разных этапов опроса показывают, что традиция раздельной трапезы жены и мужа уже не поддерживается (от 85 до 98 %). Однако если в доме находится свекор или тесть, то в этом случае этногендерный этикет воспроизводится чаще. Пиковые значения показателя соблюдения этого обычая фиксировались во время опроса 2010 г. в Ингушетии и Адыгее.

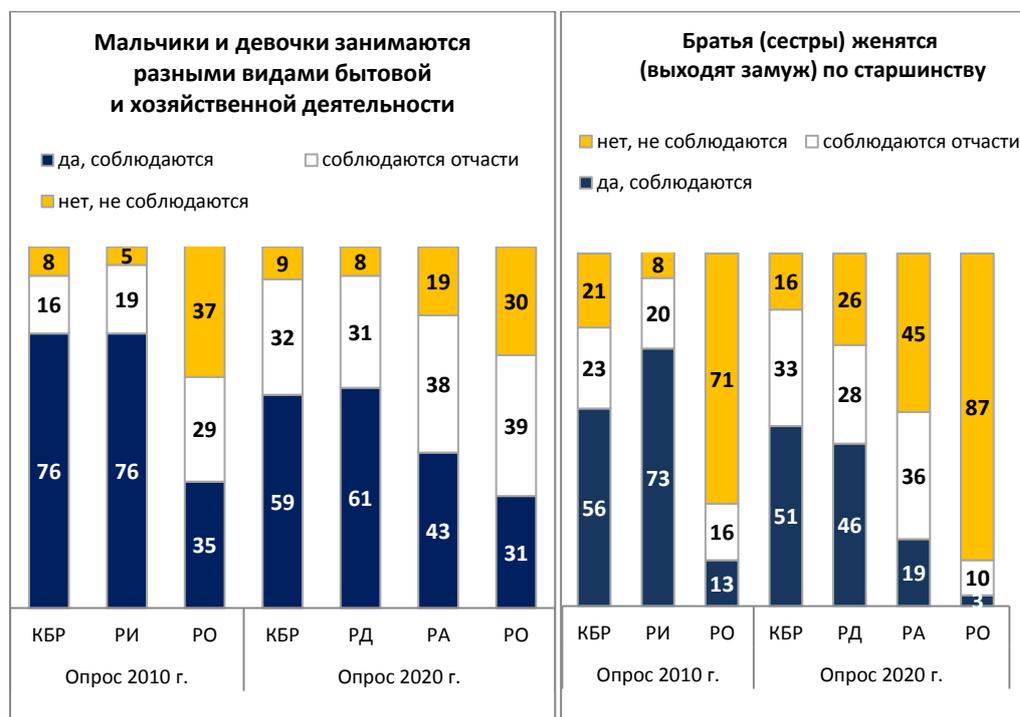

Рис. 4. Ответ на вопрос «Соблюдаются ли в Вашей семье следующие нормы поведения?», %

Выводы

Провозглашаемая в официальных стратегических документах инновационная, опережающая перспектива развития социально-экономической платформы российского общества сопряжена не только с модернизацией технологической основы экономики, но и с реорганизацией социальных отношений. Ведь привнесение новых экономических драйверов и социальных инициатив в традиционалистскую и культурно сегментированную среду, как правило, приводит к низкой эффективности этих инициатив и дисфункциональным последствиям [Fonseca et al., 2019; Janmaat, 2011; Delhey et al., 2018]. В то же время гендер как всепроникающий статус, отражающий уровень и межличностных отношений, и институционального воспроизводства является ярким индикатором социальных трансформаций, которые могут оказывать сильнейшее интенсифицирующее или инерционное влияние на социально-экономическое развитие.

Обобщение результатов повторно-прикладных исследований позволяет обосновать воспроизводство на Юге России трех социокультурных типов гендерного взаимодействия с разным вектором динамики — традиционного (консервативного), переходного и модернизированного. Критериями выделения этих типов выступает содержание гендерных установок (степень выраженности традиционалистских либо модернизированных ориентаций) и совпадение (несовпадение) данных установок в гендерных подгруппах. Выделяются этнотерриториальные сегменты «традиционалистского» типа (Ингушетия, Дагестан), в которых

устойчивыми являются андроцентрические ориентации в семье, разделяемые большей частью мужчин и женщин. В республиках переходного типа (Кабардино-Балкария, Адыгея) на протяжении рассматриваемого периода проявляется разница в установках гендерных подгрупп: нередко женщины ориентированы на деконструкцию традиционного гендерного порядка. В относительно «модернизированных» субрегионах (Ростовская область) наблюдается наибольшая степень эгалитаризации семейных отношений.

Эмпирические замеры показывают, что не оказалась устойчивой тенденция роста роли старшего мужчины (отца/свекра) в семье, которая наблюдалась в северокавказских республиках во время опроса 2010 г., десятилетие спустя его роль снова снизилась. Ослабляются нормы этноэтикета в семейной сфере. Во всех этнотерриториальных сегментах от первого к последнему этапу опроса повышаются показатели коллегальности в финансовом поведении и совершении покупок. Женщины в анализируемых этнотерриториальных сегментах чаще склонны пересматривать традиционные роли в семье. В этой связи можно утверждать, что движущей силой модернизации гендерных отношений на Юге России являются женщины. Поэтому дальнейшее продвижение по пути эгалитаризации гендерного взаимодействия сопряжено с расширением их жизненных сценариев, связанных с получением высшего образования и профессиональной карьерой; активизацией общественной дискуссии по вопросам, ранее относившимся только к сфере частной жизни (распределение семейной власти, домашнее насилие, разводы, аборт, сексуальные отношения и пр.). Необходимо также сделать гендерный анализ комплексным и отслеживать динамику гендерных установок в публичной области социально-экономической и общественной активности.

Библиографический список

- Акжиева С. И. Женщины Северного Кавказа в изменяющихся условиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2012. № 5. С. 247—250.
- Антонова Н. В., Виноградова Н. Л., Леонтьева Е. Ю., Серебрянская В. Н., Клименко Л. В. Гендерные репрезентации в ситуации этнокультурного многообразия южнороссийского региона. Волгоград: Изд-во учеб. и науч. лит. Волгоград. гос. тех. ун-та, 2015. 156 с.
- Безрукова А. А., Калашаова Д. А. Социокультурные трансформации в современной адыгской семье // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2016. Вып. 2. URL: <http://lib.mkgtu.ru/images/stories/journal-vmgtsu/2016-02/018.pdf> (дата обращения: 10.02.2020).
- Верещагина А. В. Межэтническая семья на Северном Кавказе в условиях новой российской цивилизационной реальности // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 3. С. 47—59.
- Загирова Э. М. Традиции и инновации в институциональном пространстве дагестанской семьи // Известия Саратовского университета. Сер.: Социология. Политология. 2017. Т. 17, № 3. С. 298—303.
- Карпов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2013. 408 с.

- Клименко Л. В.* Гендерные диспозиции в современной северокавказской семье: модернизация или архаизация // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 1. С. 20—31.
- Клименко Л. В.* Динамика социетальной сферы Юга России: социокультурное измерение: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Майкоп, 2016. 369 с.
- Костерина И.* Жизнь и положение женщин на Северном Кавказе: (отчет по результатам исследования). 2015. URL: <https://ru.boell.org/ru/2015/05/28/zhizn-i-polozhenie-zhenshchin-na-severnom-kavkaze-otchet-po-rezultatam-issledovaniya> (дата обращения: 22.01.2019).
- Махмудова М. М., Королева А. М., Махмудова Д. М.* Похищение невесты — обычай или вызов времени? // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 1. С. 121—132.
- Плиев А. А., Бабич И. Л.* Женщина как объект и субъект в традиционной брачно-правовой культуре чеченцев и ингушей (1870—1970-е гг.) // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 4. С. 113—125.
- Сиражудинова С. В.* Гражданское общество, традиционализм и ислам на Северном Кавказе. Ростов н/Д: АзовПечать, 2012. 200 с.
- Сиражудинова С. В.* Гендерная политика в республиках Северного Кавказа: современные тенденции // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 1. С. 14—19.
- Сиражудинова С. В.* «Я не могу сказать!»: к проблеме домашнего и сексуального насилия в республиках Северного Кавказа: (по материалам социологического исследования в Республике Дагестан) // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 4. С. 26—35.
- Стародубровская И. В.* Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия // *Журнал исследований социальной политики*. 2019. Т. 17, № 1. С. 39—56.
- Тыкова А. А.* Эволюция социального статуса женщин в обществе: гендерный подход. Майкоп: Майкоп. гос. технол. ун-т, 2006. 126 с.
- Ханаху Р. А.* Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени: (социально-философский анализ). 2-е изд. Ростов н/Д: Аякс, 2001. 190 с.
- Шоажева Н. А.* К вопросу о социодинамике традиционных гендерных стереотипов у народов Северного Кавказа // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики*. 2012. № 10, ч. 2. С. 218—220.
- Шоранова З. В.* Гендерное равенство в культурно-историческом развитии народов Северного Кавказа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2010. 22 с.
- Barnett M. A., Mortensen J. A., Gonzalez H.* Grandmother involvement in Mexican American families // *Journal of Family*. 2016. Vol. 37, iss. 14. P. 1945—1967.
- Berry J. W.* Globalisation and acculturation // *International Journal of Intercultural Relations*. 2008. Vol. 32, № 4. P. 328—336.
- Berry J. W.* Integration and multiculturalism: ways towards social solidarity // *Papers on Social Representations*. 2011. Vol. 20, iss. 1. P. 2.1—2.21.
- Bhopal K.* South Asian women and arranged marriages in East London // *Ethnicity, Gender and Social Change* / ed. by R. Barot, H. Bradley, S. Fenton. London: Palgrave Macmillan, 1999. P. 89—101.
- Cheng C.* Women's education, intergenerational coresidence, and household decision-making in China // *Journal of Marriage and Family*. 2019. Vol. 81, iss. 1. P. 117—134.
- Chien W.-Y., Yi Ch.-Ch.* Marital power structure in two Chinese societies: measurement and mechanisms // *Journal of Comparative Family Studies*. 2014. Vol. 45, iss. 1. P. 93—111.

- Cong Z., Silverstein M. Intergenerational support and depression among elders in rural China: do daughters-in-law matter? // *Journal of Marriage and Family*. 2008. Vol. 70, iss. 3. P. 599—612.
- Delhey J., Boehnke K., Dragolov G., Ignacz Z., Larsen M., Lorenz J., Koch M. Social cohesion and its correlates: a comparison of Western and Asian societies // *Comparative Sociology*. 2018. Vol. 17, iss. 3—4. P. 426—455.
- Dollar C. B. Sex ratios, single motherhood, and gendered structural relations: examining female-headed families across racial-ethnic populations // *Sociological Focus*. 2017. Vol. 50, iss. 4. P. 375—390.
- Firth S. Hindu widows in Britain: continuity and change // *Ethnicity, Gender and Social Change* / ed. by R. Barot, H. Bradley, S. Fenton. London: Palgrave Macmillan, 1999. P. 99—113.
- Fonseca X., Lukosch S., Brazier F. Social cohesion revisited: a new definition and how to characterize it // *Innovation: the European Journal of Social Science Research*. 2019. Vol. 32, iss. 2. P. 231—253.
- Gennetian L. A., Rodrigues C., Hill H. D., Morris P. A. Income level and volatility by children's race and Hispanic ethnicity // *Journal of Marriage and Family*. 2019. Vol. 81, iss. 1. P. 204—229.
- Gonzalez N., Méndez-Pounds J. The impact of acculturation and cultural values on Hispanic immigrants' parenting // *Contemporary Family Therapy*. 2018. Vol. 40, iss. 1. P. 56—67.
- Janmaat J. G. Social cohesion as a real-life phenomenon: assessing the explanatory power of the universalist and particularist perspectives // *Social Indicators Research*. 2011. Vol. 100, iss. 1. P. 61—83.
- Lei L., South S. Racial and ethnic differences in leaving and returning to the parental home // *Demographic Research*. 2016. Vol. 34. P. 109—142.
- Malcarne V. L., Drahota A., Hamilton N. A. Children's health-related locus of control beliefs: ethnicity, gender, and family income // *Children's Health Care*. 2005. Vol. 34, iss. 1. P. 47—59.
- Paasi A. Regions are social constructs, but who or what constructs' them?: agency in question // *Environment and Planning A*. 2010. Vol. 42, iss. 10. P. 2296—2301.
- Paasi A. The region, identity, and power // *Procedia: Social and Behavioral Sciences*. 2011. Vol. 14. P. 9—16.
- Pei Y., Cong Z. Intergenerational ambivalence among Mexican American families // *Journal of Family Studies*. 2019. Vol. 25, iss. 3. P. 305—318.
- Qian Z., Lichter D. T. Changing patterns of interracial marriage in a multiracial society // *Journal of Marriage and Family*. 2011. Vol. 73, iss. 5. P. 1065—1084.
- Sarkisian N., Gerena M., Gerstel N. Extended family integration among Euro and Mexican Americans: ethnicity, gender, and class // *Journal of Marriage and Family*. 2007. Vol. 69, iss. 1. P. 40—54.
- Warren T. Moving beyond the gender wealth gap: on gender, class, ethnicity, and wealth inequalities in the United Kingdom // *Feminist Economics*. 2006. Vol. 12, iss. 1—2. P. 195—219.
- Westlake D. Multiculturalism, political parties, and the conflicting pressures of ethnic minorities and far-right parties // *Party Politics*. 2018. Vol. 24, iss. 4. P. 421—433.
- Zontini E. Enabling and constraining aspects of social capital in migrant families: ethnicity, gender and generation // *Ethnic and Racial Studies*. 2010. Vol. 33, iss. 5. P. 816—831.

References

- Akkieva, S. I. (2012) Zhenshchiny Severnogo Kavkaza v izmeniaiushchikhsia usloviakh [Women of the North Caucasus in a changing environment], *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, no. 5, pp. 247—250.
- Antonova, N. V., Vinogradova, N. L., Leont'eva, E. Iu., Serebrianskaia, V. N., Klimenko, L. V. (2015) *Gendernye reprezentatsii v situatsii étnokul'turnogo mnogoobraziia iuzhnorossiiskogo regiona* [Gender representations in the situation of ethnocultural diversity of the South Russian region], Volgograd: Izdatel'stvo uchebnoï i nauchnoï literatury Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta.
- Barnett, M. A., Mortensen, J. A., Gonzalez, H. (2016) Grandmother involvement in Mexican American families, *Journal of Family*, vol. 37, iss. 14, pp. 1245—1264.
- Berry, J. W. (2008) Globalisation and acculturation, *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 32, iss. 4, pp. 328—336.
- Berry, J. W. (2011) Integration and multiculturalism: ways towards social solidarity, *Papers on Social Representations*, vol. 20, iss. 1, pp. 2.1—2.21.
- Bezrukova, A. A., Kalashaova, D. A. (2016) Sotsiokul'turnye transformatsii v sovremennoï adygskoi sem'e [Sociocultural transformations in the modern Adyghe family], *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, iss. 2, available from <http://lib.mkgtu.ru/images/stories/journal-vmgtu/2016-02/018.pdf> (accessed 10.02.2020).
- Bhopal, K. (1999) South Asian women and arranged marriages in East London, in: Barot, R., Bradley, H., Fenton, S. (eds), *Ethnicity, Gender and Social Change*, London: Palgrave Macmillan, pp. 89—101.
- Cheng, C. (2019) Women's education, intergenerational coresidence, and household decision-making in China, *Journal of Marriage and Family*, vol. 81, iss. 1, pp. 117—134.
- Chien, W., Yi, Ch.-Ch. (2014) Marital power structure in two Chinese societies: measurement and mechanisms, *Journal of Comparative Family Studies*, vol. 45, iss. 1, pp. 93—111.
- Cong, Z., Silverstein, M. (2008) Intergenerational support and depression among elders in rural China: Do daughters-in-law matter?, *Journal of Marriage and Family*, vol. 70, iss. 3, pp. 599—612.
- Delhey, J., Boehnke, K., Dragolov, G., Ignacz, Z., Larsen, M., Lorenz, J., Koch, M. (2018) Social cohesion and its correlates: a comparison of Western and Asian societies, *Comparative Sociology*, vol. 17, iss. 3—4, pp. 426—455.
- Dollar, C. B. (2017) Sex ratios, single motherhood, and gendered structural relations: examining female-headed families across racial-ethnic populations, *Sociological Focus*, vol. 50, iss. 4, pp. 375—390.
- Firth, S. (1999) Hindu widows in Britain: continuity and change, in: Barot, R., Bradley, H., Fenton, S. (eds), *Ethnicity, Gender and Social Change*, London: Palgrave Macmillan, pp. 99—113.
- Fonseca, X., Lukosch, S., Brazier, F. (2019) Social cohesion revisited: a new definition and how to characterize it, *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, vol. 32, iss. 2, pp. 231—253.
- Gennetian, L. A., Rodrigues, C., Hill, H. D., Morris, P. A. (2019) Income level and volatility by children's race and Hispanic ethnicity, *Journal of Marriage and Family*, vol. 81, iss. 1, pp. 204—229.
- Gonzalez, N., Méndez-Pounds, J. (2018) The impact of acculturation and cultural values on Hispanic immigrants' parenting, *Contemporary Family Therapy*, vol. 40, iss. 1, pp. 56—67.
- Janmaat, J. G. (2011) Social cohesion as a real-life phenomenon: assessing the explanatory power of the universalist and particularist perspectives, *Social Indicators Research*, vol. 100, iss. 1, pp. 61—83.

- Karpov, Iu. Iu. (2013) *Zhenskoe prostranstvo v kul'ture narodov Kavkaza* [Women's space in the culture of the peoples of the Caucasus], Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotliarovykh.
- Khanakhu, R. A. (2001) *Traditsionnaia kul'tura Severnogo Kavkaza: vyzovy vremeni: (Sotsial'no-filosofskii analiz)* [Traditional culture of the North Caucasus: challenges of the time: (Socio-philosophical analysis)], 2nd ed., Rostov-on-Don: Aiaks.
- Klimenko, L. V. (2013) Gendernye dispozitsii v sovremennoi severokavkazskoi sem'e: modernizatsiia ili arkhazatsiia [Gender dispositions in the modern North Caucasian family: modernization or archaization], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 20—31.
- Klimenko, L. V. (2016) *Dinamika sotsietal'noi sfery Iuga Rossii: sotsiokul'turnoe izmerenie: Avtoref. dis. ... d-ra sotsiol. nauk* [Dynamics of the societal sphere of the South of Russia: sociocultural dimension: Synopsis of a thesis (Dr. Sc.)], Maykop.
- Kosterina, I. (2015) *Zhizn' i polozhenie zhenshchin na Severnom Kavkaze: (Otchet po rezul'tatam issledovaniia)* [Life and status of women in the North Caucasus: (Report on the results of the study)], available from <https://ru.boell.org/ru/2015/05/28/zhizn-i-polozhenie-zhenshchin-na-severnom-kavkaze-otchet-po-rezultatam-issledovaniya> (accessed 22.01.2019).
- Lei, L., South, S. (2016) Racial and ethnic differences in leaving and returning to the parental home, *Demographic Research*, vol. 34, pp. 109—142.
- Makhmudova, M. M., Koroleva, A. M., Makhmudova, D. M. (2019) Pokhishchenie nevesty — obychai ili vyzov vremeni [Bride abduction — custom or challenge of the times], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 121—132.
- Malcarne, V. L., Drahota, A., Hamilton, N. A. (2005) Children's health-related locus of control beliefs: ethnicity, gender, and family income, *Children's Health Care*, vol. 34, iss. 1, pp. 47—59.
- Paasi, A. (2010) Regions are social constructs, but who or what constructs them?: Agency in question, *Environment and Planning*, vol. 42, iss. 10, pp. 2296—2301.
- Paasi, A. (2011) The region, identity, and power, *Procedia: Social and Behavioral Sciences*, vol. 14, pp. 9—16.
- Pei, Y., Cong, Z. (2019) Intergenerational ambivalence among Mexican American families, *Journal of Family Studies*, vol. 25, iss. 3, pp. 305—318.
- Pliev, A. A., Babich, I. L. (2019) Zhenshchina kak ob'ekt i sub'ekt v traditsionnoi brachno-pravovoi kul'ture chechentsev i ingushei (1870—1970-e gg.) [Woman as an object and subject in the traditional marriage and legal culture of Chechens and Ingush (1870—1970s)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 113—125.
- Qian, Z., Lichter, D. T. (2011) Changing patterns of interracial marriage in a multiracial society, *Journal of Marriage and Family*, vol. 73, iss. 5, pp. 1065—1084.
- Sarkisian, N., Gerena, M., Gerstel, N. (2007) Extended family integration among Euro and Mexican Americans: ethnicity, gender, and class, *Journal of Marriage and Family*, vol. 69, iss. 1, pp. 40—54.
- Shaozheva, N. A. (2012) K voprosu o sotsiodinamike traditsionnykh gendernykh stereotipov u narodov Severnogo Kavkaza [On the sociodynamics of traditional gender stereotypes among the peoples of the North Caucasus], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki*, no. 10, pt. 2, pp. 218—220.
- Shoranova, Z. V. (2010) *Gendernoe ravenstvo v kul'turno-istoricheskom razvitii narodov Severnogo Kavkaza: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Gender equality in the cultural and historical development of the peoples of the North Caucasus: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Nalchik.

- Sirazhudinova, S. V. (2012) *Grazhdanskoe obshchestvo, traditsionalizm i islam na Severnom Kavkaze* [Civil society, traditionalism and Islam in the North Caucasus], Rostov-on-Don: AzovPechat'.
- Sirazhudinova, S. V. (2013) Gendernaia politika v respublikakh Severnogo Kavkaza: sovremennye tendentsii [Gender policy in the republics of the North Caucasus: current trends], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 14—19.
- Sirazhudinova, S. V. (2017) “Ya ne mogu skazat'!”: k probleme domashnego i seksual'nogo nasiliia v respublikakh Severnogo Kavkaza: (Po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia v Respublike Dagestan) [“I can't say!”: on the problem of domestic and sexual violence in the republics of the North Caucasus: (Based on a case study in the Republic of Dagestan)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 26—35.
- Starodubrovskaia, I. V. (2019) Krizis traditsionnoi severokavkazskoi sem'i v postsovetskii period i ego sotsial'nye posledstviia [The crisis of the traditional North Caucasian family in the Post-Soviet period and its social consequences], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol. 17, no. 1, pp. 39—56.
- Tykova, A. A. (2016) *Ėvoliutsiia sotsial'nogo statusa zhenshchin v obshchestve: gendernyi podkhod* [Evolution of the social status of women in society: gender approach], Maykop: Maikopskii gosudarstvennyi tekhnologicheskii universitet.
- Vereshchagina, A. V. (2014) Mezhĕtnicheskaia sem'ia na Severnom Kavkaze v usloviakh novoĭ rossiiskoi tsivilizatsionnoi real'nosti [Interethnic family in the North Caucasus in the context of a new Russian civilizational reality], *Sotsiologicheskaia nauka i sotsial'naia praktika*, no. 3, pp. 47—59.
- Warren, T. (2006) Moving beyond the gender wealth gap: on gender, class, ethnicity, and wealth inequalities in the United Kingdom, *Feminist Economics*, vol. 12, iss. 1—2, pp. 195—219.
- Westlake, D. (2018) Multiculturalism, political parties, and the conflicting pressures of ethnic minorities and far-right parties, *Party Politics*, vol. 24, iss. 4, pp. 421—433.
- Zagirova, E. M. (2017) Traditsii i innovatsii v institutsional'nom prostranstve dagestanskoi sem'i [Traditions and innovations in the institutional space of the Dagestan family], *Izvestiia Saratovskogo universiteta, seriia Sotsiologiia. Politologiia*, vol. 17, no. 3, pp. 298—303.
- Zontini, E. (2010) Enabling and constraining aspects of social capital in migrant families: ethnicity, gender and generation, *Ethnic and Racial Studies*, vol. 33, iss. 5, pp. 816—831.

Статья поступила 15.02.2021 г.

Информация об авторе / Information about the author

Клименко Людмила Владиславовна — доктор социологических наук, профессор кафедры бизнеса в сфере гостеприимства, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, lucl@yandex.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Business in the Field of Hospitality, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. No. 3. P. 117—126
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.9

Женщина в российском обществе
2021. № 3. С. 117—126
ББК 60.99
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.9

ЖЕНЩИНА В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ: СТАТУС И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ТРУДОМ

М. В. Фирсов, М. В. Вдовина

Российский государственный социальный университет,
г. Москва, Россия, mihail_firsov@mail.ru

Представлены результаты социологического исследования положения женщины в современной системе социальной защиты населения, ее ролевых функций и удовлетворенности трудом, проведенного авторами в 2020 г. Выявлено, что, независимо от занимаемой должности, сотрудниками системы статус женщины оценивается как достаточно высокий. Ролевые функции варьируются в широком диапазоне: от руководителя до рядового сотрудника, от специалиста по работе с документами до обслуживающего и ухаживающего за клиентами персонала. Женщине главным образом предписываются функции, связанные с почти «родственной» заботой о нуждающихся в помощи получателях социальных услуг, а также о подчиненных. Удовлетворенность трудом во многом ставится в зависимость от заработной платы, условий труда (график, климат в коллективе и др.), адекватной оценки тяжести труда (работа с людьми, находящимися в трудной жизненной ситуации) со стороны руководства и клиентов, осознания социальной и гуманистической значимости профессии.

Ключевые слова: женщина — сотрудник системы социальной защиты населения, статус, функции, удовлетворенность трудом.

WOMEN IN THE SOCIAL PROTECTION SYSTEM: STATUS AND JOB SATISFACTION

M. V. Firsov, M. V. Vdovina

Russian State Social University, Moscow, Russian Federation,
mihail_firsov@mail.ru

The article presents the results of our own sociological research on the position of women in the modern social protection system, their status and role functions and job satisfaction, conducted in 2020. Previously this problem was not given enough attention in domestic research. The authors of this work revealed that, regardless of the position held, the status of women is assessed as high enough by the employees of the system. Role functions range from a manager to an ordinary employee, from a document specialist to a predominantly customer service and caregiver. Women are mainly assigned functions related to the almost “kindred” care of recipients of social services in need of assistance, as well as subordinates. Job

satisfaction is largely dependent on wages, working conditions (schedule, climate in the team, etc.), an adequate assessment of the severity of work (working with people in difficult situations) on the part of management and clients, awareness of the social and humanistic significance of the profession. There are certain similarities in the assessments of the interviewed experts, regardless of their position, and differences in gender (men tend to slightly overestimate women's work responsibilities and underestimate their level of claims and ability to perform more qualified professional functions, idealize their ability to tirelessly combine work and family responsibilities).

Key words: female employee of the social protection system, status, functions, job satisfaction.

Введение

«Женская» проблематика привлекает к себе внимание ученых различных областей современного социогуманитарного знания.

В фокус внимания российских авторов попадает оценка удовлетворенности семейной жизнью, базирующаяся на гендерном подходе, причем делается вывод о том, что такая удовлетворенность определяется сложившимся в обществе гендерным дисбалансом социального статуса мужчин и женщин [Панкратова, Хасбулатова, 2018: 43].

Проводятся исследования субъективного благополучия как эмоционального регулятора трудового поведения женского персонала, самооценки психологического самочувствия в трудовом коллективе и т. п. [Захарова и др., 2020: 76].

Достаточно актуальна тематика социальной защиты населения, развития профессиональной социальной работы.

Международная повестка дня в области социальной работы включает различные сферы деятельности, в том числе поощрение социального и экономического равенства, укрепление человеческих отношений [Truell, Jones, 2020: 3]. На Международной конференции Международной федерации социальных работников летом 2020 г. одна из основных докладчиков Э. Бесс (MSW, и. о. директора Global Social Service Workforce Alliance) акцентировала внимание на укреплении кадровых ресурсов социальных служб в течение предстоящих 10 лет [Бесс, 2020].

Отечественными авторами исследуются функционирование системы социальной работы в метасфере жизнедеятельности человека, ее системные характеристики [Саралиева, 2019: 415]. Делается акцент на переходе от профессиональной платформы 1.0 к новой платформе 2.0, который характеризуется динамикой от социопатогенного пространства помощи к пространству самоопечения, развитию личностного начала [Firsov et al., 2020: 221—222].

В методологии социальной работы предлагается формирование инклюзивного подхода как стратегии уменьшения неравенства, улучшения качества жизни и защиты прав человека [Ярская, Ярская-Смирнова, 2017: 11]. В то же время не всегда учитывается, что основными субъектами социальной работы являются женщины. Недостаточно исследований, посвященных их положению в системе социальной защиты, удовлетворенности трудом, успешности совмещения профессиональных и семейных обязанностей.

Постановка задач / выдвижение гипотез

Центральными задачами нашего исследования стали описание статуса женщины, работающей в системе социальной защиты, анализ успешности совмещения трудовых и домашних обязанностей, удовлетворенности трудом.

В качестве основной была выдвинута гипотеза о том, что удовлетворенность женщины трудом в системе социальной защиты обусловлена теми ролевыми функциями, которые она выполняет, являющимися, в свою очередь, производными от статуса и занимаемой должности. В качестве гипотезы уточнялась и зависимость этой удовлетворенности от гендерного фактора.

Методы исследования

Ведущими методами исследования стали методы качественного, комплексного и сравнительного анализа, социологического опроса, наблюдения. Информационной базой явились международные и российские научные публикации и документы по проблемам женщин, труда и занятости, социальной работы, вторичные данные эмпирических исследований, результаты первичного опроса по методике открытых вопросов и включенного наблюдения авторов в период работы в системе социальной защиты населения.

Осенью 2020 г. нами было опрошено 107 сотрудников системы социальной защиты населения г. Москвы. Выборка — целевая. Женщины составили 92,5 %, мужчины — 7,5 %. По возрасту респонденты распределились следующим образом: 40,2 % в возрасте 40—49 лет, 29,8 % — 50—59 лет, 23,4 % — 30—39 лет, 4,7 % — 60 лет и старше, 1,9 % — до 30 лет. Стаж работы в системе составил у 30,7 % респондентов 6—10 лет, у 26,8 % 1—5 лет, у 15,7 % 11—15 лет, у 9,2 % свыше 20 лет, у 8,3 % 16—20 лет.

По занимаемым должностям было выделено 3 группы респондентов: руководители (директора учреждений и их заместители, заведующие филиалами и отделениями) составили 31,8 %, специалисты (по социальной работе, психологи) — 32,7 %, работники (социальные работники, младшие воспитатели, медсестры) — 35,5 %.

Указанные категории сотрудников представляют следующие учреждения: территориальные центры социального обслуживания (ТЦСО) — 51,4 %, психоневрологические интернаты (ПНИ) — 18,7 %, центры содействия семейному воспитанию (ЦССВ) — 13,1 %, центры поддержки семьи и детства — 6,5 %, социально-реабилитационные центры — 2,8 %, комплекс социальных жилых домов и ресурсный центр — 2,8 %, центр социальной адаптации лиц БОМЖ — 1,9 %.

Результаты исследования

Как оценивают статус и удовлетворенность трудом в системе социальной защиты опрошенные женщины-руководители?

Руководители высшего звена (в основном заместители директоров учреждений, заведующие филиалами — 7,5 % опрошенных) отметили, что женщина в системе социальной защиты имеет равный статус с мужчиной и может занимать различные должности, выступая в роли как руководителя (по большей мере), так и исполнителя, специалиста или обслуживающего персонала.

Объясняется это, на их взгляд, тем, что женщина быстро адаптируется к любым изменениям нагрузки.

По оценкам этой группы опрошенных, около 2/3 их подчиненных женщин удовлетворены своей работой, стремятся получить дополнительное образование и новые навыки, пытаются внедрить их в свою работу. При этом социальное самочувствие зависит от коллектива, вознаграждения за труд, одобрения руководства, а также от личностных качеств и моральных ценностей.

Однако женщина-начальник, с точки зрения респондентов, с большим трудом совмещает должностные и семейные обязанности, так как основное время уходит на выполнение работы, а домашние обязанности отходят на второй план.

Мужчины-руководители (директора, заместитель — 2,8 %) указывают, что у женщин в системе социальной защиты лидирующие позиции, так как их большинство, они основные работники системы с различным статусом в зависимости от занимаемой должности. Функциональные роли — от обслуживающего персонала до руководящих должностей; основные же функции — уход, социальное обеспечение, уборка, социально-медицинские процедуры.

Совмещение домашней работы и трудовых обязанностей, по мнению мужчин-экспертов, не вызывает трудностей у тех, кто работает по графику 5/2 с 9.00 до 18.00.

Удовлетворенность трудом, по выражению мужчин-руководителей, нормальная, поскольку женщины в системе социальной защиты пользуются заслуженным уважением и получают достойную зарплату.

Опрошенные *руководители среднего звена* (24,3 %; среди них почти все женщины) отмечают, что в системе социальной защиты женщина имеет высокий статус (особенно руководитель), она основной работник в системе. При этом статус мужчины-сотрудника все-таки оценивается выше, хотя женщина справляется с обязанностями гораздо лучше.

По мнению опрошенных *специалистов* по социальной работе (23,4 %), статус женщины в системе социальной защиты можно рассматривать как незаменимый, главного исполнителя, координатора и посредника между государством и клиентами. Профессиональная деятельность воспринимается как престижная и интересная, если к ней подходить с любовью, заботой и вниманием к своим подопечным. Однако в силу «средней» зарплаты статус все-таки средний. Редко имеется возможность для карьерного роста.

Респонденты убеждены, что женщины-специалисты более тонко чувствуют проблемы получателей социальных услуг, соответственно те им больше доверяют, а женщины-руководители — более аккуратно и ответственно относятся к принятию решений. Причем именно женщины в случае необходимости проявляют высокую готовность к многофункциональности в работе.

Сочетать рабочие обязанности с домашними делами удается, особенно незамужним и бездетным сотрудницам. Когда на семью времени не хватает, женщина умеет сгладить эту ситуацию, правильно организовав свое время, распределив домашние обязанности между подросшими детьми и бабушками. Оптимальными для семейных работающих женщин представляются сменные графики труда, например 9.00—14.00, 14.00—20.00. Этой частью опрошенных высказаны предложения о создании льготных условий для детей сотрудниц

(оплата ДОУ, питания в школе, продленка до 20.00, оплата 50 % стоимости проезда на наземном транспорте).

По большей части, как полагает эта группа респондентов, женщины удовлетворены своим трудом в системе социальной защиты, поскольку в эту сферу идут работать люди, выполняющие свою социальную миссию. Чувство удовлетворения работой, своей нужности, значимости и гордости за профессию возникает, когда им удается, например, ребенка-сироту или инвалида обеспечить всем необходимым. Если же зарплату повысить, сделать более приспособленными рабочие помещения (не на первых этажах жилых домов), то, как уверены опрошенные, удовлетворенность возрастет. Волнует эту часть респондентов и некоторая незащищенность сотрудниц в случае конфликтных ситуаций («клиент всегда прав»), склонность к эмоциональному выгоранию, поэтому отмечается необходимость участия психолога.

Какие же оценки высказывают сами психологи из системы социальной защиты (9,3 %)? Как и другие опрошенные, они отмечают различный статус женщины в социальной защите — от рядового работника до руководителя — и соответственно выполнение всех имеющихся в системе функций. Психологи подчеркивают, что в силу того, что женщине больше доверяют и отождествляют с «мамой», ее статус выше, престижнее.

Совмещение трудовых и семейных обязанностей, как полагают эксперты-психологи, складывается у всех по-разному, в зависимости от уровня адаптированности. Но нередко негативные эмоции с работы переносятся домой, и это затрудняет совмещение. Важно уметь переключиться, использовать тайм-менеджмент. Для одиноких женщин, как выразились опрошенные из их числа, подобных проблем совсем не возникает.

Удовлетворенность трудом варьируется, но воспринимается этой группой преимущественно как средняя. Вызывает неудовольствие большой объем бумажной работы.

Опрошенные мужчины-специалисты (2,8 %) предлагают во многом схожие оценки, при этом у них выше неудовлетворенность размером заработной платы.

И наконец, группа из числа социальных работников ТЦСО (19,6 %) в основном идентифицирует женщин в системе социальной защиты как обслуживающий персонал, помощниц получателей социальных услуг.

Относительно совмещения работницами трудовых и домашних обязанностей опрошенные отмечают, что необходимо правильно распределить обязанности в семье и не смешивать их с работой. На себя, на семью и отдых времени остается мало.

Социальное самочувствие многие связывают с усталостью (как физической, так и эмоциональной), отмечая среднюю удовлетворенность трудом. Удовлетворение от работы, согласно мнению опрошенных, зависит от положительного результата трудовых усилий, особенно если есть одобрение со стороны клиентов и руководства.

Что касается младших воспитателей ЦССВ (8,4 % респондентов), то они склонны отождествлять статус женщины в социальной защите с материнским (или няни). Соответственно ролевые функции сосредоточены на заботе о воспитанниках, присмотре и уходе за подопечными детьми. Удовлетворенность

трудом хорошая, потому что, по выражению опрошенных, есть возможность «дать любовь деткам».

7,5 % участников опроса — это медицинские сестры из ПНИ. Они связывают статус и ролевые функции женщины с занимаемой должностью, умениями, навыками, образованием. Работа вызывает чувство удовлетворенности, но это зависит от ее объема и распределения в течение рабочего дня, а также оплаты труда и отношений в коллективе.

В функциональные обязанности сотрудниц мужчины-социальные работники (1,9 %) включают прямой контакт с клиентами, оказание конкретных видов помощи, обеспечение их комфортного проживания, бесконфликтного взаимодействия. Женщины, как пишут эти эксперты, все успевают: в рабочее время выполняют трудовые обязанности, в свободное время — обязанности по дому.

Своим трудом их коллеги, как они полагают, удовлетворены, поскольку ощущают свою нужность людям и гордятся этим.

Обсуждение

Мы солидарны с О. А. Хасбулатовой в том, что запуск в современном российском обществе масштабной программы развития цифровой экономики вызывает необходимость активного участия в ней квалифицированных кадров — как мужчин, так и женщин. Сформировавшиеся в нашей стране гендерная сегрегация на рынке труда, культурные барьеры, окружающие женщин, тормозят развитие новой цифровой экономики, требуется обеспечить в ней гендерный баланс. Значительная перегруженность женщин многочисленными обязанностями ставит их в неравное положение в обществе по сравнению с мужчинами [Хасбулатова, 2018a: 19; 2018b: 49], и результаты нашего исследования тоже фиксируют подобное неравенство, проявляющееся, скорее, имплицитно.

Как отмечали шведские коллеги В. Gustafsson и М. Johansson, анализировавшие на протяжении 16 лет гендерный разрыв в доходах шведских трудящихся, гендерное неравенство в доходах имеет тенденцию увеличиваться [Gustafsson, Johansson, 1996].

По мнению R. Anker, профессиональная сегрегация по признаку пола является одним из наиболее существенных и постоянных аспектов рынков труда во всем мире. Прежде всего она причиняет ущерб женщинам, негативно сказывается на их положении и доходах и, следовательно, на многих социальных переменных, таких как заболеваемость, бедность [Anker, 1997].

Согласно исследованиям 2020 г. Международной организации труда, прогнозируется увеличение безработицы. Многие люди не имеют доступа к оплачиваемой работе, отмечается дефицит достойной работы и сохраняется неравенство на рынке труда [Мировая занятость... , 2020].

По отчету МОТ о социальных перспективах занятости женщин за последние 20 лет, женщины с большей вероятностью, чем мужчины, будут трудиться на работах, «выходящих» за рамки трудового законодательства, положений о социальном обеспечении и соответствующих коллективных договоров; для них остается проблема дискриминации на рабочем месте и гендерных стереотипов [World Employment Social Outlook... , 2018: 5]. В этой связи необходимо проводить

дальнейшие исследования положения женщин, работающих в системе социальной защиты, с позиций гендерной методологии [Смирнова, 2019: 95].

Можно согласиться с зарубежными авторами в том, что, по теории статусных характеристик, женщины будут находиться в уязвимом положении по сравнению с мужчинами в социальных взаимодействиях при прочих равных условиях, однако институционализация женщин в качестве лидеров поможет это преодолеть [Lucas, 2003: 464].

Среди отечественных авторов следует поддержать Н. А. Береговского, указывающего на необходимость предупреждения профессиональных рисков в связи с непосредственным взаимодействием рядовых работниц системы социальной защиты с лицами, находящимися в трудной жизненной ситуации, имеющими в ряде случаев девиантное поведение [Береговский, 2020: 148]; М. Г. Гераськину, предлагающую, по материалам собственного эмпирического исследования, технологии преодоления и профилактики эмоционального выгорания специалистов по социальной работе [Гераськина, 2020: 157]; Т. В. Чуканову, выделившую факторы такого выгорания — неудовлетворенность работой, карьерой, оплатой труда [Чуканова, 2019: 108].

Заключение

В целом статус женщины в системе социальной защиты, независимо от занимаемой должности, оценивается опрошенными сотрудниками достаточно высоко, а ролевые функции располагаются в широком диапазоне: от руководителя до рядового работника, от специалиста по работе с документами до обслуживающего персонала, ухаживающего за недееспособными клиентами.

Удовлетворенность трудом несколько выше у руководящего состава, которым меньше высказывается недовольства относительно зарплаты, эмоционального выгорания. Возможно, последнее объясняется тем, что на должности управленцев изначально стараются назначить людей психологически более закаленных, обладающих навыками тайм-менеджмента.

Значительный акцент опрошенными делается на удовлетворенности оценкой их труда (в первую очередь, материальной, а также моральной — со стороны администрации, получателей социальных услуг), условиями работы (график, помещения, льготы). Подчеркивается социальная значимость профессии, ее гуманистическая ценность; учитываются качество взаимодействия в коллективе и возможности личностного развития. Успешность совмещения трудовых и домашних обязанностей ставится в зависимость от рациональной организации рабочего времени и распределения обязанностей, поддержки женщины со стороны семьи.

В общих чертах оценки женского труда мужчинами, работающими в системе, выглядят несколько завышенными по сравнению с самовосприятием женщин: сотрудницам предписывается некоторая многофункциональность, непритязательность и «неутомляемость». В то же время присутствует уважительное отношение к женской части персонала учреждений, прежде всего в силу того, что женщины преобладают численно, хотя у мужчин в данной системе больше шансов на продвижение по службе. От женщины же в большей степени ожидается забота о клиентах, «материнское» отношение к ним и к подчиненным, повышенная гибкость в поведении, адаптируемость и толерантность.

Библиографический список

- Береговский Н. А.* Виктимологические аспекты профилактики профессиональных рисков в работе социальных работников в экстремальных ситуациях криминального характера // Отечественный журнал социальной работы. 2020. № 1. С. 148—154.
- Бесс Э.* Укрепление кадровых ресурсов социальных служб в течение следующих десяти лет. URL: <https://www.ifsw.org/2020-conference/keynote-speakers/> (дата обращения: 10.12.2020).
- Гераськина М. Г.* Психосоциальная характеристика эмоционального выгорания специалистов по социальной работе // Отечественный журнал социальной работы. 2020. № 2. С. 157—160.
- Захарова Л. Н., Саралиева З. Х., Леонова И. С.* Субъективное благополучие разновозрастного женского персонала инновационных компаний // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 76—88.
- Мировая занятость и социальные перспективы: тенденции 2020 г.: флагманский отчет МОТ. URL: http://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2020/WCMS_734455/lang--en/index.htm (дата обращения: 10.12.2020).
- Панкратова Е. В., Хасбулатова О. А.* Концепция качества семейной жизни в социологии: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 43—52.
- Саралиева З. Х.* Межинституциональное взаимодействие системы социальной работы // Динамика социальной среды как фактор развития потребности в новых профессионалах в сфере социальной работы и организации работы с молодежью: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Нижний Новгород: Науч.-исслед. социол. центр, 2019. С. 415—420.
- Смирнова И. Н.* Гендерная методология исследования образа жизни российских женщин: к постановке проблемы // Государственное управление: Россия в глобальной политике: материалы XVII Международной конференции. М.: Кн. дом «Университет»: Унив. кн., 2019. С. 95—100.
- Хасбулатова О. А.* Российская государственная политика по преодолению гендерного разрыва в цифровой экономике: концептуальные подходы (2018—2030) // Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018—2030): материалы Всерос. конф. с междунар. участием. Плес; Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018а. С. 19—24.
- Хасбулатова О. А.* Технологии создания мифа о равноправии полов: советские практики // Женщина в российском обществе. 2018b. № 4. С. 49—59.
- Чуканова Т. В.* Профилактика синдрома выгорания и стратегии преодоления стресса работников социальной сферы // Отечественный журнал социальной работы. 2019. № 4. С. 108—120.
- Ярская В. Н., Ярская-Смирнова Е. Р.* Методология социальной работы: дискурс инклюзивной культуры // Отечественный журнал социальной работы. 2017. № 2. С. 11—20.
- Anker R.* Theories of occupational segregation by sex // International Labour Review. 1997. Vol. 136. № 3. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/18793387/> (дата обращения: 10.12.2020).
- Firsov M. V., Vdovina M. V., Chernikova A. A.* Digital discourses of psychosocial work in professional platform 2.0 // Economic and Social Development: Book of Proceedings. Moscow, 2020. P. 221—227.
- Gustafsson B., Johansson M.* Earnings inequality and the gender gap. The changing pattern in Sweden 1975—1991 // Works of Department of Social Work. 1996. Vol. 3, № 1. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/18915117/> (дата обращения: 10.12.2020).

- Lucas J. W. Status processes and the institutionalization of women as leaders // *American Sociological Review*. 2003. Vol. 68, № 3. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/17916456/> (дата обращения: 10.12.2020).
- Truell R., Jones D. N. The Global Agenda for Social Work and Social Development: Extending the Influence of Social Work. 2020. URL: https://www.ifsw.org/wp-content/uploads/ifsw-cdn/assets/ifsw_24848-10.pdf (дата обращения: 10.12.2020).
- World Employment Social Outlook. Trends for Women 2018. Global Snapshot / International Labour Office. Geneva: International Labour Organization, 2018. 14 p.

References

- Anker, R. (1997) Theories of Occupational Segregation by Sex, *International Labour Review*, vol. 136, no. 3, available from <http://ecsocman.hse.ru/text/18793387/> (accessed 10.12.2020).
- Beregovskii, N. A. (2020) Viktimologicheskie aspekty profilaktiki professional'nykh riskov v rabote sotsial'nykh rabotnikov v ékstremaal'nykh situatsiakh kriminal'nogo kharaktera [Victimological aspects of prevention of professional risks in the work of social workers in extreme situations of a criminal nature], *Otechestvennyi zhurnal sotsial'noi raboty*, no. 1, pp. 148—154.
- Bess, È. (2020) *Ukreplenie kadrovyykh resursov sotsial'nykh sluzhb v techenie sleduiushchikh desiati let* [Strengthening the human resources of social services over the next ten years], available from www.ifsw.org/2020-conference/keynote-speakers/ (accessed 10.12.2020).
- Chukanova, T. V. (2019) Profilaktika sindroma vygoraniia i strategii preodoleniia stressa rabotnikov sotsial'noi sfery [Prevention of burnout syndrome and strategies for overcoming social workers' stress], *Otechestvennyi zhurnal sotsial'noi raboty*, no. 4, pp. 108—120.
- Firsov, M. V., Vdovina, M. V., Chernikova, A. A. (2020) Digital discourses of psychosocial work in professional platform 2.0, in: *Economic and Social Development: Book of Proceedings*, Moscow, pp. 221—227.
- Geras'kina, M. G. (2020) Psikhosotsial'naia kharakteristika émotionsional'nogo vygoraniia spetsialistov po sotsial'noi rabote [Psychosocial characteristics of emotional burnout of social work specialists], *Otechestvennyi zhurnal sotsial'noi raboty*, no. 2, pp. 157—160.
- Gustafsson, B., Johansson, M. (1996) Earnings inequality and the gender gap. The changing pattern in Sweden 1975—1991, *Works of Department of Social Work*, vol. 3, no. 1, available from <http://ecsocman.hse.ru/text/18915117/> (accessed 10.12.2020).
- Iarskaia, V. N., Iarskaia-Smirnova, E. R. (2017) Metodologiya sotsial'noi raboty: diskurs inkluzivnoi kul'tury [Methodology of social work: the discourse of inclusive culture], *Otechestvennyi zhurnal sotsial'noi raboty*, no. 2, pp. 11—20.
- Khasbulatova, O. A. (2018a) Rossiiskaia gosudarstvennaia politika po preodoleniiu gendernogo razryva v tsifrovoi ékonomike: kontseptual'nye podkhody (2018—2030) [Russian state policy on bridging the gender gap in the digital economy: conceptual approaches (2018—2030)], in: *Gendernoe izmerenie tsifrovoi ékonomiki: ot strategii k deistviu (2018—2030): Materialy Vserossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*, Plës, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 19—24.
- Khasbulatova, O. A. (2018b) Tekhnologii sozdaniia mifa o ravnopravii polov: sovetskie praktiki [Technologies for creating a myth about gender equality: Soviet practices], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 49—59.

- Lucas, J. W. (2003) Status processes and the institutionalization of women as leaders, *American Sociological Review*, vol. 68, no. 3, available from <http://ecsocman.hse.ru/text/17916456/> (accessed 10.12.2020).
- Mirovaia zaniatost' i sotsial'nye perspektivy: tendentsii 2020 g.*: Flagmanskii otchet MOT [World employment and social prospects: trends 2020: Flagship report of the ILO], available from www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2020/WCMS_734455/lang-en/index.htm (accessed 10.12.2020).
- Pankratova, E. V., Khasbulatova, O. A. (2018) Kontseptsiiia kachestva semeinoi zhizni v sotsiologii: gendernyi aspekt [The concept of quality of family life in sociology: Gender aspect], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 43—52.
- Saraliev, Z. Kh. (2019) Mezhinstitutsional'noe vzaimodeistvie sistemy sotsial'noi raboty [Interinstitutional interaction of the social work system], in: *Dinamika sotsial'noi sredy kak faktor razvitiia potrebnosti v novykh professionalakh v sfere sotsial'noi raboty i organizatsii raboty s molodezh'iu*: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Nizhny Novgorod: Nauchno-issledovatel'skii sotsiologicheskii tsentr, pp. 415—420.
- Smirnova, I. N. (2019) Gendernaia metodologiia issledovaniia obraza zhizni rossiiskikh zhenshchin: k postanovke problemy [Gender methodology for studying the lifestyle of Russian women: towards a problem statement], in: *Gosudarstvennoe upravlenie: Rossiia v global'noi politike*: Materialy XVII Mezhdunarodnoi konferentsii, Moscow: Knizhnyi dom «Universitet», Universitetskaia kniga, pp. 95—100.
- Truell, R., Jones, D. N. (2020) *The Global Agenda for Social Work and Social Development: Extending the Influence of Social Work*, available from www.ifsw.org/wp-content/uploads/ifsw-cdn/assets/ifsw_24848-10.pdf (accessed 10.12.2020).
- World Employment Social Outlook. Trends for Women 2018. Global Snapshot* (2018), Geneva: International Labour Organization.
- Zakharova, L. N., Saraliev, Z. Kh., Leonova, I. S. (2020) Sub'ektivnoe blagopoluchie raznovozrastnogo zhenskogo personala innovatsionnykh kompanii [Subjective well-being of female employees of different ages in innovative companies], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 76—88.

Статья поступила 22.12.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Фирсов Михаил Васильевич — доктор исторических наук, профессор факультета психологии, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия, mihail_firsov@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Psychology, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation).

Вдовина Маргарита Владимировна — доктор социологических наук, профессор факультета социологии, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Sociology, Moscow, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. No. 3. P. 127—134
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.10

Женщина в российском обществе
2021. № 3. С. 127—134
ББК 85.374.3(2)6
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.10

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ-РУКОВОДИТЕЛЬНИЦЫ В СОВЕТСКОМ КИНО

М. Р. Торбург^a, С. В. Добронравов^b

^a Национальный исследовательский технологический университет
«Московский институт стали и сплавов» («МИСиС»), г. Москва, Россия,
g.deleuze@yandex.ru

^b Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Исследуется трансформация типичных образов женщин-руководительниц в советском кино. До конца сталинской эпохи создавались политизированные образы женщин-руководительниц, которые служили реализации государственного курса Коммунистической партии, утверждающего равенство полов. В период «оттепели» появляются более реалистичные образы женщин-руководительниц, которые по своим волевым и деловым качествам не уступают мужчинам. Они добиваются всего своими силами, тогда как партия в кадре как социальная сила отсутствует. И наконец, в 70-х гг. женщина-руководительница стала изображаться неполноценной личностью. В советском кинематографе проявились те самые патриархальные установки, с которыми он боролся на протяжении всего своего предшествующего существования.

Ключевые слова: эволюция образа в кино, женщина-руководительница, равноправие полов, полноправная личность, патриархальные установки, идеологическая ангажированность, гендерный стереотип.

THE EVOLUTION OF THE WOMAN-LEADER IMAGE IN SOVIET CINEMA

M. R. Torburg^a, S. V. Dobronravov^b

^a National University of Science and Technology (MISIS),
Moscow, Russian Federation, g.deleuze@yandex.ru

^b State University of Management, Moscow, Russian Federation

In the article the authors investigate the transformation of typical images of women leaders in Soviet cinema. Until the end of the Stalin era, politicized images of women leaders were created, which were mainly intended to justify state power and the course of the Communist Party, which proclaimed gender equality. More realistic images of women

leaders, who are not inferior to men in their strong-willed and business qualities, appeared during the years of the “thaw” when the ideological pressure of state power on art became less strong. Women are depicted as independent and capable of achieving everything on their own. In the films of this period the party — as a social force — is absent. And finally, the 70s manifested the very patriarchal attitudes that Soviet cinema fought throughout its entire existence: the female leader began to be portrayed as an inferior person. The directors of this period promote the idea that the true essence of a woman is not career-oriented. For a woman, first of all, marriage and family should be the most important ideas and values. Moreover, ideally any woman should share the values and attitudes of the man she is going to marry. Such a metamorphosis was a sign of the decomposition of the Soviet system and the development of bourgeois relations, giving rise to the return of patriarchal views to Soviet society.

Key words: evolution of the image in the cinema, female leader, gender equality, fulfilled personality, patriarchal attitudes, ideological commitment, gender stereotype.

Советское кино, снискав вначале громкий успех на Западе и повлияв на развитие всего мирового кинематографа, в дальнейшем утратило свой новаторский характер. В сталинскую эпоху давление государства на искусство было настолько сильным, что фильмы, особенно на социальные темы, нередко превращались в незатейливую иллюстрацию пропагандистских лозунгов Коммунистической партии. Мифологизируя социальную реальность, они служили побуждением к действиям, соответствующим ее курсу. В годы «оттепели», несмотря на относительную либерализацию и демократизацию советского общества, Коммунистическая партия по-прежнему продолжала руководить киноискусством, отчетливо проводя в фильмах на социальные темы свои идеологические установки. И если в этот период события, происходящие в фильмах, нередко отражали социальную реальность, то персонажи явно идеализировались с целью мотивации населения на ударный труд. В период же застоя Коммунистическая партия утратила былую силу и потеряла контроль над киноискусством, в результате чего кино на социальные темы стало изображать реальные личности и события. Особенно рельефно эти метаморфозы, произошедшие в советском киноискусстве, заметны на примере образов женщин-руководительниц разных эпох.

Весьма показателен в этом отношении образ Александры Соколовой, созданный в 1939 г. режиссерами фильма «Член правительства» А. Зархи и И. Хейфицем. События фильма происходят в период коллективизации, когда в основе политического курса Коммунистической партии лежал тезис, выдвинутый еще в первые годы советской власти: «...построение социализма невозможно без обобществления труда... без этого женщина не получит освобождения» [Бакли, 1989: 167]. Фильм довольно динамично и последовательно воплощает на экране установку И. Сталина на привлечение женщин к работе в колхозах, сформулированную им в 1933 г. на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников: «Женщины в колхозах — большая сила. Держать эту силу под спудом — значит совершать преступление. Наша обязанность состоит в том, чтобы выдвигать вперед женщин в колхозах и пустить эту силу в дело. <...> Что же касается самих колхозниц, то они должны помнить о силе и значении колхозов для женщин, должны помнить, что только в колхозе имеют они возможность стать на равную ногу с мужчиной. Без колхозов — неравенство, в колхозах —

равенство прав» [Сталин, 1955: 251, 252]. В это время Советское государство, остро нуждаясь прежде всего в рабочей силе, пыталось средствами кинематографа вовлечь женщин в систему общественного производства.

Посредством образа Соколовой — полуграмотной крестьянской женщины, которая прошла головокружительный карьерный путь от простой батрачки до депутата Верховного Совета СССР, фильм внушал, что не занятые в общественной жизни женщины явно недооценивают себя, свои силы и возможности в деле «социалистического строительства». Образ же Соколовой — свидетельство их общественной значимости и образец для подражания. Фильм настраивает женщин на работу с большим энтузиазмом и усердием на благо Советского государства — при условии, конечно же, одобрения и поддержки их деятельности Коммунистической партией, которая постоянно присутствует в кадре. В изображении авторов фильма советской женщине все по плечу: Соколова становится председателем только что образовавшегося колхоза, не имея ни образования, ни опыта организаторской деятельности, вопреки мнению мужа (который, не желая подчиняться жене, принимает решение уйти из дома), да к тому же имея двух малолетних детей на руках. Такая позиция режиссеров является художественным выражением известного тезиса И. Сталина: «Говорят, что невозможно коммунистам, особенно же рабочим коммунистам-хозяйственникам, овладеть химическими формулами и вообще техническими знаниями. Это неверно... Нет в мире таких крепостей, которых не могли бы взять трудящиеся, большевики» [Сталин, 1949: 58].

Деятельность Соколовой на посту председателя колхоза полностью соответствует приведенному выше тезису Сталина и выглядит, особенно по сегодняшним критериям, весьма нереально. Так, она организует большинство местных женщин на противодействие бойкотирующим колхозные порядки мужчинам (в первую очередь их мужьям), которые первоначально не желали отказываться от ведения единоличного хозяйства. Как известно, женщины в России исторически жили в соответствии с патриархальными традициями и никак не могли в одночасье от них освободиться. Более того, Соколова, как будто она опытный экономист-практик, изобретает и вводит в действие новую систему учета и оплаты труда: теперь она зависит от того, насколько производителен труд конкретного члена колхоза вне зависимости от его половой принадлежности. Этот эпизод иллюстрирует марксистскую идеологию, согласно которой человек труда способен без всякого образования, только на основе своей непосредственной практики решать важные экономические вопросы. Например, еще до революции 1917 г. русский марксист А. Богданов без каких-либо сомнений писал: «Лет пятнадцать тому назад, когда распространение марксизма среди русских рабочих было ничтожно, мне сообщали такую историю. Один разъезжавший с просветительными целями товарищ, пробравшись на фабрику в захолустном селе, наткнулся там на кружок рабочих по характеру чисто дружеский, а отнюдь не политический. Рабочие эти не имели никаких научных книг и не слыхали о существовании Маркса, но, собираясь вместе и обсуждая условия своей жизни, они самостоятельно пришли к основным положениям теории прибавочной стоимости» [Богданов, 1911: 43].

Безропотная же реакция Соколовой на неожиданное возвращение в дом бросившего семью на произвол судьбы мужа соответствует идеологической установке Коммунистической партии на укрепление института семьи: «...по мере все более прочного внедрения социалистических принципов в нашу жизнь советская семья укрепляется и развивается» [Вольфсон, 1937: 231]. Образ Соколовой всецело мифологизирован, будучи ходульной иллюстрацией политических установок правящей партии, а не отражением тогдашней социальной реальности и, в частности, положения женщин в обществе.

В годы «оттепели», когда идеологическое давление государственной власти на искусство стало менее сильным и не таким прямолинейным, претерпели изменения и образы женщин-руководительниц в кино. В отличие от личности Соколовой, которая была полностью «выкована» партией и именно благодаря ей превратилась во всеми признанного общественного деятеля, женщины-руководительницы, появившиеся на экране в годы «оттепели», показаны как самостоятельные индивиды, чье становление происходило через преодоление жизненных трудностей, а карьерные успехи были обусловлены их преданностью делу Коммунистической партии. Такая подача образов женщин-руководительниц была инспирирована новой линией партии: «Попытки Хрущева демократизировать политический процесс в СССР и усилить политическую мобилизацию общества почти неизбежно вели к постановке вопроса, кто участвует в политической жизни страны, а кто нет». Именно поэтому «к концу 50-х годов вопрос о роли женщин в политической жизни страны стал привлекать больше внимания» [Бакли, 1989: 168].

В этот период образы женщин-руководительниц на экране создают режиссер И. Анненский в фильме «Екатерина Воронина» (1957) и режиссер Ю. Егоров в фильме «Простая история» (1960). Обе героини — и Воронина, и Потапова — показаны как женщины-труженицы, обладающие волевым и независимым характером. Будучи начинающим руководителем участка в речном порту, Воронина сумела сломать бюрократическое противодействие своего непосредственного начальника, который заботился больше об отчетности, чем о производительности вверенного ему дела. Потапова же в годы послевоенной разрухи взяла на себя руководство родным колхозом, что хорошо резонирует с тезисом, озвученным Н. Хрущевым на XX съезде КПСС: «Нельзя пройти... мимо того факта, что в ряде партийных и советских органов робко выдвигают женщин на руководящие посты. Крайне мало женщин на руководящей партийной и советской работе» (цит. по: [Бакли, 1989: 68]). Потапова справлялась со своими обязанностями значительно лучше, чем мужчины. Ее главным преимуществом было то, что она не только разделяла судьбу женщин-вдов, которых после войны осталось в колхозе большинство, но и понимала их чаяния.

Если Воронина нашла семейное счастье, то личная судьба Потаповой так и осталась неустроенной. Авторы фильма проводят мысль, что для сильной женщины общественные интересы и любовь к родной земле важнее семейного счастья. Образ Потаповой идеологически и морально поддерживал женщин, потерявших мужей во время войны и несших на своих плечах все тяготы послевоенного восстановления страны.

Однако такие образы женщин-руководительниц, созданные в годы «оттепели», были явно идеализированы. Они в значительной степени служили средством для мотивации советских женщин на усиленный труд в сфере общественного производства.

В годы застоя образы женщин-руководительниц, появившихся на экране, радикально изменились, что было связано с изменением характера власти и ее взаимоотношений с обществом. Еще в 1969 г. советский историк диссидент А. Амальрик отмечал: «Происходящий процесс “увеличения степеней свободы” правильнее всего было бы назвать процессом дряхления режима. Просто-напросто режим стареет и уже не может подавлять все и вся с прежней силой и задором: меняется состав его элиты, как мы уже говорили; усложняется характер жизни, в которой режим ориентируется уже с большим трудом; меняется структура общества» [Амальрик, 1991: 657]. В отсутствие действенного партийного контроля над процессом художественного творчества появились произведения искусства (в том числе и фильмы), показывающие и реальное положение женщины в советском обществе, и реальное отношение к ней: «В литературе и особенно в средствах массовой информации стала заметной вредная для создания новой семьи тенденция к идеализации образа женщины как хранительницы домашнего очага, воспитательницы детей, на которой якобы лежит обязанность обслуживать детей и ухаживать за мужем» [Поленина, 1989: 70].

Весьма реалистично изображает крушение всей жизни главной героини Елизаветы Уваровой Г. Панфилов в фильме «Прошу слова» (1975). Это «трагическая история женщины на мужском месте», которая, «не задумываясь, приглушает свои женские инстинкты» [Глеб Панфилов]. В качестве иллюстрации своего замысла режиссер использует мелодию танго «Сильва», рефреном проходящую через весь фильм. Такой художественный прием указывает зрителю на деформацию жизненных приоритетов Уваровой: вначале эта мелодия служит фоном к свиданию героини с мужем, зачатию и рождению первого ребенка, мечтам о будущих детях — моментам счастья Уваровой, когда в ней раскрывается ее подлинная женская природа, зовущая посвятить себя детям и дому. В дальнейшем же мелодия «Сильвы» сопровождает действия героини по подготовке строительства нового жилого микрорайона: общественная деятельность, а не семья становится смыслом ее жизни. Таким образом, режиссер дает зрителю понять, что общественная деятельность не соответствует подлинному предназначению женщины: «Вся жизнь Елизаветы с момента вступления в должность — это конфликт женского начала с началом общественным (бесполом). И это борьба чувств (советского) долга и долга материнского» [там же].

Г. Панфилов не только осуждает общественные устремления Уваровой, но и дискредитирует ее как личность. Так, в беседе с писателем, обратившимся к ней за разрешением на постановку его пьесы, Уварова изображается как интеллектуально ограниченный догматик, мыслящий исключительно пропагандистскими штампами. Карикатурно подана и примитивная идеологическая оценка Уваровой творчества Ж.-П. Сартра: «Не люблю. Левак».

Неодобрительно режиссер показывает и занятие героини спортивной стрельбой, в которой она достигла больших высот. «Страшная ирония заключается в том, что Уварова — чемпион по стрельбе, а сын принимает смерть от орудия успеха матери» [там же].

Столь же отрицательно Панфилов относится к эмансипаторским убеждениям героини, тем самым достаточно прозрачно осуждая и саму советскую идеологию. Так, Уварова, оправдывая то, что из-за занятия общественной деятельностью у нее не хватает времени на свою семью, воспроизводит идеологические штампы: воспитание детей — дело всего общества, а не отдельной семьи; стирка — дело не женщины, а банно-прачечного комбината... В этих высказываниях она в сжатой форме озвучивает соответствующие тезисы классиков марксизма: «Действительное равноправие между мужчиной и женщиной может... осуществиться только тогда, когда будет уничтожена эксплуатация капиталом тех и других, а ведение домашнего хозяйства, которое является теперь частным занятием, превратится в отрасль общественного производства» [Энгельс, 1964: 294].

Реалистичный образ, в котором явно негативно оценивается независимость женщины-начальника, создает также В. Меньшов в фильме «Москва слезам не верит» (1979). Примечательно, что этот фильм не только стал любимым многими нашими соотечественниками, но и получил престижную международную награду — американскую премию «Оскар». Показательно, что именно в тот период президент США Р. Рейган и его администрация взяли курс на поддержку консервативных ценностей.

Главная героиня фильма Екатерина Тихомирова сумела построить успешную карьеру. Она прошла путь от простой работницы до директора крупного химического комбината. Но жизнь Тихомировой, добившейся всего своими собственными усилиями, тем не менее оказывается неполноценной. Чтобы показать, что смыслом жизни для женщины является семья, возглавляемая мужчиной, режиссером создается персонаж по имени Гоша. Несмотря на большую разницу в социальном статусе, Гоша сразу же завоевывает расположение Тихомировой. Этим режиссер показывает, что для женщины мужчина ценен сам по себе. Закономерно, что Гоша, будучи «настоящим мужчиной», которого «так долго искала» главная героиня, придерживается патриархальных представлений. Так, он полагает, что мужчина в семье должен быть главным: «Я теперь буду все решать только на том простом основании, что я мужчина».

Мысль, что женщина не может быть полноценной сама по себе — таковой ее делает мужчина, проводит также и режиссер Э. Рязанов в фильме «Служебный роман» (1977). Людмила Калугина — директор крупного статистического учреждения, успешно справляющаяся со своими обязанностями. Однако уже в самом начале фильма весьма прямолинейно звучит высказывание, которое задает направленность зрительского восприятия всех остальных событий: «Людмила Прокофьевна приходит на службу раньше всех, а уходит позже всех. Понятно, что она, увы, не замужем». В этом высказывании четко выражен гендерный стереотип, воплощаемый режиссером по мере разворачивания сюжета фильма, согласно которому активная общественная деятельность женщины обусловлена неустроенностью ее личной жизни. Сюжетная линия фильма строится на том, что между Калугиной и ничем не примечательным рядовым сотрудником Новосельцевым внезапно завязывается роман, который и раскрывает в ней женские качества, тогда как раньше они были подавлены ее ответственной должностью. Этим режиссер дает зрителю понять, что для проявления в женщине

ее подлинной сущности ей нужен мужчина, причем вне зависимости от его социального статуса и деловых качеств. Кроме того, по мысли режиссера, мужчина просто необходим женщине в ситуации морального выбора, так как она в силу своей эмоциональности может быть необъективна и пойти на поводу у чувств, вопреки разуму.

Показательно, что в середине 1970-х гг. в проекте новой Конституции СССР, составленном главными научными и партийными учреждениями страны, статья о равноправии полов была дана в следующей формулировке: «Женщина имеет равные права с мужчиной». Только после общественных протестов против такой декларации вторичности женщины по отношению к мужчине была принята новая формулировка: «Женщина и мужчина имеют равные права» [Новикова, 1985: 39].

Таким образом, анализ эволюции образов женщин-руководительниц в советских фильмах позволяет выделить три способа изображения женщин. В сталинский период, когда Коммунистическая партия всецело руководила киноискусством, образы женщин-руководительниц, как и вся изображаемая социальная действительность, мифологизировались. В годы «оттепели», в условиях относительной либерализации и демократизации общества, образы женщин-руководительниц были идеализированы на фоне реально отображаемых на экране исторических событий. И наконец, в 70-х гг., когда Коммунистическая партия утратила контроль за киноискусством, изображаемая социальная реальность и образы женщин-руководительниц стали подаваться в значительной степени правдиво, что отразило на экране существующие в советском обществе патриархальные предрассудки.

Библиографический список

- Амальрик А.* Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? // Погружение в трясину: (анатомия застоя). М.: Прогресс, 1991. С. 643—675.
- Бакли М.* Советская идеология и роль женщины // Кризис идеологии с точки зрения советологов. М.: Прогресс, 1989. С. 165—187.
- Богданов А. А.* Культурные задачи нашего времени. М.: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1911. 92 с.
- Вольфсон С. Я.* Семья и брак в их историческом развитии. М.: Соцэкгиз, 1937. 244 с.
- Глеб Панфилов.* Официальный сайт режиссера. Фильмография. «Прошу слова». URL: <http://www.glebpanfilov.ru/index/filmography/fid/2> (дата обращения: 10.12.2020).
- Новикова Э. Е.* Женщина в развитом социалистическом обществе. М.: Мысль, 1985. 158 с.
- Поленина С. В.* Положение в обществе и в семье // Женщины в современном мире. М.: Наука, 1989. С. 64—73.
- Сталин И. В.* Сочинения. М.: Госполитиздат, 1949. Т. 11. 390 с.
- Сталин И. В.* Сочинения. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 13. 434 с.
- Энгельс Ф.* Письмо Гертруде Гильом-Шак // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1964. Т. 36. С. 293—294.

References

- Amal'rik, A. (1991) Prosushchestvuet li Sovetskii Soiuz do 1984 goda? [Will the Soviet Union last until 1984?], *Pogruzhenie v triasinu: (Anatomiia zastoia)*, Moscow: Progress, pp. 643—675.
- Backli, M. (1989) Sovetskaia ideologiia i rol' zhenshchiny [Soviet ideology and the role of women], in: *Krizis ideologii s točki zreniia sovetoologov*, Moscow: Progress, pp. 165—187.
- Bogdanov, A. A. (1911) *Kul'turnye zadachi nashego vremeni* [Cultural challenges of our time], Moscow: S. Dorovatovskii i A. Charushnikov.
- Èngel's, F. (1964) Pis'mo Gertrude Gil'om-Shak [A letter to Gertrude Guillaume-Schack], in: Marks, K., Èngel's, F., *Sochineniia*, vol. 36, Moscow: Politizdat, pp. 293—294.
- Novikova, E. E. (1985) *Zhenshchina v razvitom sotsialisticheskom obshchestve* [Woman in a developed socialist society], Moscow: Mysl.
- Polenina, S. V. (1989) Polozhenie v obshchestve i v sem'e [Status in society and in the family], in: *Zhenshchiny v sovremennom mire*, Moscow: Nauka, pp. 64—73.
- Stalin, I. V. (1949) *Sochineniia* [Works], vol. 11, Moscow: Gospolizdat.
- Stalin, I. V. (1955) *Sochineniia* [Works], vol. 13, Moscow: Gospolizdat.
- Vol'fson, S. Ia. (1937) *Sem'ia i brak v ikh istoricheskom razvitiu* [Family and marriage in their historical development], Moscow: Sotsëkgiz.

Статья поступила 12.12.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Торбург Марина Робертовна — кандидат философских наук, доцент кафедры социальных наук и технологий, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», г. Москва, Россия, g.deleuze@yandex.ru (Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Social Sciences and Technology, National University of Science and Technology (MISIS), Moscow, Russian Federation).

Добронравов Сергей Викторович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Государственный университет управления, г. Москва, Россия, mggu_kphk@mail.ru (Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Philosophy, State University of Management, Moscow, Russian Federation).

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Woman in Russian Society

2021. No. 3. P. 135—143

DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.11

Женщина в российском обществе

2021. № 3. С. 135—143

ББК 63.3(29=632)53-284.3

DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.11

«ПРОШУ РАЗРЕШИТЬ РАСТОРГНУТЬ БРАК С МУЖЕМ...»: О РАЗВОДАХ У БАШКИР ПО ИНИЦИАТИВЕ ЖЕНЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX в.)

Р. Н. Сулейманова, Ш. Н. Исянгулов

Уфимский федеральный исследовательский центр, Российская академия наук,
г. Уфа, Россия, rnsulejman@mail.ru

Рассматривается практика разводов у башкир по инициативе жены во второй половине XIX — начале XX в. Основное внимание обращается на причины разводов. Жена могла потребовать развод при следующих обстоятельствах: бедность мужа, неполная уплата калыма, жестокое обращение мужа, ссылка его на каторгу или на поселение в Сибирь с лишением всех прав состояния, безвестная отлучка свыше 5 лет, гибель во время службы в армии, неспособность к супружеской жизни и др. Впервые дается характеристика развода по подписке (тагаллику) определенных условий мужем. Тагаллик составлялся муллой и заносился в метрическую книгу, подписывался мужем. При нарушении условий тагаллика мужем жена могла потребовать развод. Однако в официальной статистике разводы по тагаллику не получили отражения. Статистические сведения о разводах в Уфимской губернии составлялись по вероисповеданиям за 1860—1880-е гг. Общие коэффициенты разводимости, а также многочисленные прошения о разрешении расторжения браков свидетельствуют о значительной распространенности разводов, о защите башкирками своих прав в данном вопросе.

Ключевые слова: башкиры, жена, муж, развод, хлюг, тагаллик, общий коэффициент разводимости, регион.

**“I REQUEST THE TERMINATION
OF THE MARRIAGE WITH MY HUSBAND...”:
ON DIVORCES INITIATED BY WIVES AMONG BASHKIRS
(THE SECOND HALF OF THE XIX — EARLY XX c.)**

R. N. Suleimanova, Sh. N. Isyangulov

Ufa Federal Research Centre, Russian Academy of Sciences,
Ufa, Russian Federation, rnsulejman@mail.ru

The article deals with the practice of divorce among Bashkirs initiated by their wives in the second half of the XIX — early XX c. It focuses on the causes of divorce. The wife could demand a divorce under the following circumstances: her husband's poverty, incomplete payment of kalym, ill-treatment, his exile to hard labor or exile to Siberia with the deprivation of all rights to the state, unknown absence for more than 5 years, death while serving in the army, inability to execute marital duties etc. All these cases were quite common in practice. For the first time, a description of a divorce by subscription (tagallik) of certain conditions by the husband is given. Tagallik was prepared by a mullah and recorded in the metric book, signed by her husband. A breach of the conditions of tagallik could lead to the demand to divorce. However, the official statistics divorces by tagallik is not reflected. Statistics on divorce were compiled for the Ufa province by religion for the 1860—1880s. They show that divorces initiated by the wife (hlyug) were 3—4 times more common than divorces at the request of the husband (talak). Common divorce rates, as well as numerous petitions deposited in the archive, indicate a significant prevalence of divorce, and the protection of their rights in this matter by Bashkir women.

Key words: bashkirs, wife, man, divorce, hlyug, tagallik, the overall rate of divorce, region.

Разводы у башкир, в том числе по инициативе жены, в дореволюционный период были достаточно распространенным явлением. Право развода принадлежало мужу, и лишь иногда он мог его передавать своей жене. Данный вопрос уже привлекал внимание исследователей (см., напр.: [Назаров, 1890: 192; Никольский, 1899: 116; Руденко, 2006: 226; Асфандияров, 1997: 69—73]). Однако тема достаточно обширная и не все ее аспекты получили отражение в историографии. В частности, отсутствует описание разводов в случаях, когда причиной становилось невыполнение мужем определенных брачных условий.

В статье рассматриваются формы и причины разводов у мусульман по инициативе женщины на примере башкир во второй половине XIX — начале XX в. Для раскрытия темы были привлечены источники из фонда Оренбургского магометанского духовного собрания (ф. И-295) Национального архива Республики Башкортостан, в котором хранится огромное количество документов по мусульманским бракоразводным делам. В них обычно имеются прошения женщин о разрешении на развод, резолюции собрания по делу, решения мулл на местах, переписка и другие документы. Изучение конкретных дел позволяет выявить основные причины разводов по инициативе жен.

Согласно шариату, существовали следующие причины развода: 1) заключение браков несовершеннолетних не их родителями (отцами, дедами); 2) бракосочетание неспособных, сумасшедших мужчины и женщины;

3) отступление одного из супругов от религии, например при принятии православия; 4) неспособность мужа к половой жизни; 5) оскорбление, притеснение жены, непризнание мужем ее ребенка [Шариатные статьи... , 1910: 16—17].

В России развод у мусульман допускался в таких случаях: 1) по требованию жены при лишении мужа всех прав состояния, его безвестном отсутствии в течение 5 лет, вследствие супружеской неверности, безумия, оскорбления и полового бессилия мужа; 2) по усмотрению мужа, если он совершеннолетний, в здравом уме, а жена состоит в законном браке и не беременна (талак); 3) по обоюдному согласию с вознаграждением мужа за развод (хлюг); 4) вследствие взаимного отвращения супругов; 5) по обряду проклятия при обвинении жены в прелюбодеянии или непризнании мужем ребенка своим [Свод законов... , 1857: 18—20; Гончаров, 2002: 58—59].

По определению Оренбургского магометанского духовного собрания, брак мог быть расторгнут по ходатайству жены в следующих случаях: 1) при доказательстве, что муж не способен исполнять свои супружеские обязанности; 2) при сумасшествии мужа; 3) при болезни мужа неизлечимыми венерическими заболеваниями (сифилис), а также проказой; 4) если муж не мог обеспечить жену самым необходимым, ежедневным пропитанием [НА РБ, ф. И-295, оп. 4, д. 18 497, л. 6—6 об.]. И российское законодательство, и шариат требовали от мулл вначале добиться примирения супругов. Если этого не удавалось достичь, мулла мог оформить развод.

Дореволюционная статистика регистрировала две формы развода: талак (по требованию мужа) и хлюг (по инициативе жены). Развод хлюг (хулла) обычно происходил по инициативе жены. Заключалось соглашение между супругами о расторжении брачного договора, при этом жена платила мужу вознаграждение из своего имущества. Однако формулу развода произносил муж. Мулла фиксировал развод в метрической книге и из нее делал выписку (разводное письмо), которая вручалась жене. Так, в марте 1901 г. был оформлен развод (хлюг) между супругами башкирами д. Кинзекеево Азнаевской волости Стерлитамакского уезда Г. Фахретдиновым и его женой М. Фаткуллиной. При этом жена отдала мужу «балас (ковер), сундук, гусака с гусыней» [там же, оп. 5, д. 622, л. 53—58 об.].

Бедность мужа вполне могла стать поводом для развода. В условиях хозяйственного кризиса, имевшего место в рассматриваемый период, подобная практика была достаточно распространенной. Сохранилось немало прошений женщин в Оренбургское магометанское духовное собрание, ходатайствующих о разрешении расторжения брака с мужем по причине «недоставления средств к жизни» последним. Так, в 1908 г. с подобной просьбой обратилась в Духовное собрание уроженка д. Апачево Бушман-Кипчакской волости Стерлитамакского уезда Уфимской губернии Х. Исанкулова [там же, д. 5863, л. 1—1 об.]. В 1890 г. мулла д. Байрамгулово Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии Ф. Габдулмазитов развел супругов К. Юлбарсова и Г. Ижбулдину по просьбе последней из-за крайней бедности мужа [там же, оп. 4, д. 16 421, б. паг.]. Сюда же можно отнести случаи, когда муж не полностью оплачивал калым (махр) жене и/или ее родителям. Тогда жена также могла инициировать развод. Башкирка д. Канакаево Стерлитамакского уезда Уфимской губернии Б. Абдулвахитова, выданная замуж в ноябре 1893 г. в д. Смакаево того же уезда, в августе

следующего года обратилась в Духовное собрание с просьбой о расторжении брака. Дело в том, что ее муж не заплатил ни копейки условленного при бракосочетании калыма. Она продолжала жить в доме своего отца, так как муж без уплаты калыма не мог ее перевезти к себе [там же, д. 19 679, л. 6—7 об.].

Жестокое обращение мужа с женой также часто становилось причиной разводов. Так, в марте 1879 г. в Духовное собрание обратилась башкирка д. Аблеисово 2-й Усерганской волости Орского уезда Оренбургской губернии Б. Сафаргалиева с прошением расторгнуть брак с мужем. Выйдя замуж в 1874 г., она прожила с мужем «порядочно» лишь 2 года. Как она пишет, «в последнее время муж мой... начал меня бить, и около уже двух лет я нахожусь в угнетении, работаю одна с работниками, а муж мой с другой женой, пользуясь кумысом от моего скота, данного мне в приданое, и оба с женой называют работницей, держа меня в самом гнусном положении, и не имею уже никакой одежды...». В октябре 1879 г. в ходе разбирательства дела муж просительницы М. Бакиев дал ей развод, вернув приданое: 5 голов лошадей и 6 голов овец [там же, д. 11 482, л. 6—11 об.]. На жестокое обращение мужа жаловалась в 1901 г. башкирка д. Такино Шокуровской волости Красноуфимского уезда Пермской губернии М. Низаметдинова. Ее бил не только муж, но и отец, мать, брат мужа. В частности, в декабре 1900 г. последние нанесли ей «бесчеловечные побои», от которых она «была долгое время без чувств», «изорвали» на ней ситцевую рубашку, «даже говорили, что ее надо до смерти убить и опустить в подполье». В конце февраля 1901 г. супруги пришли к обоюдному согласию, после чего муж дал жене развод [там же, оп. 5, д. 285, л. 4—7].

Редко, но встречались и случаи разводов из-за неспособности мужа к супружеской жизни (см., напр.: [там же, оп. 4, д. 19 714, л. 1—2; д. 20 887, л. 1—10 об.]). Данное обстоятельство, как уже было сказано, подкреплялось нормами шариата и российским законодательством, принятые по ним решения для просительниц обычно носили положительный характер.

В случае ссылки мужа в Сибирь на поселение, на каторгу с лишением всех прав состояния жена могла обращаться к духовному начальству за разрешением о расторжении брака (при ее несогласии следовать за мужем к месту ссылки) [Свод законов... , 1857: 10, 20, 21]. В мусульманском праве не было прямых указаний на разрешение о расторжении брака в случае ссылки мужа за преступление в отдаленные места с лишением прав. Шариат лишь предоставлял право судье (казью) расторгать браки в крайних случаях, когда из-за отсутствия или удаления мужа из места жительства по каким бы то ни было причинам безвозвратно оставшаяся жена не будет иметь средств для существования, что сближало шариатные установления с законами Российской империи [НА РБ, ф. И-9, оп. 1, д. 292, л. 7—8]. Так, в 1887 г. башкир д. Калмашево Мензелинского уезда Уфимской губернии М. Ялалитдинов был сослан на каторгу сроком на 11 лет с лишением всех прав состояния. Его жена отказалась следовать за ним и через 2 года подала прошение о расторжении брака. Ее просьба была удовлетворена [там же, ф. И-295, оп. 4, д. 16 721, л. 1—1 об., 7—8 об.]. Однако в большинстве случаев по положению Кабинета министров от апреля 1862 г. башкир ссылали по мирским приговорам без лишения прав состояния. В 1863 г. был сослан в Сибирь на поселение башкир д. Мусино Уфимского уезда М. Бадамшин, жена

которого через 3 года обратилась в Оренбургское магометанское духовное собрание с просьбой разрешить ей оформить развод и вступить во второй брак. Так как ее муж был сослан без лишения прав состояния, духовное собрание в 1871 г. отказало ей в просьбе [там же, д. 5964, л. 1—16].

Поводом для развода могли стать пропажа мужа без вести или его длительное отсутствие. Муфтий Г. Сулейманов установил 4-летний срок отсутствия мужа, по истечении которого разрешил женщинам вступать в новый брак. Развод по подобным делам мог затянуться на многие годы. Так, в 1864 г. без вести пропал башкир д. Илякшиды Белебеевского уезда Оренбургской губернии Г. Гимадетдинов. Через 7 лет, в 1871 г., его жена обратилась в Духовное собрание за разрешением выйти замуж во второй раз. В этом случае Духовное собрание должно было удостовериться в реальности произошедшего, ознакомиться с ходом розыска пропавшего и его результатами через уездное полицейское управление. Информация о пропавших людях обязательно размещалась на страницах местных газет. В «Уфимских губернских ведомостях» в 1873 г. была опубликована информация о пропавшем Гимадетдинове. Однако розыск не дал никаких результатов и через 6 лет после подачи прошения собрание разрешило расторжение брака [там же, д. 8343, л. 1—9 об.]. После пропажи в 1882 г. башкира д. Ахуново Златоустовского уезда Уфимской губернии Н. Мухаметкаримова его жена в мае следующего года обратилась в Духовное собрание с прошением о разрешении ей выйти замуж за другого человека. Решение Уфимской палаты уголовного и гражданского суда по делу о пропаже Н. Мухаметкаримова, вынесенное в октябре 1882 г., не удовлетворило Духовное собрание. Дело в том, что розыск пропавшего не сопровождался, согласно ст. 59 т. X Свода законов, публикацией в губернской газете. Лишь после соблюдения всех требований в апреле 1888 г. просительнице было позволено выйти замуж во второй раз [там же, д. 14 654, л. 2—31 об.].

Серьезные затруднения представляли изыскания доказательств гибели мужей в армии (после 1874 г.). Для оформления нового брака женщинам необходимы были справки военного начальства, что было сопряжено с немалыми проблемами. Свидетельские показания о гибели мужа во время службы в армии в расчет не принимались [там же, д. 14 192, л. 1—50]. Особенно участились прошения женщин о разрешении вступления во второй брак из-за гибели или пропажи мужа без вести в годы Первой мировой войны. В таких случаях Оренбургское магометанское духовное собрание в частном порядке запрещало муллам разрешать браки «женам нижних воинских чинов впредь до прекращения военных действий» [там же, оп. 6, д. 3741, л. 7—7 об.]. В других случаях оно запрещало женщине вступать в новый брак «до получения от военного начальства официального сообщения о смерти ее мужа или метрической справки от военного муллы о его смерти» [там же, л. 29].

При существовавшей экзогамии* у башкир зачастую жених и невеста не были знакомы до свадьбы. После начала совместной жизни они (преимущественно женщины) нередко не могли привыкнуть друг к другу. И потому несхожесть

---

* Экзогамия (от греч. *exo* — вне и *gamos* — брак) — обычай, запрещающий брачные отношения между членами родственного коллектива (род, фратрия) или локального (община).

характеров приводила к разрыву между ними отношений. Иногда уже в первый же год совместной жизни жена выступала инициатором развода. Так, башкир д. Байназарово Карагай-Кипчакской волости Орского уезда Оренбургской губернии Т. Баймухаметов женился в 1898 г. на Б. Галиаскаровой, уроженке д. Ново-Мусятово 3-й Бурзянской волости. После полной уплаты калыма в 1901 г. жену перевез к себе, через год родилась дочь. Б. Галиаскарова поехала в гости к отцу и к мужу не возвратилась. Оказалось, что их брак был даже не записан в метрическую книгу. В 1904 г. она вышла замуж за другого человека [там же, д. 555, б. паг.]. Похожую историю привел известный российский исследователь С. Г. Рыбаков. Уроженка д. Казаккулово Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии по имени Фахарница вышла замуж в д. Москово. Прожив год с мужем, она «неожиданно восстала против него» (не сошлись характерами) и вернулась в родную деревню. Еще одна попытка совместной жизни с мужем также была неудачной. Вскоре был оформлен развод, ее родители вернули бывшему мужу калым, Фахарница оставила ему дочь [Рыбаков, 2012: 39—40].

В бракоразводных делах немаловажную роль играли близкие родственники жены, прежде всего ее отец, при его отсутствии — брат и др. Шариат гласил, что «при совершении брачного акта или после этого... если со стороны мужа было дано право развода жене, то, при случае осуществления сих условий, жена, если она пожелает воспользоваться своим правом, может дать себе развод согласно его условиям». Обычно эти условия назывались «тагаллик» или «тагаллюк» (подписка). При нарушении условий тагаллика мужем жена могла потребовать развод [Шариатные статьи... , 1910: 12—16]. В официальной статистике не были отражены те случаи, когда жена получала право на развод по условиям бракосочетания (по тагаллику). Между тем такие разводы также имели место. Если между поссорившимися супругами состоялось примирение по тагаллику, то подписку писал при свидетелях имам [Сборник циркуляров... , 1905: 6—7]. Так, после того как башкир д. Альмасово Оренбургского уезда Г. Кулмухаметов побил свою жену Сарвиземал, ее брат обратился к местным муллам. Последние составили тагаллик, взяв подпись у Г. Кулмухаметова, записали в метрическую книгу. Так как в научной литературе не встречается описание тагаллика, то ниже приводим его образец: «В здравом уме и твердой памяти 17 августа 1886 года, я, деревни Алмасовой Кулмухаметов, дал сей тагаллик в том, что жене Сервиземале Сулеймановой состою должником уплатить калым и буду содержать ее как следует по шаригату и по обычаю. В случае же если противно шаригату невинно буду ее обижать, то она вольна будет от меня уйти по одному баин-талаку, имение и калым я тогда обязан буду ей отдать». Когда инцидент повторился, муллы временно развели супругов по тагаллику, Сарвиземал была возвращена брату. Оренбургское магометанское духовное собрание одобрило это решение [НА РБ, ф. И-295, оп. 4, д. 14 798, л. 1—11 об.].

Что касается статистики разводов, то она по народностям (национальностям) в дореволюционный период не велась. В период руководства Уфимским губернским статистическим комитетом известным краеведом Н. А. Гурвичем (1865—1891 гг.) за определенные годы составлялись таблицы о разводах у мусульманского, языческого и иудейского населения губернии. После 1890 г. эта работа была приостановлена. Статистические сведения о разводах показывают,

что в 1860—1880-х гг. у мусульманского населения Уфимской губернии хлюгов (разводы по инициативе жены) в 3—4 раза больше, чем талаков, исключением является 1872 г. [Памятная книжка... , 1873: 76; НА РБ, ф. И-148, оп. 1, д. 40, л. 9; д. 41, б. паг.; Памятная книжка... , б. г.: 59; Памятная книжка... , 1889: 24; Памятная книжка... , 1891: 51; Обзор... , 1891: 48]. В «Памятной книжке Уфимской губернии» за 1878 г. объяснение этому явлению было дано следующее: «Оказывается, что это следствие весьма простой житейской причины, именно... при талаке муж должен уплатить калым, а при хлюге жена ничего не получает» [Памятная книжка... , б. г.: 59]. Об этом же, опираясь на данный источник, писал в конце XIX в. Д. П. Никольский [Никольский, 1899: 116]. Такой точки зрения придерживался и А. З. Асфандияров, по мнению которого мужчины, понявшие материальную невыгодность для себя развода по их инициативе, вынуждали жен подавать на развод [Асфандияров, 1997: 72]. Последний тезис, однако, по источникам доказать затруднительно. Более того, источники свидетельствуют, что жены действовали по своей инициативе, лишь иногда подчиняясь близким родственникам: отцу, брату и другим, вынуждавшим их подать на развод.

Наименьшее число разводов у мусульман в Уфимской губернии было зарегистрировано в 1872 г. (490 случаев), наибольшее — в 1887 г. (1602 случая). В 1860—1880-х гг. в среднем в год фиксировалось 1185 разводов. По отношению к бракосочетаниям разводы составляли от 5 до 25 % за тот или иной год. Общие коэффициенты разводимости варьировались от 0,6 ‰ в 1872 г. до 2,5 ‰ в 1865 г., составив в среднем 1,5 ‰ в год [НА УФИЦ РАН, ф. 3, оп. 5, д. 25, л. 20, 24—25; Памятная книжка... , 1873: 53, 74, 76, XI; Статистический временник... , 1879: 60—61; Статистический временник... , 1882: 96—97; НА РБ, ф. И-148, оп. 1, д. 9, л. 12 об.; д. 12, б. паг.; д. 40, л. 9; д. 41, б. паг.; Памятная книжка... , 1889: 18, 23, 24; Памятная книжка... , 1891: 46, 50, 51]. Общие коэффициенты разводимости у мусульманского населения Уфимской губернии в пореформенный период оказались выше, чем в Башкирской АССР, а также в целом по СССР в 1940—1960-х гг. [Сулейманова, 1998: 26—29; Башкортостан... , 2018: 134; Воспроизводство... , 1983: 208]. Интересным является и тот факт, что в исламских центрах Средней Азии — в Самаркандском и Катта-Курганском отделах Зеравшанского округа за 1882 г. разводы по инициативе жены составляли соответственно 2,23 и 1,85 ‰, тогда как у кочевых народов (казахи, киргизы, каракалпаки) разводы, скорее всего, были распространены намного меньше [Брусина, 2012: 158]. Несмотря на отсутствие статистики разводов после 1890 г. (по Оренбургской губернии она вообще не публиковалась и, видимо, не составлялась статистическим комитетом), сохранение огромного массива бракоразводных дел в фонде Оренбургского магометанского духовного собрания позволяет предположить, что в конце XIX — начале XX в. их число оставалось на том же уровне, если не увеличилось.

Таким образом, жена у башкир как по шариату, так и по российскому законодательству имела право при невыполнении супругом определенных условий требовать развода. Документальные материалы архивов свидетельствуют, что башкирки зачастую активно защищали свои права, обращаясь к муллам и в Оренбургское магометанское духовное собрание с требованием развода (здесь многое зависело от темперамента и характера женщины).

Библиографический список

- Асфандияров А. З. Башкирская семья в прошлом (XVIII — первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 1997. 104 с.
- Башкортостан в цифрах. Уфа: Китап, 2018. 768 с.
- Брусина О. И. Брак и развод в народных судах Туркестана: взаимодействие адата и шариата при российском управлении // Этнографическое обозрение. 2012. № 1. С. 151—166.
- Воспроизводство населения СССР. М.: Финансы и статистика, 1983. 303 с.
- Гончаров Ю. М. Городская семья Сибири второй половины XIX — начала XX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 384 с.
- Назаров П. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 164—192. НА УФИЦ РАН (Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук). Ф. 3. Оп. 5. Д. 25. Л. 20, 24—25.
- НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан).
- Никольский Д. П. Башкиры: этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1899. 317 с.
- Обзор Уфимской губернии за 1890 год. Уфа: Тип. губерн. правл., 1891. 152 с.
- Памятная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1873. Ч. 1: Отд. статистический. 355 с.
- Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год. Уфа: Губерн. тип., [б. г.]. 177 с.
- Памятная книжка Уфимской губернии на 1891 год. Уфа: Губерн. тип., 1891. Отд. 2. 109 с.
- Памятная книжка Уфимской губернии 1889 года. Уфа: Губерн. тип., 1889. Отд. 2. 312 с.
- Руденко С. И. Башкиры: историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.
- Рыбаков С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. Уфа: Китап, 2012. 264 с.
- Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания 1836—1903 гг. Уфа: Губерн. тип., 1905. 226 с.
- Свод законов Российской империи. СПб.: Тип. Второго отделения собственной Его Императорского величества канцелярии, 1857. Т. 10, ч. 1: Законы гражданские. 491 с.
- Статистический временник Российской империи. Сер. 2. СПб.: [б. и.], 1879. Вып. 14: Движение населения в Российской империи за 1870 год. 285 с.
- Статистический временник Российской империи. Сер. 2. СПб.: [б. и.], 1882. Вып. 18: Движение населения в Российской империи за 1872 год. 359 с.
- Сулейманова Р. Н. Женщины Башкортостана: социальный облик (конец 50-х — начало 90-х годов). Уфа: Китап, 1998. 224 с.
- Шариатные статьи с переводом на русский язык о правовых отношениях мусульманского населения Туркестанского края. Ташкент: Типолиитография В. М. Ильина, 1910. 80 с.

References

- Asfandiiaarov, A. Z. (1997) *Bashkirskaiia sem'ia v proshlom (XVIII — pervaiia polovina XIX v.)* [Bashkir family in the past (XVIII — first half of XIX c.)], Ufa, Kitap.
- Bashkortostan v tsifrakh* (2018) [Bashkortostan in numbers], Ufa, Kitap.
- Brusina, O. I. (2012) *Brak i razvod v narodnykh sudakh Turkestana: Vzaimodeistvie adata i shariata pri rossiiskom upravlenii* [Marriage and divorce in people's courts of Turkestan: The interaction of adat and sharia under the Russian governance], *Étnograficheskoe obozrenie*, no. 1. pp. 151—166.
- Goncharov, Yu. M. (2002) *Gorodskaiia sem'ia Sibiri vtoroi poloviny XIX — nachala XX v.* [Urban family of Siberia of the second half of the XIX — early XX c.], Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta.
- Nazarov, P. (1890) *K étnografii bashkir* [On ethnography of Bashkir], *Étnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 164—192.

- Nicol'skiĭ, D. P. (1899) *Bashkiry: Ètnograficheskoe i sanitarno-antropologicheskoe issledovanie* [The Bashkirs: Ethnographic and sanitary anthropological research], St. Petersburg: Tipografiia P. P. Soĭkina.
- Obzor Ufimskoi gubernii za 1890 god* (1891) [Review of the Ufa province in 1890], Ufa: Tipografiia gubernskogo pravleniia.
- Pamiatnaia knizhka Ufimskoi gubernii* (1873) [Commemorative book of the Ufa province], pt. 1: Otdel statisticheskii, Ufa: Gubernskaia tipografiia.
- Pamiatnaia knizhka Ufimskoi gubernii na 1878 god* [Commemorative book of the Ufa province for 1878], Ufa: Gubernskaia tipografiia.
- Pamiatnaia knizhka Ufimskoi gubernii na 1891 god* (1891) [Commemorative book of the Ufa province for 1891], sect. 2, Ufa: Gubernskaia tipografiia.
- Pamiatnaia knizhka Ufimskoi gubernii 1889 goda* (1889) [Commemorative book of the Ufa province of 1889], sect. 2, Ufa: Gubernskaia tipografiia.
- Rudenko, S. I. (2006) *Bashkiry: Istoriko-ètnograficheskie ocherki* [The Bashkirs: Historical and ethnographic essays], Ufa, Kitap.
- Rybakov, S. G. (2012) *Muzyka i pesni ural'skikh musul'man s ocherkom ikh byta* [Music and songs of Ural Muslims with an outline of their life], Ufa, Kitap.
- Sbornik tsirkuliarov i inykh rukovodiashchikh rasporyazheniĭ po okrugu Orenburgskogo magometanskogo dukhovnogo sobraniia 1836—1903 gg.* (1905) [Collection of circulars and other guidelines for the district of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly of 1836—1903], Ufa: Gubernskaia tipografiia.
- Shariatnye stat'i s perevodom na russkiĭ iazyk o pravovykh otnosheniakh musul'manskogo naseleniia Turkestanskogo kraia* (1910) [Sharia articles translated into Russian about the legal relations of the Muslim population of the Turkestan region], Tashkent: Tipolitografiia V. M. Il'ina.
- Statisticheskii vremennik Rossiĭskoi imperii* (1872) [Statistical timeline of the Russian Empire], seriia 2, no. 14: Dvizhenie naseleniia v Rossiĭskoi imperii za 1870 god, St. Petersburg.
- Statisticheskii vremennik Rossiĭskoi imperii* (1872) [Statistical timeline of the Russian Empire], seriia 2, no. 18: Dvizhenie naseleniia v Rossiĭskoi imperii za 1872 god, St. Petersburg.
- Suleĭmanova, R. N. (1998) *Zhenshchiny Bashkortostana: sotsial'nyi oblik (konets 50-kh — nachalo 90-kh godov)* [Women of Bashkortostan: social appearance (late 50s — early 90s)], Ufa: Kitap.
- Svod zakonov Rossiĭskoi imperii* (1857) [The Digest of laws of the Russian Empire], vol. 10, pt. 1: Zakony grazhdanskie, St. Petersburg: Tipografiia Vtorogo otdeleniia sobstvennoi Ego Imperatorskogo velichestva kantseliarii.
- Vosproizvodstvo naseleniia SSSR* (1983) [Reproduction of the population of the USSR], Moscow, Finansy i statistika.

Статья поступила 16.04.2021 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Сулейманова Рима Нугамановна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующая отделом новейшей истории Башкортостана, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, г. Уфа, Россия, rnsulejman@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Head of the Department of Recent History of Bashkortostan, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation).

Исянгулов Шамиль Наилевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, г. Уфа, Россия, isangul-schamil@mail.ru (Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. No. 3. P. 144—152
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.12

Женщина в российском обществе
2021. № 3. С. 144—152
ББК 74.3(2)53
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.12

ВКЛАД ЖЕНЩИН В РАЗВИТИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ (На примере борьбы Л. А. Шанявской за открытие народного университета)

М. Б. Буланова, М. Ю. Милованова

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Россия, m_milovanova@mail.ru

Анализируется вклад выдающегося мецената образования Л. А. Шанявской в реализацию проекта создания в Москве негосударственного народного университета (1908 г.), который по праву можно считать доступным социальным лифтом для тысяч людей в получении высшего образования без ограничений, обусловленных полом, сословием, национальностью и образовательным уровнем. На Международной научно-практической конференции «Гендерные исследования: теория, научные школы, практика», состоявшейся 4 марта 2021 г. в Российском государственном гуманитарном университете, личности Л. А. Шанявской было уделено особое внимание. Благодаря ее практичному уму, дипломатичности, упорству стало возможным выполнить условия завещания А. Л. Шанявского. Авторы с помощью историко-биографического анализа, опираясь на архивные документы, реконструируют драматические события борьбы за открытие народного университета.

Ключевые слова: высшее образование, социальный лифт, Л. А. Шанявская, Московский городской народный университет им. А. Л. Шанявского, историко-биографический анализ.

THE CONTRIBUTION OF WOMEN TO THE DEVELOPMENT
OF PUBLIC EDUCATION IN RUSSIA
(On the example of L. A. Shanyavskaya's struggle
for the people's university)

M. B. Bulanova, M. Yu. Milovanova

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation, m_milovanova@mail.ru

The article analyzes the contribution of the outstanding philanthropist of education L. A. Shanyavskaya to the implementation of the project to create a non-state People's University in Moscow (1908), which can rightfully be considered as an accessible social elevator for thousands of people in obtaining higher education despite the gender, class, nationality and educational level. L. A. Shanyavskaya's personality was paid special attention to at the international scientific and practical conference "Gender Studies: Theory, Scientific Schools, Practice", held on March 4, 2021 at the Russian State University for the Humanities. It became possible to execute a will of A. L. Shanyavsky because of her practical mind, diplomacy, perseverance. The authors reconstruct the dramatic events of the struggle for the people's university, using historical and biographic analysis and relying on archival documents. Before his death in 1905 A. L. Shanyavsky drew up a spiritual testament in which he allocated funds and instructed his wife Lydia Alekseevna to open the People's University in Moscow until October 3, 1908. Everything went according to plan in the beginning. Moscow City Duma accepted Shanyavsky's gift and approved of the Regulations on the People's University. However, the Ministry of Public Education, represented by A. N. Schwartz, trying to take control of a new educational institution and prevent free-thinking, did everything to slow down the project which was already under way. L. A. Shanyavskaya united the best forces of the intellectuals (in the person of M. M. Kovalevsky, N. V. Speransky, A. F. Koni and others), appealed personally to the Minister of Education A. N. Schwartz, Moscow city mayor N. I. Guchkov, Chairman of the Council of Ministers P. A. Stolypin, and achieved the fulfillment of the will at the cost of incredible personal efforts.

Key words: higher education, social elevator, L. A. Shanyavskaya, Moscow City People's University named after A. L. Shanyavsky, historical and biographical analysis.

Введение

Если XX в. вошел в историю как столетие борьбы за усиление влияния женщин, утверждение принципа гендерного равноправия, то XXI в. претендует быть столетием глобального феминизма. Но исторический анализ имеет обратную логику, возвращая исследователей к периоду российских реформ второй половины XIX в., вдохновивших на активную деятельность плеяду замечательных людей, в том числе наших выдающихся соотечественниц. К таким людям смело можно отнести мецената образования самодостаточную деловую женщину Лидию Алексеевну Шанявскую. На Международной научно-практической конференции «Гендерные исследования: теория, научные школы, практика», состоявшейся 4—5 марта 2021 г. в Российском государственном гуманитарном

университете (РГГУ)¹, личности Л. А. Шанявской было уделено особое внимание. Это связано, во-первых, с тем, что сохраняется традиция признания исключительной роли ее супруга А. Л. Шанявского в создании народного университета, тогда как Лидия Алексеевна, проявив ум, дипломатичность, упорство, внесла, пожалуй, больший практический вклад в дело открытия учебного заведения высшего образования, доступного для всех без ограничений, связанных с полом, сословием, национальностью и образовательным уровнем. Во-вторых, возрождая традицию проведения научно-практических конференций по гендерной проблематике, нельзя было не учесть тот факт, что РГГУ, с 1991 г. расположенный на исторической территории, считается наследником традиций Московского городского народного университета им. А. Л. Шанявского.

К истокам биографии Л. А. Шанявской

Биографию Лидии Алексеевны Родственной (Шанявской) исследователю приходится восстанавливать, возвращая современникам память о замечательном человеке, меценате, благотворителе. Дату ее рождения можно определить только по свидетельству современников, утверждавших, что она была на 3—4 года старше своего мужа — Альфонса Леоновича Шанявского (1837—1905). Точно неизвестно и место рождения, однако можно предположить, что ее детство и юность были связаны с Забайкальем. Родители Лидии — начальник нерчинских сереброплавильных заводов Алексей Федорович Родственный и одна из держателей золотых приисков в тех же краях Аполлинария Ивановна Родственная — дали дочери прекрасное домашнее образование и определили направление ее самостоятельной трудовой деятельности. По примеру своей матери в годы золотой лихорадки в Нерчинском горном округе Лидия Алексеевна инициировала поиски золота на реке Зея, а в дальнейшем на равных паях с А. Л. Шанявским оформила заявки на разработку десятков золотосодержащих площадей [Афанасьев, 2006: 208]. Получая достаточно доходов с приисков, супруги Шанявские могли бы прожить спокойную обеспеченную жизнь. Однако они предпочли пойти трудной дорогой благотворительности в то время, когда лишь дети дворян могли быть допущены к обучению в гимназиях и университетах, а женское образование сводилось к деятельности институтов благородных девиц. Основная заслуга Лидии Алексеевны состоит в реализации разработанного А. Л. Шанявским проекта открытия в Москве вольного народного университета.

План создания вольного народного университета

А. Л. Шанявский приступил к осуществлению планов создания народного университета в августе 1905 г., однако здоровье его резко пошатнулось: прогрессирующая аневризма аорты могла привести к смерти от любого эмоционального или физического напряжения. Лидия Алексеевна старалась избежать печального сценария всеми возможными средствами. Вот как об этом пишет исследователь С. Э. Шноль: «Резко ограничивается общение. Только с близкими друзьями. Перед домом, чтобы шум колес экипажей и стук копыт лошадей не тревожил больного, на мостовую настилается солома. Альфонс Леонович

¹ См. сайт РГГУ (<https://www.rsuh.ru/education/sf/news/detail.php?ID=704597>).

и Лидия Алексеевна дома обсуждают проекты лишь с самыми близкими друзьями — братьями М. В. и С. В. Сабашниковыми, Н. В. Сперанским и профессором В. К. Ротом» [Шноль, 2010: 79].

Обострившаяся болезнь не оставляла времени на раздумья, и А. Л. Шанявский 15 сентября 1905 г. обращается с письмом к министру народного просвещения В. Г. Глазову с просьбой поддержать замысел основать в Москве народный университет. В частности, он пишет: «Такой университет... давал бы доступ к знанию всем обездоленным, не имеющим входа в казенный университет... Такой университет не будет конкурировать с казенным, а лишь дополнять и расширять его, делая доступным знание всем его жаждущим — без всяких аттестатов зрелости»². В этот же день Шанявский пишет профессору В. К. Роту и просит представить в Московскую городскую думу его обращение о передаче в дар городу средств для создания народного университета³. В самом обращении от 15 сентября 1905 г. Альфонс Леонович подчеркивает в первую очередь, что в университете будут читаться «предметы по всем отраслям академического знания и при этом чтение может вестись как на русском, так и на других языках»; а также, что к слушанию лекций будут допускаться «лица обоего пола не моложе шестнадцати лет, без различия национальностей и вероисповеданий», плата же «за слушание лекций попредметно или группами должна быть определена в возможно доступном размере»⁴. Доверяя опыту М. М. Ковалевского, полученному при создании Высшей школы общественных наук в Париже, 22 сентября 1905 г. Альфонс Леонович пишет ему письмо с просьбой принять участие в разработке проекта устава и войти в попечительский совет Московского народного университета⁵. В этот же день М. М. Ковалевский дает положительный ответ на данное предложение: «Искренне рад возможности послужить рядом с Вами великому делу просвещения»⁶.

Пытаясь ускорить ход событий, 3 октября 1905 г. Шанявский написал еще одно обращение в Государственную думу, обозначив дополнительные источники средств, необходимых для содержания университета. Наконец, Московская государственная дума на заседании, состоявшемся 25 октября 1905 г., единогласно постановила «принять с благодарностью жертвуемое генерал-майором А. Л. Шанявским имущество для устройства и содержания из доходов с него Народного университета» [Обсуждение доклада Комиссии... , 1906: 170—171]. Однако Альфонс Леонович, хорошо зная степень активности властей при организации нового дела, 31 октября 1905 г. дает поручение-доверенность Л. А. Шанявской с задачей завершить комплектование попечительского совета и комиссии для выработки устава Московского народного университета⁷, а 2 ноября 1905 г. предоставляет ей право войти в соответствующие совет

---

² Шанявский А. Письмо министру народного просвещения В. Г. Глазову // Рукописный отдел Российской государственной библиотеки. Ф. 554. Д. 10. Л. 1—3 об. Далее: РО РГБ.

³ Шанявский А. Письмо профессору В. К. Роту // Там же. Д. 12. Л. 1.

⁴ Обращение А. Л. Шанявского к Московской городской думе // Там же. Д. 6. Л. 10—13.

⁵ Шанявский А. Письмо профессору М. М. Ковалевскому // Там же. Д. 11. Л. 1.

⁶ Ковалевский М. М. Письмо А. Л. Шанявскому // Там же. Д. 21. Л. 2.

⁷ Поручение-доверенность А. Л. Шанявского Л. А. Шанявской // Там же. Д. 31. Л. 1.

и комиссию в качестве пожизненного члена⁸. Предчувствуя, что дни его сочтены, 7 ноября 1905 г. А. Л. Шанявский составляет духовное завещание, в котором подтверждает свое желание создать в Москве народный университет, выделяя необходимые для этого денежные средства, и ограничивает срок его открытия тремя годами с даты последнего заявления в Думу, т. е. до 3 октября 1908 г.⁹, а также нотариально заверяет дарственную на домовладение по адресу ул. Арбат, д. 2 в пользу Московской городской думы. Вечером того же дня он скончался, оставив дело подготовки и организации народного университета Лидии Алексеевне. Начался период активной борьбы за открытие университета.

Три года активной борьбы за народный университет

До лета 1906 г. все шло по плану, оставленному А. Л. Шанявским. Была создана и начала работу Комиссия по выработке основ организации и устава народного университета. Согласно пожеланию Альфонса Леоновича, в состав данной комиссии вошли те люди, с которыми он был дружен и которым мог доверить сложное дело: М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев, А. Н. Реформатский, В. К. Рот, М. В. Сабашников, Н. В. Сперанский, К. А. Тимирязев, А. Н. Шереметьевская, Л. А. Шанявская и В. Е. Якушкин. Кроме того, Комиссия в своей работе «пользовалась любезным содействием» кн. Е. Н. Трубецкого, Н. А. Каблукова, Н. М. Кулагина, А. А. Кизеветтера, Н. К. Кольцова, М. Н. Шатерникова, С. Ф. Фортунатова, Б. И. Угримова. Члены комиссии твердо следовали воле покойного при обсуждении вопросов об управлении университетом, составе преподавателей, условиях приема студентов и их обучения. Не было разногласий и в решении «присвоить будущему университету имя А. Л. Шанявского, как человека, который не только подал мысль устройства в Москве “вольного” университета, но и своей крупной жертвой дал возможность приступить к устройству этого учреждения». Свои выводы Комиссия представила в докладе Московской городской думе 17 мая 1906 г.¹⁰, а 30 мая 1906 г. вышло постановление «об утверждении проекта Положения о Московском народном университете имени А. Л. Шанявского и о поручении Попечительному совету университета ныне же приступить к организации университетского преподавания» [Решения... , 1907: 83—84]. Казалось бы, все преграды позади. Однако 23 июня 1906 г. был заявлен протест Московского особого по городским делам присутствия (в лице городского главы Н. Гучкова) о нарушении порядка утверждения Положения и необходимости его представления в соответствующие инстанции в установленной последовательности¹¹.

О том, как разворачивались события далее, можно судить по воспоминаниям очевидца, непосредственно принимавшего участие в происходящих

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ Духовное завещание А. Л. Шанявского // Центральный исторический архив Москвы. Ф. 179. Оп. 11. Д. 734. Л. 10—10 об. Далее: ЦИАМ.

¹⁰ Доклад Комиссии для выработки основ организации и устава народного университета // Там же. Д. 287. Л. 26—32.

¹¹ Из журнала Московского особого по городским делам присутствия: отмена постановления Московской городской думы об утверждении Положения о Московском народном университете имени А. Л. Шанявского, 23 июня 1906 г. // Там же. Л. 21—25.

событиях, — А. А. Кизеветтера [Кизеветтер, 1996]. Важно было провести Положение о народном университете, следуя сложившемуся законодательному порядку. Стоящий во главе Министерства народного просвещения П. М. Кауфман и товарищ министра О. П. Герасимов сочувствовали идее Шанявского и поэтому постарались представить соответствующий законопроект для рассмотрения на ближайшей сессии Государственной думы. В сам документ (проект Положения) были внесены незначительные изменения, не затрагивающие принципиальных моментов, оговоренных в завещании А. Л. Шанявского. На всякого рода согласования потребовалось больше года. Наконец, 27 ноября 1907 г. П. М. Кауфман обратился к председателю Третьей Государственной думы Н. А. Хомякову с представлением об утверждении проекта Положения о Московском народном университете¹². Однако доклад Комиссии по народному образованию, первоначально назначенный на 4 декабря 1907 г., не был рассмотрен Государственной думой, так как законопроект был взят на пересмотр и доработку вновь назначенным министром народного просвещения А. Н. Шварцем, который занимал крайне консервативную позицию по отношению ко всем новым начинаниям в сфере образования.

В крайней тревоге всех лиц, заинтересованных в благополучном исходе дела, наступил 1908 г. Срок, назначенный А. Л. Шанявским для открытия университета, подходил к концу. И здесь опять потребовались деловые, дипломатические качества Лидии Алексеевны. 2 февраля 1908 г. она отправляет телеграмму министру А. Н. Шварцу с просьбой ускорить решение вопроса об открытии Московского народного университета¹³. В ответном письме А. Н. Шварц уверяет Лидию Алексеевну, что у него нет никаких «злокозненных целей» задерживать дело, но редакция университетского устава «признана спешной, и в ней находятся действительно разные странности», которые нужно устранить¹⁴. Для исключения этих «странностей» министр предложил поправки, связанные с усилением контроля за университетом со стороны Министерства: утверждение преподавателей и программ преподавания попечителем учебного округа, утверждение председателя правления университета министром народного просвещения, чтение курсов только на русском языке и пр. Конечно, принятие поправок сильно затронуло бы университетскую автономию, но главная опасность заключалась в том, что рассмотрение дела затягивалось на неопределенное время.

В отчаянии Лидия Алексеевна 18 марта 1908 г. написала письмо Председателю Совета министров П. А. Столыпину с ходатайством о содействии в ускорении положительного решения вопроса об открытии Московского народного университета¹⁵. В содержании письма были и такие слова: «Вы, как глава Кабинета,

---

¹² Сопроводительное письмо министра народного просвещения П. М. Кауфмана Председателю Третьей Государственной думы Н. А. Хомякову к представлению об утверждении проекта Положения о Московском народном университете // Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 140. Л. 1. Далее: РГИА.

¹³ Телеграмма Л. А. Шанявской министру народного просвещения А. Н. Шварцу от 2 февраля 1908 г. // ОР РГБ. Ф. 554. Д. 42. Л. 2.

¹⁴ Шварц А. Н. Письмо Л. А. Шанявской от 2 февраля 1908 г. // Там же. Д. 33. Л. 1.

¹⁵ Шанявская Л. А. Письмо Председателю Совета министров П. А. Столыпину // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 195. Л. 76—78.

можете своим могущественным словом дать движение делу, чего мы, маленькие люди, никакими мольбами и просьбами достичь не можем два с половиною года. Будьте так милостивы, переговорите с господином Шварцем, чтобы он не откладывал долее внесения устава в Думу»¹⁶. Как вспоминает А. А. Кизеветтер, несмотря на свой преклонный возраст и болезнь, вдова Шанявского лично увиделась со П. А. Столыпиным и получила у него обещание поторопить А. Н. Шварца. И дело действительно сдвинулось с места.

3 апреля 1908 г. состоялось заседание Московской городской думы по вопросу о внесении изменений в проект Положения о народном университете, предложенных А. Н. Шварцем. Оказалось, что министр заранее поставил Думе следующее условие: он не согласится ни на какие поправки к его законопроекту, а в случае любых предложений по изменениям вновь возьмет его на доработку. Этого нельзя было допустить. Тем не менее прения в Думе по законопроекту А. Н. Шварца были бурными. Член Государственной думы В. А. Маклаков прямо заявил, что «перемена руководителя министерства и перемена его политики — вот что в данном случае стало поперек дороги университету Шанявского». П. Н. Милюков подчеркнул, что позицией Шварца Государственная дума «прижата в угол», ей говорят: «Кошелек или жизнь!». «Господа, так как жизнь дорогого учреждения нам ближе к сердцу, — продолжил он, — то нам приходится отдать кошелек. Хотя и с величайшим прискорбием, но мы это делаем!» Практически все, выступавшие с трибуны, были единодушны в одном: они отдадут свой голос за предложенный министром Шварцем законопроект только «по невозможности лишить Москву и Россию нового просветительного учреждения» [Из стенографического отчета... , 1908]. Итак, Государственная дума большинством голосов утвердила законопроект, постановив при этом присвоить Московскому городскому народному университету имя А. Л. Шанявского.

12 апреля 1908 г. Л. А. Шанявская пишет письмо московскому городскому главе Н. И. Гучкову, в котором сообщает, что, как ближайшая истолковательница воли Шанявского, она принимает все изменения, внесенные в Положение о народном университете¹⁷. Одобренный Государственной думой законопроект Шварца поступает в следующую инстанцию — Государственный совет. На заседании Госсовета 18 июня 1908 г. блестящую речь в защиту начинания А. Л. Шанявского произнес А. Ф. Кони. В этой речи он, в частности, подчеркнул, что потребность народа в знании, самопознании — такая же потребность, как в свободе совести и свете, и она должна быть удовлетворена, иначе народ может быть ввергнут в «мрачное сектанство или беспомощность и слепоту невежества». Закончил он речь следующими словами: «Я ходатайствую перед Государственным Советом (ввиду возвышенности целей покойного Шанявского и ценности вклада, сделанного им на пользу русского просвещения) об утверждении проекта Думы без сомнений и колебаний, не ставя препон хорошему делу и относясь к русскому человеку с тем же доверием, с которым отнесся к нему Альфонс Леонович Шанявский» [Стенографический отчет... , 1908]. На этом же заседании речь произнес и профессор М. М. Ковалевский, обратив внимание

¹⁶ Там же. Л. 78.

¹⁷ Шанявская Л. А. Письмо московскому городскому главе Н. И. Гучкову // ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 11. Д. 287. Л. 128.

слушателей на трудности, с которыми встречается российская молодежь, желающая получить высшее образование. Он отметил, что требуется только одобрение Государственного совета, «чтобы первопрестольная столица обогатилась учреждением, от которого зависит, разумеется, развитие просвещения России, а следовательно, и благоденствие нашего отечества» [там же]. Государственный совет одобрил законопроект, принятый Государственной думой, а 26 июня 1908 г. надписью его императорского величества «Быть по сему!» был скреплен Закон Российской империи «Об утверждении Положения о Московском городском университете имени Альфонса Леоновича Шанявского».

По воспоминаниям А. Кизеветтера, когда до истечения срока оставалось всего три месяца, требовалась огромная работа: найти помещение для чтения лекций и утвердить первоначальный состав лекторов, распределив между ними курсы, закончить первоначальное оборудование университета, найти помещение для канцелярии, чтобы открыть прием заявлений от слушателей и пр. [Кизеветтер, 1996]. Но устроители университета преодолели все трудности. 1 октября 1908 г. в Московской городской думе состоялось торжественное открытие университета: актовую речь произнес профессор П. Г. Виноградов [Сперанский, 1913: 20—34]. На следующий день начались учебные занятия: лекцию по статистике читал профессор А. Ф. Фортунатов [Отчет Московского городского народного университета... , 1909: 4].

Так распорядилась судьба, что в семье Шанявских не было детей, поэтому всю свою энергию Лидия Алексеевна направляла исключительно на общественную, просветительскую и меценатскую деятельность. Благодаря героическим усилиям ей, не занимавшей официальных постов, но преданной делу народного образования и исполнявшей волю своего мужа, удалось свершить «начинание на благо и возрождение России».

Библиографический список

- Афанасьев П. Ю.* Золото Приамурья. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2006. 208 с.
Из стенографического отчета заседания Третьей Государственной думы по рассмотрению законопроекта «Об утверждении Положения о Московском народном университете им. А. Л. Шанявского» // Стенографические отчеты, 1907—1908 гг. / Гос. дума, 3-й созыв, сессия 1-я. СПб.: Гос. тип., 1908. Ч. 3. Стб. 1850—2028, 2426—2433.
- Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий: воспоминания, 1881—1914. М.: Искусство, 1996. 396 с.
- Обсуждение доклада Комиссии по вопросу о принятии пожертвования А. Л. Шанявского // Журналы Московской городской думы за 1905 г. М.: Гор. тип., 1906. С. 170—171.
- Отчет Московского городского народного университета имени А. Л. Шанявского за 1908/09 академический год: 1-й год. М., 1909. 11 с.
- Решения, принятые по заключительному докладу Комиссии для выработки основ организации и устава народного университета // Журналы Московской городской думы за 1906 г. М.: Гор. тип., 1907. С. 83—84.
- Сперанский Н. В.* Возникновение Московского городского народного университета имени А. Л. Шанявского: историческая справка. М.: Гор. тип., 1913. 34 с.

Стенографический отчет заседания Государственного совета по рассмотрению законопроекта «Об утверждении Положения о Московском народном университете им. Л. А. Шанявского» от 18 июня 1908 г. // Стенографические отчеты / Гос. совет, сессия 3-я. СПб.: Гос. тип., 1908. Стб. 1912—1936.

Шноль С. Э. Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. 4-е изд. М.: Либроком, 2010. 720 с.

References

- Afanas'ev, P. Iu. (2006) *Zoloto Priamur'ia* [Gold of the Amur Region], Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh.
- Kizevetter, A. A. (1996) *Na rubezhe dvukh stoletii: Vospominaniia, 1881—1914* [At the turn of two centuries: Memoirs, 1881—1914], Moscow: Iskusstvo.
- Obsuzhdenie doklada Komissii po voprosu o priniatii pozhertvovaniia A. L. Shaniavskogo (1906) [Discussion of the report of the Commission on the issue of accepting the donation of A. L. Shanyavsky], *Zhurnaly Moskovskoi gorodskoi dumy za 1905 god*, Moscow: Gorodskaiia tipografiia, pp. 170—171.
- Otchët Moskovskogo gorodskogo narodnogo universiteta imeni A. L. Shaniavskogo za 1908/09 akademicheskii god: 1-ï god* (1909) [Report of the Moscow City People's University named after A. L. Shanyavsky for 1908—1909 academic year: 1st year], Moscow.
- Resheniia, priniatye po zakliuchitel'nomu dokladu Komissii dlia vyrabotki osnov organizatsii i ustava narodnogo universiteta (1907) [Decisions taken on the final report of the Commission to develop the foundations of the organization and the charter of the people's university], *Zhurnaly Moskovskoi gorodskoi dumy za 1906 god*, Moscow: Gorodskaiia tipografiia, pp. 83—84.
- Shnol', S. È. (2010) *Geroi, zlodei, konformisty otechestvennoi nauki* [Heroes, villains, conformists of Russian science], Moscow: Librokom.
- Speranskiï, N. V. (1913) *Vozniknovenie Moskovskogo gorodskogo narodnogo universiteta imeni A. L. Shaniavskogo: Istoricheskaia spravka* [The emergence of the Moscow City People's University named after A. L. Shanyavsky: Historical reference], Moscow: Gorodskaiia tipografiia.

Статья поступила 14.05.2021 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Буланова Марина Борисовна — доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии, ведущий научный сотрудник Центра научного проектирования, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, marina_bulanova@inbox.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Theory and History of Sociology, Leading Researcher of the Center for Scientific Design, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation).

Милованова Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры политической социологии и социальных технологий, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, m_milovanova@mail.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Political Sociology and Social Technologies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

---

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

- Каширкина А. А., Морозов А. Н.** Европейский опыт оценки гендерной проблематики: совместимость международных стандартов и национальных правовых подходов 3
- Сапаргаликызы Ж., Сейдуманов С. Т.** Казахстанские женщины в органах государственного управления: институциональные условия и карьерные стратегии 18

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- Козловский В. В., Панкратова Л. С., Ткачук Д. В.** Репродуктивное здоровье населения России: ресурсы государственного регулирования 32
- Ростовская Т. К., Золотарева О. А.** Оценка значимости мер демографической политики в области рождаемости: мнения мужчин и женщин России (По результатам социологического исследования) 47
- Баскакова М. Е.** К вопросу о влиянии образования на гендерный разрыв уровней общей безработицы в России 53
- Воденко К. В., Дегтярев А. К.** Гендерные стереотипы в сфере высшего образования: академическое лидерство как способ нейтрализации социальных рисков 71
- Карушева Ю. М.** Образ Родины глазами эмигрантов из России в США и россиян: сравнительный анализ (На материалах интервью) 85
- Клименко Л. В.** Семья в поликультурном пространстве Юга России: этногендерное измерение 99
- Фирсов М. В., Вдовина М. В.** Женщина в системе социальной защиты: статус и удовлетворенность трудом 117
- Торбург М. Р., Добронравов С. В.** Эволюция образа женщины-руководительницы в советском кино 127

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

- Сулейманова Р. Н., Исянгулов Ш. Н.** «Прошу разрешить расторгнуть брак с мужем...»: о разводах у башкир по инициативе жены (вторая половина XIX — начало XX в.) 135
- Буланова М. Б., Милованова М. Ю.** Вклад женщин в развитие народного образования в России (На примере борьбы Л. А. Шанявской за открытие народного университета) 144
- Информация для авторов* 153

CONTENTS

GENDER POLITOLOGY

- Kashirkina A. A., Morozov A. N.** European experience in gender assessment:
compatibility of international standards and national legal approaches 3
- Sapargalikyzy Zh., Seidumanov S. T.** Women of Kazakhstan in the state governing
bodies: institutional conditions and career strategies 18

GENDER SOCIOLOGY

- Kozlovskiy V. V., Pankratova L. S., Tkachuk D. V.** Reproductive health
of the population of Russia: resources of state regulation 32
- Rostovskaya T. K., Zolotareva O. A.** Assessment of the demographic policy measures
importance in the field of fertility: opinions of men and women in Russia
(Based on a sociological research) 47
- Baskakova M. E.** On the impact of education on the gender general unemployment
gap in Russia 53
- Vodenco K. V., Degtyarev A. K.** Gender stereotypes in higher education:
academic leadership as a way to neutralize social risks 71
- Karusheva Yu. M.** The image of Motherland from the point of view of Russian emigrants
in the USA and Russians: a comparative analysis (Based on interviews) 85
- Klimenko L. V.** Family in the multicultural space of Southern Russia:
gendering ethnography 99
- Firsov M. V., Vdovina M. V.** Women in the social protection system:
status and job satisfaction 117
- Torburg M. R., Dobronravov S. V.** The evolution of the woman-leader image
in Soviet cinema 127

GENDER HISTORY

- Suleimanova R. N., Isyangulov Sh. N.** “I request the termination of the marriage
with my husband...”: on divorces initiated by wives among Bashkirs
(the second half of the XIX — early XX c.) 135
- Bulanova M. B., Milovanova M. Yu.** The contribution of women to the development
of public education in Russia (On the example of L. A. Shanyavskaya’s struggle
for the people’s university) 144
- Information for the authors* 153

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 3 — 2021

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 30.09.2021 г. Печать плоская. Бумага писчая.
Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. 13,7. Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 100 экз.
Заказ № 121. Цена свободная

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Выходит ежеквартально с 1996 года

Распространяется по подписке и
по предварительным заявкам ученых
и библиотек

 ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ